

1

1966

Искаатель

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЦСКАТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Алексей ОЧКИН — Четырнадцатилетний истребитель	4
В. САПАРИН — На восьмом километре	26
А. НАСИБОВ — Рифы	48
Станислав ЛЕМ — Правда	90
Б. КОЛОКОЛОВ — Лесные люди	110
В. ФИРСОВ — Уже тридцать минут на Луне...	120
В. МАРИН — Колесо	127
Э. ЗЕЛИКОВИЧ — Следующий мир	131
Евг. БРАНДИС — Вокруг Жюль Верна	143

№ **1** (31)

1966
ШЕСТОЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

„ИСКАТЕЛЮ“

5

ЛЕТ

Дорогие читатели!

«Искателю» исполнилось пять лет. За эти годы в тридцати выпусках опубликовано 250 произведений приключенческой и фантастической литературы. Читатели познакомились с творчеством советских литераторов разных поколений.

Значительно пополнился авторский актив. К списку имен известных наших фантастов и приключенцев прибавились

новые имена молодых писателей, которые впервые опубликовали свои произведения в «Искателе» и в журнале «Вокруг света», а теперь хорошо знакомы читателям своими книгами.

Представлено в «Искателе» и творчество ряда зарубежных писателей.

В 1966 году «Искатель» начнет публиковать литературные произведения, посвященные приближающемуся 50-летию Великого Октября. По-прежнему большое место будет занимать военно-патриотическая тематика. В каждом выпуске, как и в истекшем году, молодой читатель встретится со своим современником.

Продолжая традиции работы с начинающими авторами, редакция вводит с первого выпуска этого года новую рубрику — «Первый рассказ».

Редакция

НОВЫЙ ЭТАП ПОЗНАНИЯ ТАИН ВСЕЛЕННОЙ

3 февраля 1966 года в 21 час 45 минут 30 секунд по московскому времени советская автоматическая станция «Луна-9» произвела мягкую посадку на лунную поверхность — впервые в истории. Космический аппарат, созданный руками человека, стал передавать на Землю научную информацию непосредственно с поверхности Луны. По радиокомандам с наземного центра космической связи станция «Луна-9» проводила обзор лунного ландшафта и передачу его изображений на Землю.

Советским ученым и конструкторам пришлось идти непроторенным путем, решать совершенно новые для космической техники задачи.

Это небывалое еще достижение человеческого разума и труда закономерно связано с успехами нашей социалистической Родины, ростом ее экономической мощи, с расцветом ее науки, могучим подъемом творческих сил советского народа. Особенно примечательно, что этот научный подвиг совершен в канун исторического события — XXIII съезда КПСС.

Мягкая посадка автоматической станции на Луну открывает после запуска первого спутника, первого полета человека в космос, первого выхода космонавта из корабля новый этап в освоении космического пространства и приближает то время, когда нога человека ступит на Луну.

Два фантастических рассказа, публикуемых в этом выпуске, являются попытками представить некоторые картины освоения Луны человеком в ближайшем будущем.

Об авторе публикуемых глав из документальной повести «Четырнадцатилетний истребитель» А. Я. Очкине «Искатель» уже рассказывал в очерке В. Степанова «Имена неизвестных героев» (№ 1 за 1964 год). Алексей Очкин во время битвы на Волге в самые тяжелые дни обороны с горсткой бойцов десять дней отбивал атаки фашистских танков у Тракторного завода.

Вместе с ним сражался четырнадцатилетний Ваня Федоров, совершивший героический подвиг и отдавший свою жизнь для спасения бойцов.

О последних днях жизни юного героя, имя которого носят сейчас многие пионерские отряды нашей страны, рассказывает в своей повести А. Очкин.

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИЙ ИСТРЕБИТЕЛЬ

1

В жаркий июль 1942 года по пепельной от полыни донской степи двигался воинский эшелон с истребителями танков, разведчиками и саперами еще малоизвестной в то время сологубовской дивизии. Паровоз с трудом тащил красные солдатские теплушки, платформы с пушками и машинами и удивительный среди этого разнокалиберного состава зеленый спальный вагон — в нем ехал комдив Сологуб со своим штабом. Впереди показался разъезд. Паровоз дал протяжный гудок, но семафор по ту сторону разъезда оставался закрытым, и поезд стал замедлять ход. Перекатисто звякнули буфера...

Не дожидаясь остановки, лейтенант Дымов выпрыгнул из теплушки и пробежал несколько шагов по хрустящему шлаку. Лейтенант огляделся. Разъезд был глухой — два пути, будка, а вокруг — ровная, пепельно-однообразная степь.

Дымов смахнул крошки шлака с начищенных до блеска сапог, поправил портупею, сделал строгое лицо и зашагал вдоль эшелона. Но как ни старался он выглядеть бывалым военным, все обнаруживало в нем только что испеченного командира: и самодельная портупея через плечо, и медные «кубари» на петлицах, и главное — не скроешь семнадцати

лет, когда на месте усов лишь белесый пушок, а над краем сдвинутой пилотки упорно топорщится русая прядь.

Лейтенант пошел вдоль состава принимать рапорт от часовых и наблюдателей «за воздухом» (так назывались дежурные бойцы у зенитных пулеметов), обошел десятка два платформ и вагонов истребителей танков: в следующих вагонах ехали саперы и разведчики. Там ему делать было нечего, он был дежурным только по своей части. Потом повернул обратно. Из эшелона уже выскочили солдаты. Они курили группками у вагонов, бегали наперегонки или состязались — кто дальше пройдет по рельсе? Дымов тоже не удержался от искушения и, балансируя руками, пошел по рельсе. Ему удалось дойти почти до вагона, в котором располагался его взвод, но тут он увидел такое, что потерял равновесие...

Верхом на буфере сидел мальчишка лет тринадцати. Его развеселило, что лейтенант не удержался на рельсе, и от удовольствия он задрыгал ногами в больших солдатских ботинках, замахал длинными рукавами шинели. Дымова это возмутило — едет «зайцем» под самым носом у него, да еще посмеивается.

— А ну, пацан, марш! — скомандовал он.

— Сам ты пацан!.. — огрызнулся мальчишка.

За спиной лейтенанта раздалось рассыпчатое: «Ха-ха-ха!»

— Кому говорю? Марш отсюда!

«Заяц» невозмутимо продолжал сидеть верхом на буфере — волосы на его голове топорщились, как иглы у ежа, глаза на скуластом лице смотрели колюче и угрожающе. Такого лучше не тронь! Но лейтенант уже не мог остановиться... Он ухватил мальчишку за полу шинели. Тот подался назад и, сделав вид, что хочет вырваться... брыкнул каблуком лейтенанта в лоб. Дымов словил негодника за ногу, стащил с буфера, но тут же получил подножку...

Наконец лейтенант ухватил «зайца», прижал к земле. В это время подошел встречный поезд. Эшелон тронулся. Так их вдвоем и втащили.

Дымов, потеряв на лбу шишку, приказал сержанту Кухте накормить пацана. «Еще приказывает! — подумал мальчишка и презрительно сплюнул. — Тоже мне командир!»

— Заправься кашей, повеселей будет, — протянул сержант котелок мальчишке, но тот даже не обернулся.

— Как звать-то?

Сколько ни подступались бойцы к парню, он ни в какую: котелок не берет, имени своего не говорит и сидит, словно никого нет рядом. Нелюдимыш. В глазах — такое, что прямо тоска пробирает...

Самый старший из солдат, горбоносый и костлявый усач Черношейкин, когда разгibasся в полный рост, то чуть не упирался в крышу вагона. Сейчас он сидел складным ножом на нижних нарах. Черношейкин сделал всем знак: «Не троньте мальчишку!» — пробрался к двери и, примостившись рядом с мальцом, спустил длинные ноги наружу, свернул сигарку и протянул ему кисет:

— Куришь?

Тот отрицательно мотнул головой. Ободренный таким началом, усач, попыхивая сигаркой, отметил:

— Ну и молодец! А я вот сызмальства баловался, так отец меня вожжами протаскивал.

— То-то, гляжу, что жердь вытянулся, — не поворачивая к нему головы, заметил мальчишка.

Солдаты прыснули со смеху. А Черношейкин, довольный, что вызвал мальчишку на разговор, повернулся к нему:

— Да-а... Отцы, они у всех строгие. У тебя батька небось тоже строгий?

— Нет батьки, — бросил мальчишка и отвернулся.

Бойцы притихли. Им и нравился острый на язык мальчишка и возмущал своей дерзостью. Сержант Кухта рассердился:

— На войну едешь, а от солдатской каши нос воротил! Бери котелок. Командир давно забыл про обиду.

Мальчишка преобразился. Его лицо со шрамом на правой скуле, злое и от этого некрасивое, словно подменили, оно стало по-детски озорным и необыкновенно привлекательным.

Шрам теперь несколько его не уродовал, а, напротив, придавал юному лицу мужество. Мальчишка посмотрел со смущенной улыбкой на сержанта Кухту, на лейтенанта Дымова, будто вся его жизнь зависела от них, и серьезно спросил:

— Возьмете меня... на войну?

Сержант, тронутый таким искренним порывом мальчишки, даже растерялся.

— Это как командир... — и посмотрел на Дымова. — Может, и вправду возьмем его, товарищ лейтенант? Хоть на кухню?..

Дымов знал, что это невозможно, потому что командир части «железный» капитан Богданович не допустит малейшего самоуправства, но бойцы и мальчишка смотрели на него с такою надеждою, будто он сам может решить, и, чтобы не показать свою беспомощность и убедить их, что не держит больше зла на своего «противника», лейтенант согласно кивнул. И тут уже окончательно просветлело лицо мальчишки. Вырвал он у сержанта котелок и так принялся за кашу, что всем стало ясно: не меньше трех дней «постился». Не успел мальчишка справиться с котелком каши, как глаза его стали слипаться.

Оставив котелок, он забрался на нары и тут же уснул.

К полудню железная крыша накалилась, и в вагоне стало нестерпимо душно. Бойцы раздвинули двери. На первой же станции они собрались наполнить водою фляги, но только поезд остановился, раздался знакомый солдатам голос:

— Ну где тут «заяц»?

Бойцы соскочили с нар, вытянулись. По стремянке взобрался в вагон капитан Богданович, а за ним — комиссар Филин. Богданович — худой, высокий, смуглый, строгий на вид. Комиссар Филин тоже старался выглядеть строгим, но глубоко запавшие глаза, прикрытые лохматыми бровями, если присмотреться, были смешливыми и вызывали улыбку. Бойцы не переставали удивляться глазам комиссара, примечавшим все, и объясняли полушутя его исключительное свойство фамилией. Филин — птица, которая и ночью видит. И теперь комиссар сразу заметил за спинами солдат «зайца» на нарах...

— Вот он, товарищ капитан! — И, шагнув мимо расступившихся солдат, стал будить мальчишку: — Э-э... приехали, подъем...

Мальчишка за время путешествия на колесах, видно, привык к частой побудке. Он проворно вскочил с нар и, протирая глаза, изучал воинские знаки различия командиров.

— Куда, малец, путь держишь? — строго спросил Богданович.

«Заяц» по всей форме доложил:

— На фронт, товарищ капитан.

— Ну-ка, фронтовик, слазь...

— Глянь-ка, чего он выдумал?! — искренне удивился мальчишка и посмотрел на бойцов с лейтенантом: мол, втолкуйте ему, что я еду с вами. Но те, однако, почему-то промолчали.

— Вот что... — посоветовал капитан, — залезай на обратный и дуй до дому...

— Обрато не поеду, — с вызовом ответил мальчишка и направился к двери.

— Сдать коменданту станции, — приказал Богданович лейтенанту.

— Товарищ капитан, — обратился лейтенант, не выдержав укоризненного взгляда мальчишки, — может, разрешите...

— Не разрешаю! — гаркнул Богданович. — Это вам война или детский сад?!

Пацан, улучив момент, выскочил из вагона...

— Дымов, изловить «зайца»! — приказал капитан.

Лейтенант бросился за беглецом, но поезд тронулся...

На следующей остановке в погруженной на платформу машине Дымов нашел «зайца» и, окружив его с солдатами, «изловил» и сдал военному коменданту. Но только поезд набрал скорость, крыша вагона, в котором ехал взвод Дымова, прогремела жестью. А на стоянке дежурные зенитчики доложили лейтенанту:

— «Заяц» сидит на вашей крыше.

— Снять, — приказал юный лейтенант. По жестяным крышам загрохотали тяжелые сапоги солдат. Но мальчишка был неуловим: бежит, бежит и вдруг круто поворачивает в обратную сторону, прыгает козлом с вагона на вагон. Паровоз дал сигнал к отправлению, и погоню пришлось прекратить.

Как только эшелон остановился, Дымов с бойцами бросился на розыски и скоро доложил капитану, что «заяц» исчез.

— Не может такой сдаться без сопротивления! Ищите! — приказал Богданович.

Но «заяц» исчез. Капитан не мог поверить этому и пришел во взвод лейтенанта Дымова:

— Ну, признавайтесь, сховали?

Капитана тревожило, что мальчишка мог сорваться с крыши на ходу поезда. Бойцы и лейтенант были расстроены не меньше. Они даже имя у мальчишки не выпытали.

Стемнело. Воинский эшелон сейчас летел без остановки.

Все чаще попадались по пути отметины войны — черные остовы разбитых станций, скелеты сгоревших вагонов, степь, исклеванная, словно оспой, воронками бомб. И мысли у семнадцатилетнего лейтенанта были те же, что у его бойцов, которым было по двадцать или около... Скоро они будут жечь не фанерные, а настоящие фашистские танки. Прощай, учеба, марши, тревоги! Колеса отбивают: «На фронт, на фронт...» На сердце и радостно и как-то тревожно.

2

— На разгрузку пушек и машин даю полчаса, — бросил капитан.

Дымов спрыгнул с вагона. Бойцы открыли борта платформ и прилаживали помост. Шоферы раскручивали желез-

ные тросы, крепившие машины. Торопились. Уже доносился рокот немецких самолетов, летевших на большой высоте.

Богданович подошел ко взводу на исходе тридцатой минуты, когда бойцы и лейтенант скатывали с платформы последнюю пушку.

← Рассредоточивайте технику!

В открытой степи от бомбежки погибель. Машины, нагруженные снарядами, с пушками на прицепах быстро разезжались по овражкам. Капитан собрал командиров, чтобы поставить им задачу. И тут машинист паровоза поднял темную фигурку с черным, как у негритенка, лицом, на котором сверкали одни белки глаз.

← Ты?! — обрадовавшись, ахнул капитан. «Заяц», наделавший столько переполоха, был жив и невредим. — Небось на тендере ехал? В уголь зарылся?

— Ага, — звонко чихнул мальчишка.

— Как тебя зовут? — впервые улыбнулся капитан.

— Иван я, Федоров — фамилия. Апчхи!..

— Находчивый ты, Федоров.

— А как же... Возьмете теперь? — спросил Ваня; он не спускал глаз с Богдановича, и столько надежды и веры отражалось в них, что сердце железного капитана дрогнуло. Он разжал зубы и, сердясь на себя за минутную слабость, выдавил:

— Накормить и отправить назад!

— Эй, Удовико, принимай пополнение! — крикнул Дымов и, толкнув мальчишку к оврагу, побежал на сбор командиров.

На дне оврага стояла полуторка, доверху наполненная ящиками с консервными банками и мешками; на прицепе дымилась кухня. Сухонький, уже немолодой шофер Овчинников подкладывал в топку ломкие прутья краснотала, да так и застыл от удивления...

Из кабины вывалился круглый, невысокого роста, с спянным лицом сам повар Удовико.

— Чего еще? — протирая глаза, спросил он.

— Гляди, какого африканца нам прислали...

Удовико посмотрел на фигурку с черным лицом. Ваня тоже рассматривал их сверху оврага и рассуждал: «От капитана удрал, а от этих старикашек подавно сбегу...» Запах булькающей в котле каши с бараниной щекотал в носу, у Вани от голода даже бурчало в животе.

— Ну что уставились? Меня капитан прислал.

— Чего ж тебе дать? — растерялся Удовико. — Каша не готова.

— Все равно, — ответил Ваня, усаживаясь в сторонке на откосе оврага, — лишь бы живот набить.

— Сейчас набьем, товарищ африканец! — с улыбкой сказал Овчинников и набросился на Удовико: — Корми человека. Видишь, с голоду доходит.

Удовико нашел открытую банку консервов, перерезал пополам хлеб.

Среди истребителей танков уже разнеслось, что на кухне тот самый «заяц», за которым «охотились» в пути.

Первыми появились сержант Кухта и Черношейкин, потом еще набежали.

— Ну, парень... Не в лоб, так обходным маневром взял, — похвалил Черношейкин Ваню, который вычищал банку коркой хлеба.

Ваня кивнул головой, потом вскочил, подбросил банку и ловко подфутболил. Сержант Кухта хотел прикрикнуть за порчу ботинок, но Черношейкин остановил его и обратился к Федорову:

— Слушай, боец! Надо малость подумать о своем виде...

Ваня поморщился:

— Да чего там... Капитан все равно отправит назад.

— Не отправит, если сразу не прогнал.

— Взаправду говоришь?

Черношейкин обернулся к сержанту Кухте, и тот уверенно подтвердил, что на войне «всякое бывает».

Из груды принесенных старшиной гимнастерок, брюк, белья Ване стали подбирать обмундировку. Кое-что подшили, поубавили. Оказались и ботинки подходящего размера. Черношейкин подстриг парня и позвал повара. Тот ахнул — настолько изумило преобразование «африканца».

Капитан в этот день обошел разбросанные по овражкам подразделения, заглянул в котелки солдат, а потом появился на кухне. Еще издали заметил Удовико долговязую фигуру Богдановича. Он снял капитанский котелок с огня и доложил:

— Товарищ капитан, весь личный состав накормлен.

— А почему сегодня без чая?

— Кипяток ушел на обмывку моего помощника.

— Какого еще помощника?

— Да что вы прислали ко мне...

Богданович пожелал взглянуть на этого «помощника».

Ваню еле растолкали. Поставили на ноги, осмотрели и повели к капитану. Опрятный вид мальчишки понравился Богдановичу. Но капитан не таков, чтоб выставлять напоказ свои чувства. Спросил сурово:

— Накормлен?

— Так точно, — подтвердил Удовико.

— Начпроду передать: помощника повара Федорова включить в строевую на полное довольствие.

— Есть передать.

Так началась фронтовая жизнь Вани Федорова. А было ему в ту пору четырнадцать лет...

3

Сухая степь в жаркой дреме безлюдна. Но вдруг ожила... Из овражков, балочек вынырнули машины с противотанковыми пушками, на ходу заняли боевой порядок. За каждой машиной облачко пыли, свернули на большак в сплошной рыжей завесе...

Проснулся Ваня от раската грома. С адским воем небо обрушивалось на землю. В густых облаках пыли вспыхи-

вал огонь, и после оглушительного разрыва что-то со свистом летело над головой, впивалось в борт машины, звонко отлетало рикошетом от железной кухни. Комья земли ударили по плащ-палатке, которой он укрылся. Машина ехала уже не по дороге, а бешено неслась напропалую по степи, так подбрасывая на кочках, что ящики, мешки и Ваня взлетали в воздух. Позади на прицепе прыгала и металась из стороны в сторону кухня. Тут только Ваня пробудился и сообразил, что они попали под бомбежку.

— Эй, кухня!.. Поворачивай вправо и стой! — крикнул кто-то, невидимый в пыли.

Этот же человек сгреб Ваню и выбросил из кузова; они вместе упали на землю. Отплевываясь, Ваня посмотрел на лежащего рядом с ним лейтенанта Дымова, тот прищлепнул его:

— Лежи!

Рядом грохнуло. Их обдало жаркою волной — остро пахнуло раскаленным металлом и горелой землей. Когда Ваня оторвал щеку от колючей травы, лейтенанта рядом не было — он бежал в сторону горящей машины.

«Ишь, самому можно бегать, а другим нельзя!..» — Федоров вскочил и устремился за лейтенантом.

Машина горела, и огонь уже подбирался к бензобаку. Дымов стал сбивать шинелью пламя. Бойцы бросились разгружать из кузова боеприпасы. Ваня тоже схватил нагретый ящик со снарядами. Подняв, он согнулся от тяжести и, не разгибаясь, засеменял. В горячке никто не замечал мальчишку, и он таскал со всеми снарядами; потом, тяжело дыша, присел с бойцами и тогда только понял, какой опасности подвергался. В любую секунду снаряды могли взорваться и разнести его в клочья.

А лейтенант, как только заметил Ваню, сразу набросился на него:

— Тебе где приказано быть? Живо отсюда!

Ваня сжал челюсти так, что заскрипел песок на зубах, и, отойдя, бросился в горькую полынь.

Разбомбив хуторок, штурмовики разлетелись. А цикады так же неумолчно трещали, и солнце по-прежнему палило.

Рядом с Ваней остановилась машина с кухней.

— Зашибло, кажись, парня, — услышал он голос шофера Овчинникова и не спеша поднялся, залез в кузов на мешки.

Шофер потрогал испещренный осколками кузов и зло захлопнул дверцу. «Ишь, разукрасили, гады!» Машина тронулась.

Порваньялись с догорающим хуторком... Торчали одни черные трубы и тлеи развалины, среди них обгоревшие трупы. Обугленные деревья с голыми, черными ветками походили на воздетые пятерней обгорелые пальцы...

Точно такой запомнилась Ване его родная деревенька после фашистского налета. Он метался среди страшных, пышущих жаром развалин, обрызганных кровью черепков...

Искал, кричал, звал мать. А она, может, не могла откликнуться...

Ваню тогда подобрали, босоногого, военные из отступающей части; они одарили его той самой обмундировкой, которая после долгих странствий парнишки сегодня была сожжена. А глаза его запечатали навсегда исковерканную родную деревеньку и стали не по-детски взрослыми...

...К вечеру повееало прохладой, показался в зеленой кайме Дон. Через реку огромной дугой взметнулся железнодорожный мост. Но как ни мечтали бойцы окунуться, капитан даже напиться не дал — свернули в рощу. Здесь и привал.

Тут же пришел срочный приказ комдива Сологуба — все машины отправить к прибывающим эшелонам. Ваня с шофером и Удовико разгрузили продукты. Овчинников на прощанье попросил Федорова помочь повару:

— Ты уж постарайся, Вань.

У Вани закон: если кто попросит по-настоящему, в стельку разобьется, а сделает.

— Ведра давай! — потребовал он у повара и принялся заливать котлы, черпая воду из речушки, впадающей в Дон. Не успел Удовико опустить закладку в котел, Ваня нарубил целый ворох сучьев и расшуровал топку. Довольный прытью помощника, Удовико раздобрился:

— Передохни малость, сынок.

Федорову не по нраву гражданское обращение. «Раз уж прислан к военному повару, пусть командует. А не может, сам буду!»

— Некогда передышать, — возразил он Удовико, — приказано обед готовить к семнадцати ноль-ноль...

— От капитана приходили, пока я крупу мыл на речке?.. — озабоченно спросил Удовико.

— Ага, — подтвердил Ваня. Ему очень нравилось, как по-военному звучало: «семнадцать ноль-ноль».

Когда на кухню заглянул комиссар Филин и спросил, не прислать ли кого в помощь, Удовико расплылся в широкой улыбке.

— У меня, товарищ комиссар, помощник трех стоит, — и, взглянув на Ваню, доложил: — В семнадцать ноль-ноль будет обед.

— Дело, — похвалил Филин, — у тебя боевой помощник. Ты знаешь, как он сегодня героически боеприпасы спасал?

Ушел Филин, оставил Ваню в раздумье... Оказывается, комиссар знал, как он, рискуя жизнью, таскал снаряды.

Мальчишки — удивительный народ. Они то безумно озорны, то вдруг серьезно задумчивы. Обхватив коленки руками, Ваня словно прислушивался к тихому шелесту дубравы, к отдаленному грохоту боя, который доносился все явственнее. А Удовико было невдомек смотреть на бойного и дерзкого парнишку, неожиданно пригорюнившегося. Не знал Удовико, почему Ваня такой, почему у него ожесточилось сердце. И комиссар Филин не знал того, как его

бесхитростная похвала взволновала парнишку, напомнила погибшего в первые дни войны отца, не прощавшего ему шалостей и замечавшего все доброе...

4

Без роздыху перебрасывали машины со станции грузы, а к исходу вторых суток подошли главные силы дивизии. В роще стало многолюдно, под каждым деревом и кустом бойцы свалились после тяжелого марша и спали богатырским сном. Предельно умаявшись, Овчинников тоже похрапывал под машиной. Ваня помогал повару выскребать котел. Явился связной от комиссара Филина:

— Всем срочно идти на митинг!

Со всей рощи уже тянулись бойцы на круглую, как большой пятак, поляну, вокруг которой по опушке строились полки в четыре ряда, скрытые от фашистских стервятников разлапистыми дубами. Среди тысяч бойцов самый юный боец в дивизии, Иван Федоров, стоял локоть к локтю с приземистым сержантом Кухтой, еле доставая пилоткой до плеча Черношейкина.

Посреди поляны кряжистый дуб в три обхвата. Под его зеленой густой кроной Сологуб, начподив, комиссар Филин, самый старый коммунист дивизии бронбойщик Пивоваров.

Комдив Сологуб дал команду:

— На вынос знамени... дивизия... смирна-а!..

Замерли бойцы. Только слышна далекая орудийная пальба. Вместе со всеми, выпятив грудь колесом, Федоров косил глазом то влево, то вправо. Раньше ему приходилось стоять под пионерским знаменем, приходилось видеть, как шли со знаменами на демонстрации. А вот боевое Красное знамя дивизии не довелось еще увидеть ни разу.

В кольце построенных частей оставлен проход. Там и показалось над головами бойцов алое полотнище с ослепительно горящей в лучах солнца звездой на конце древка. Первым вышел старший лейтенант с шашкой наголо, за ним знаменосец, и чуть позади два автоматчика. Легкими волнами полощется красный шелк, на нем силуэт Ленина и надпись золотом: «За нашу советскую Родину».

Бойцы не спускали глаз с развевающегося знамени и четкого, стремительного профиля человека, черты лица которого Ваня знал с тех пор, как помнил себя. А сейчас ему показалось, будто сам Ленин пришел к ним.

Начальник политотдела открыл митинг.

— Слово к молодым имеет Иван Афанасьевич Пивоваров.

Стал у знамени бронбойщик Пивоваров.

— В девятнадцатом мы били здесь белых. А теперь... слышите?! — оборвал он свою речь.

Ваня прислушался вместе со всеми. Из-за Дона, все сильнее разрастаясь, громыхало сражение...

— Завтра, а то и сегодня ночью схлестнемся с фашистом. Думаю, сыны, вы не посрамите своих отцов!

Пивоваров опустил на колено, взял бережно обеими руками алый шелк знамени и поднес к губам...

— От молодых кто даст ответ отцам? — спросил начподив.

Каждый хотел сказать, но первое мгновение подумал: «Имею ли я право от имени всех говорить?» Потом взметнулся лес рук, и Ваня тоже поднял руку, будто в школе отвечать урок. Комиссар Филин сказал что-то начподиву и тот объявил:

— Слово имеет командир взвода и комсорг истребителей танков лейтенант Дымов.

Лейтенант робко вышел из строя. По-юношески угловатый, он смутился устремленных на него глаз, стал под знаменем, собрался с мыслями и неожиданно смело заговорил:

— Мы, конечно, по книжкам да рассказам знаем о революции и гражданской войне. Только мечтали быть такими, как наши отцы. Теперь наше время пришло. Докажем, ребята?

— Докажем! — не помня себя, крикнул Ваня со всеми.

Скрывая волнение, вышел комдив Сологуб. В серых его глазах добрый свет и ясный разум...

Сологуб говорил, что такой жестокой войны не было за всю историю народов, что фашисты собрали всю технику Европы. Надо высечь в сердце великий гнев к лютому врагу и великую любовь к матери Отчизне.

— Или мы их победим, или они зроблят нас своими рабами. Допустим это? — закончил комдив.

— Не-ет!.. — отозвалось эхом.

— Тогда клянемся, хлопцы, шо будемо битися до последнего удара сердца!

— Клянемся-я! — воедино отозвалось много тысяч голосов.

Ваня почувствовал, как на этой солнечной поляне к нему вернулось прежнее: все светлое, будто он снова очутился в родной семье и своей школе. Его судьба слилась с судьбами тысяч молодых бойцов, и его личное горе потонуло перед общей огромной бедой.

5

Секунды перед боем всегда томительны... Ваня видел, как сержант Кухта, поглядывая на танки, сворачивал самокрутку и на ветру рассыпал табак. Черношейкин достал из кармана сложенную гармошкой газету, ловко оторвал листок, не глядя сыпанул на закрутку табаку, туго скрутил и поднес сержанту, чтобы тот смочил краешек губами. Но губы сержанта пересохли, он несколько раз прищлепнул, пока склеил папироску, потом благодарственно кивнул Черношейкину и стал выбивать кресалом огонь. Искры высекались, а шнур никак не загорался. Ветер доносил урчанье танков. Наводчик крутнул головой в сторону лейтенанта, тот озабоченно оглядел бойцов, указал сержанту на отдельные кустики впереди. Ваня уже знал, что эти кустики ориентиры. Потом Дымов предостерегающе махнул рукой командиру

соседнего взвода истребителей. «Поближе хочет подпустить», — догадался Ваня.

Среди гула моторов уже различался ляг гусениц. Пришлепывая, они молотили землю, с треском подминали сухие кусты краснотала и все, что попадало им на пути. Ваня рассматривал на стальных коробках черные кресты, обведенные желтым, дула пулеметов по обе стороны от смотровых щелей водителя. Хоботы пушек поворачивались вместе с башней, выискивая цель. Ваню пригибало вниз неодолимое желание спрятаться за каменную стену, но, поборов себя, он глядел через разбитые стекла оконного проема на приближающуюся смерть.

Танки не дошли с полкилометра до огневых истребителей и, повернув, ринулись к переправе через Дон. Ваня облегченно вздохнул: теперь не раздавят... Но тут же услышал, как громко и задорно лейтенант выкрикнул: «Взв-о-д!.. По бортам фашистских танков... броневой... Огонь!»

Звонче «сорокопятки» не бьет ни одна пушка. В ушах Вани даже зазвенело. Из оконного переплета вылетели остатки стекол. Передний танк дрогнул и неуклюже завертелся на месте. «Ага, фашист, ногу перебило!» — обрадовался Ваня. От второго снаряда танк с перебитой гусеницей окутался дымом. Разом взорвалась башня у другого. От меткого попадания горел уже третий!..

Ваня от восторга запрыгал у окна. Ему хотелось броситься и обнять всех. Но радость была преждевременной... В сарае со страшной силой рвануло! Рвануло до боли в ушах. После этого выстрелы «сорокопятки» ему слышались, как легкие щелчки. А в нескольких метрах от него в каменной стене зияла большая дыра.

Танки повернули от переправы и с ходу открыли огонь по истребителям. «Шестьдесят танков против шести маленьких «сорокопятки». Фашистов больше в десять раз...» — не успел подумать Ваня, как с воем и грохотом что-то обрушилось. Он инстинктивно распластался на полу... Сверху падали обломки кирпичей, больно ударяли по ногам, спине, рукам, которыми он прикрывал голову. Ваня оглох от грохота, тело одеревенело от множества ударов, и он уже не чувствовал навалившейся тяжести.

Мальчишка считал, что все кончено. Но от раскаленного металла и горелой земли остро защекотало в ноздрях и горле. И тогда он вспомнил, что он Иван Федоров и что он изо всех сил рвался на фронт. А теперь рядом идет бой, а он, как трус, спрятался за каменной стеной. Он решил тут же оторваться от пола. Первая попытка не удалась. Все тело пронзила острая боль, будто его избили палками. Превозмогая ее, он все же попробовал подняться. А над ним целая гора... Острые кирпичи врезались в тело. Наконец ему удалось встать на четвереньки. Спinoй он уперся в железную балку, которая, падая, удержалась на подоконнике, — это его и спасло.

С трудом Ваня выбрался из-под наваленных на балку досок от рухнувшего потолка. Кругом продолжало греметь, но он плохо слышал. Только видел огневые разрывы, стол-

бы бурой земли, а вверху сквозь красную кирпичную пыль — пикирующих «юнкеров». Они разбомбили сарай и теперь обстреливали из пулеметов.

Ване казалось, что он долго пролежал под бомбежкой, укрытый балкой, а прошло всего несколько минут, как прилетели «юнкеры». Он выглянул из-за разбитой каменной стены... Пылала степь, горело с десятков подбитых танков. Полсотни бронированных громад рассредоточились и обхватили полукольцом истребителей.

Сбивая пыльцу с кирпичей, пули чиркали по краю стены, за которой сидел Ваня, но, как ни страшно было, он заставил себя смотреть на бой... Из ближнего орудия почему-то палил сам лейтенант, а наводчик Берест лежал навзничь у станины, заслонив рукой глаза от солнца. Заряжающим у пушки был сержант Кухта, а два бойца рядом с Берестом уткнулись в землю. Тут только и сообразил, что два бойца и Берест убиты. Береста, его тезки, Вани Береста, который вчера так весело распевал, нет в живых. Это было так невероятно, что он затрясся от гнева: «Ну, поганые фашисты, мне бы только добраться до пушки!..»

Подносчик сунул Кухте в руки снаряд и бросился к ящику боеприпасов, укрытому в яме. Он стал брать снаряд и завалился. По гимнастерке на боку расплылось кровавое пятно...

Ваня сжал зубы, перемахнул через стену, схватил снаряд, что лежал на руке убитого, и побежал к пушке. Выстрелом Дымов заклинил башню у ближайшего танка, и тот, разворачиваясь на гусенице, наводил ствол. Самое лучшее бить по такому танку, а пушка у лейтенанта не заряжена. Лейтенант повернулся к сержанту: «Снаряды!..»

Подбежавшему Ване подумалось, что лейтенант захочет прогнать его, но лейтенант вырвал снаряд и закричал:

— Ну же!.. Быстрее!

Ваня бросился к боеприпасам... Он и Кухта еле успевали подносить снаряды. Лейтенант сам заряжал и вел огонь. Ваня помнил, как дал первый снаряд лейтенанту, а потом все смешалось. В грохоте пушек, разрывах мин, треске пулеметов. Перед глазами стояло красное облако от разбитого кирпича, отчаянное лицо лейтенанта и его окровавленная рука. А стальные громады, уничтожая все на пути, неумолимо надвигались со страшным урчаньем и выворачивали душу леденящим лязгом гусениц. Вот-вот со скрежетом раздавят железные орудия, а потом захрустят его, Ванины, кости. Но он таскал и таскал снаряды и был готов таскать, пока не остановится сердце...

Он не знал, что убит командир батареи и его заменил комиссар Филин, не знал, что их давно бы раздавили танки, если бы капитан Богданович не прислал броней бойцов — свой последний резерв, самый дорогой резерв со старым коммунистом Пивоваровым.

Солнце уже было в зените, самое палящее. И в полдень бой достиг самой ожесточенности. Потом вдруг лейтенант махнул Ване рукой: «Стой!» А он все продолжал таскать

снаряды, пока сержант Кухта не крикнул ему в самое ухо:
— Выдохлись фашисты!

Сержант тут же, у ящика с боеприпасами, опустился, свернул мгновенно сигарку, с одного удара кресала зажег фитиль, прикурил, жадно затынулся и только после этого стер с лица крупные капли пота. «А перед боем и прикурить не мог!» — приходя в себя, отметил Ваня и удивленно огляделся... Он не заметил, как улетели «юнкеры», как откатилась стальная лавина танков, оставив чернеть в степи двадцать мертвых громад.

...На этот раз фашистские автоматчики наступали впереди танков и, потеряв много убитыми, ворвались в траншею пехотинцев, а затем стали окружать истребителей. Дымов крикнул:

— У пушек остаются по двое, остальные — за мной!.. — и бросился с бойцами на автоматчиков.

Наводчика Ваниного орудия ранило в лицо, его хотел было заменить Черношейкин, но тут разорвалась мина, и осколок впился усачу в руку. Ваня оттолкнул Черношейкина от панорамы:

— Таскай снаряды!

И усач безропотно стал одной рукой подносить снаряды...

Ване трудно было сделать первый выстрел... Волнуясь, он вертел ручку поворотного механизма и никак не мог совместить перекрытие панорамы с танком — тот быстро двинулся и подскакивал на неровностях. Так и нажал он спуск направо. Орудие дернулось, в ушах зазвенело... Во второй раз Ваня поймал танк в перекрестке, но тоже промахнулся.

«Да я ж не даю упреждения, — догадался он, — а фашист на месте не стоит...» Он дал упреждение и неожиданно для себя увидел сноп искр на борту танка.

— Черношейки-ин!.. Поп-а-али-и!.. — издал он радостный крик и выпустил еще снаряд по танку... Не веря своим глазам, увидел, как тот завертелся на месте. — Я ему гусеницу перебил! Ура-а!.. А сейчас, фашист, совсем уничтожу

Рисунки Ю. МАКАРОВА

тебя. — Ваня целился в башню, где располагаются снаряды. Но выстрела не получилось.

— Черношейкин! Снаряд!.. — Ваня оглянулся...

Ползком и перебежками их позицию обходили гитлеровцы. Увлеченный стрельбою, он этого не заметил. Одноружий Черношейкин отстреливался в ровике из автомата. Ваня бросился к нему.

Черношейкин стрелял, пока в диске не кончились патроны, потом взял автомат за ствол и посмотрел на мальчишку: «Не робей, Ванюша!» Тот оглянулся... Лейтенант с комиссаром отбросили врага и вели бой за траншеями. Если бы они вернулись, может, успели бы спасти его с Черношейкиным!

Увидев, что у пушки остались только двое, автоматчики решили взять их живьем, а потом ударить в спину отряду. Чтобы не привлекать к себе внимания, они не стреляли и, не выпуская из рук автоматов, ползли, перебирая локтями. Ваня встретился взглядом с немигающими, какими-то остекленевшими глазами здорового гитлеровца.

Немцы уже стали подниматься в рост, как вдруг позади них раздался треск автоматов... Это было так неожиданно, что Ваня с Черношейкиным опешили. Что за чудо?! Фашисты бросились наутек. А из-за бугра, где была кухня истребителей, выбежали бойцы, строча из автоматов. У одного было зажато под рукой что-то, напоминающее ковш на палке.

Ваня бросился к пушке...

— Черношейкин!.. Давай осколочные снаряды!.. — навел оружие в сторону удирающих немцев и стал палить...

Впереди догорало несколько танков... У одного из них в ровике засыпало раненого бойца, медсестра откопала его и, перевязав, потащила на плащ-палатке...

— Маленькая, а удаленькая!.. — заметил сержант Кухта, подходя с бойцами к огневой позиции. На огневую уже вернулись комиссар с лейтенантом и расспрашивали Ваню и Черношейкина...

— Значит, если бы не повар, вам как? — сказал Филин.

— Точно, он и спас, — подтвердил Черношейкин, — он, товарищ комиссар, применил секретное оружие.

— Что за оружие?

— В одной руке автомат, а в другой — черпак.

Разорвалась мина...

— Не толпиться! В укрытие! — приказал комиссар, а Ваня опустился на колени у щита и принялся выскрести «палочку», обозначающую лично уничтоженный им танк.

Разорвалась вторая мина...

— Гляди-ка! — показал сержант Кухта в сторону взметнувшихся фонтанов земли. — Он в «вилку» берет, а Анечка снова побежала...

Аня притащила раненого к траншеям и теперь бежала опять к горящему танку. По ней и вели огонь немецкие минометчики.

— Аня! — хором закричали бойцы.

Но Аня подбежала к горящему танку, схватила броневой бойку, повернула обратно, и тут разорвалась мина... Когда облако рассеялось, все увидели Аню на земле...

Лейтенант уже мчался к ней. Ване так и не удалось выскрести палочку на щите, он бросился помогать Дымову. Когда принесли девушку, она уже умирала. Мина перебила ей ноги. Аня лежала на плащ-палатке без стопа. Только от боли кусала губы и смотрела на лейтенанта, как провинившаяся школьница на учителя. Потом из последних сил выдохнула:

— Не пишите маме...

Она посмотрела еще раз на лейтенанта, и ее глаза застыли на синем небе. Ваня только тут рассмотрел, что глаза у нее тоже синие-синие, как и небо сегодня. И вся она была очень хорошенькая, с черными гладкими волосами, подобранными строго на затылке. Прикрытая по грудь лейтенантской шинелью, она лежала сминою девчонкою, только ветер шевелил у белоснежного виска иссиня-черную непокорную прядку волос, а от ее страданий осталась лишь густая капля крови на нижней аккуратной губе, которую она прокусила...

Хоронить Аню пошли от каждого орудия по бойцу, и Ваня тоже с ними. Могилу отрыли у откоса. Комиссар достал из нагрудного кармашка девушки комсомольский билет, развернул, пробежал глазами и переложил себе в карман рядом с партбилетом, потом сказал:

— Прости, Аня, что не выполним твою просьбу. Мы все-таки напишем твоей матери правду, и пусть она знает, какая у нее дочь...

Ваня держал за руку лейтенанта, а тот до боли сжал ему пальцы.

У красного глинистого холмика застыли бойцы, комиссар скоандовал:

— В честь героической комсомолки из Рязани — огонь!

Три короткие автоматные очереди прокатились эхом.

На огневые позиции возвращались молча. Навстречу

с бугра быстро спускался боец из соседнего батальона...
— Товарищ комиссар!.. — запыхавшись, доложил он
Филину. — Комбат велел передать... Приказ получили...
На новые позиции.

6

Утро 14 октября 1942 года еще не наступило, ночь еще боролась с рассветом... Но уже ощущалось дыхание нового дня — предутренний рассвет растворял ночь, темные, густые краски уступали светлым, прозрачным. Вначале смутно виднелся лишь далекий правый берег, а над ним бушующее на десятки километров море огня. Потом из серой мглы стали выступать очертания обрыва и песчаной косы; с крутого берега из разбитых баков, будто расплавленный металл, устремилась к реке красными языками пылающая нефть, долго плясала на воде. Левый низкий берег еще был скрыт в тумане. В отсветах пожаров, словно дымящаяся кровь, курилась широкая Волга...

Повар Удовико, как и сотни других поваров, с полуночи штурмовал солдат перевоза, требуя лодку, чтобы переправить термосы с борщом и кашей на ту сторону. Кроме того, он должен был переправить Ваню на левый берег — всех подростков по приказу командарма Чуйкова собирали в тылу армии для отправки в суворовские и ремесленные училища. Но сейчас в первую очередь перевозили боеприпасы на Тракторный.

В тот предрассветный час никто на площади Дзержинского не предполагал, что скоро, очень скоро они окажутся на направлении главного удара. Не знали, что уже сотни вражеских самолетов с тысячами бомб поднялись в воздух, сотни бронегромов выдвинулись на исходные позиции, а наши радиостанции поймали голос Гитлера — он в последний раз категорически заявил миру, что возьмет Сталинград. Всего этого не знали ни комиссар Филин, ни сержант Кухта — они крепко спали. У Черношейкина длинные ноги не уместились в ровике, и он растянулся прямо на земле с Дымовым, который всю ночь ходил с проверяющими по переднему краю и лишь недавно завалился на боковую. А Ваня заснул в обгоревших кустиках в ожидании повара Удовико — во сне сбылась мечта мальчишки... Он шагал с лейтенантом на Тракторный завод. Не мертвый и разбитый, как сейчас, а живой, поющий на все голоса заливыстыми свистками маневровых паровозиков, с ритмичным уханьем молотов, веселым шумом металлорежущих станков.

Но не сбыться Ваниной мечте. И повару Удовико, только под утро штурмом овладевшему лодкой, тоже никогда не добраться на правый берег. И те, которые отплыли с Удовико, уже не вернутся...

«Воздух!» — еле успели крикнуть дежурные и втащить в укрытия тех, кто спал на земле. Рокот моторов перешел в вой сирен. Бомбы посыпались на площадь.

Ваня проснулся будто под огромным колоколом, по которому бьют разом тысячи молотов. Гул разрывов больно отдавался в ушах, вот-вот лопнут барабанные перепонки;

от едного дыма и горелой земли сперло дыхание. Не было сил терпеть этот раздирающий гул, бойцы зажимали уши. Кто-то из новеньких, сидевших в ровике позади Вани, вцепился ему в воротник и совсем сдавил горло. Оторвать руку бойца было невозможно, Ване пришлось развернуться и двинуть его локтем, только после этого тот разжал пальцы.

Район Тракторного кромсали тысячи бомб, сплошной град металла. Такого еще не было за всю великую битву.

Сколько продолжалась бомбежка? Потеряли счет времени. Ваня разжал уши, когда земля стала оседать. Снова раздался рокот моторов, но уже не сверху... Он понял, что это танки. Тут же услышал команду: «К бою!» — и выскочил из ровика...

Кроме командира орудия и наводчика, в расчете левого орудия были все новенькие. Выкатывая из укрытия пушку и готовясь к бою, они отчаянно бегали в полный рост, будто и не было обстрела. «Ишь, какие смелые», — усмехнулся Ваня.

Угрожающий рокот и ляг нарастал. Ване казалось, что от нестерпимого грохота голову сдавливает обручем. Из Ополченской улицы выползла бронированная колонна. Изрыгая огонь, танки палили из пушек, бесперебойно строчили пулеметы. Бронегромад было не меньше трех десятков. Слева, по проспекту Ленина, и справа, по Дзержинской улице, Ваня тоже увидел колонны танков. Сколько же их? Сотня или больше?! Пятнистые, зелено-желтые танки с черными крестами ломали на своем пути обгоревшие деревца и столбы, крошили и подминали под себя развалины.

«Беглый... Огонь!» — раздалась команда. Волнуясь, боец из новеньких торопился, не дослал снаряд и не смог зарядить пушку. Ваня оттолкнул его и ловко захлопнул замок.

Наводчик выстрелил и, запрокинув голову, схватился рукою за щит и сполз на землю. Ему перебило ноги. К панораме бросился командир орудия, но разорвался снаряд из танка... Командир орудия упал и уже не поднялся. У необстрелянных солдат из пополнения отразился испуг в глазах, они растерянно пригнулись у пушки. И с Ваней такое было в первом бою...

— В ровик! — крикнул он бойцам, чтобы сохранить их до времени (так всегда поступал лейтенант). — А вы, двое, давайте снаряды!

Замковый и подносчик терялись поначалу. От каждой мины припадали к земле. Но мальчишка бесперебойно вел огонь, и им ничего не оставалось, как помогать ему, а в бою, когда занят делом, страх проходит.

Ваня только успевал наводить орудие по танкам, которые ринулись со всех улиц на площадь. Что делалось у других орудий? Как там лейтенант, комиссар, Черношейкин и другие?.. Ваня не мог видеть — все закрыло вздыбленной землей. По выстрелам «сорокопятак» он слышал, что они ведут бой. Спроси его, сколько продолжалась первая атака, он бы не ответил. В горячем бою теряешь чувство времени — минута иногда покажется часом и наоборот.

Танки не смогли прорваться на площадь и отползли

к развалинам. Восемь из них остались гореть. Один танк поджег Ваня. Еще не успели танки расползтись в развалины, как опять налетели самолеты. Бомбили жестоко, долго, на этот раз только площадь Дзержинского. Потом снова атака... Ваня по слуху определил, что крайнее правое орудие уже не стреляет. Что с лейтенантом и другими, он до сих пор не знал.

Лейтенант с комиссаром вели огонь из ружей ПТР, потому что в самом начале боя погибли два бронебойщика. Дымов понял, что бой будет, какого они еще не видывали, и с тревогой подумал: успел ли уехать Ваня на ту сторону? Ему жаль было, что они по-настоящему так и не простились. Несколько раз лейтенант оглядывался на левое орудие, там ли Ваня? Но через бурую стену сухой земли ничего не видно...

После второй бомбежки он собрался бежать к левому орудью, а пришлось броситься к правому, потому что бомба угодила в него. Откопали они с комиссаром наводчика и снова к бронебойкам — танки ринулись в третью атаку.

Теперь фашисты выдвинули пулеметы и автоматчиков. Снопы пуль с грохотом отбойного молотка ударили по щиту орудий. Только Ваня успел нырнуть вниз, как вдребезги разнесло панораму и убило подносчика снарядами.

— Беги сюда! — крикнул Ваня одному из бойцов в ровике и стал наводить орудие по стволу.

Танки все ближе... А «охотники» с бутылками горючей смеси молчат, словно вымерли в круглых «колодцах». «Живы ли они? — с тревогой думал Ваня. — Если погибли, и нам жить недолго...» Он не знал, что лейтенант запретил «охотникам» вступать в бой, пока танки не минуют «колодцы», чтобы наверняка швырять бутылки в моторную часть. Вот уже десяток из них проскочили «колодцы». С ревом устремились на площадь... Сейчас раздавят!.. Но тут им в хвост полетели бутылки с горючкой. Синим огнем запылала жидкость на броне. Загорелись моторы, взорвались башни со снарядами. Танки остановились. Отползают. А истребители бьют их кинжальным огнем орудий. Будто ожерелье из огня, пылают полукругом у площади четырнадцать танков. Но радость недолгая... В небе опять «юнкерсы».

Горели развалины, асфальт, земля. Казалось, все живое уничтожено на площади. Но когда снова ринулись танки, а за ними роты автоматчиков, истребители в бушующем огне продолжали сражаться. Раненые комиссар и лейтенант с группой бойцов палили из бронебоек, автоматов, швыряли гранаты. А их обходили. Вот-вот замкнется кольцо...

Ветром отнесло черный дым, развеяло бурую завесу земляной пыли. Только тогда лейтенант увидел орудие, из которого вел огонь Ваня. Значит, не успел он на ту сторону!

Ваня тоже увидел своего лейтенанта, оторвался на миг от пушки, махнул рукой: «Будь спокоен за меня!» А фашистские автоматчики все ближе. Слева в обход площади пошли танки. Ваня рванул станину, повернул ствол орудия. Дал два выстрела... Кончились снаряды. А фашисты уже близко от него. Прыгнул в ровик, схватил автомат убитого...

Строчит Ваня из автомата по фашистам... Посмотрит: жив ли его лейтенант? Дымов жив. И ему легче...

Лейтенант тоже время от времени оглядывается на Ваню... И будто силы прибавится. «Продержись, братишка, еще маленько, — повторяет он про себя, — отгоним, приду к тебе на выручку...»

Все гуще рвутся снаряды...

Вдруг Дымов увидел, как Ваня уронил автомат, — осколок раздробил ему левую руку в локте. А гитлеровцы лезут. Кровь хлестала из перебитой руки, а Ваня швырял гранаты. И сами фашисты, рассматривая в упор русского мальчишку, робели перед ним.

Вторым снарядом у юного бойца оторвало кисть правой руки...

Когда облако дыма рассеялось, Дымов вновь увидел Ваню. Он лежал, привалившись к окопу. «Убили мальчишку», — подумал лейтенант.

Ваня лежал неподвижно. Затем пошевелился, оторвал голову от земли... Часть танков, обойдя площадь слева, устремилась по узкому проходу вдоль развалин заводской стены. Сейчас они прорвутся, ударят с тыла и уничтожат его, а потом лейтенанта, комиссара и всех, кто еще продолжал сражаться...

Не столько от боли, сколько от бессилия выступили слезы... Перед самым ровиком лежали противотанковые гранаты, а как их бросишь, если нет рук? И такая злость обуяла его... «Я ведь клятву вчера дал, вступаю в ряды молодых ленинцев, — сражаться с этими гадами до последнего... Нет, фашист, пока я жив, буду драться! Я уничтожу тебя!..» Ваня сжал зубами ручку противотанковой гранаты. Так сжал, что даже хрустнули зубы. Превозмогая адскую боль, он помог удержать ее обручками рук.

Лейтенант и бойцы увидели, как над пылающей, искорканной землей поднялся мальчишка без рук, с гранатой в зубах и смело пошел навстречу стальным чудовищам. Дымов знал, что почти невозможно прорваться через кольцо фашистов, окруживших его с комиссаром, но бросился на выручку... И тут же комиссар схватил его:

— Стой! Справа, гляди, прорвались, сволочи!..

Справа, к проходным завода, устремились танки. Их нельзя допустить на Тракторный, за ним — Волга. Лейтенант стал вести огонь из орудия, думая об одном: «Успею подбить эти танки, может, и спасу Ванюшу...»

А Ваня шел навстречу бронегромадам. Своим отчаянным порывом он зажег всех бойцов, и они делали то, что казалось невозможным: сражались небольшой группкой против десятков танков.

«Откуда у тебя, наш дорогой сынишка, столько силы и бесстрашия?! — думали они. — Родился ты в простой семье колхозника, учился в простой советской школе, воевал всего несколько месяцев с нами, простыми солдатами. Может, ты родился в той сторонешке, где одни богатыри появляются на свет?.. Может, мать заговорила тебя в бессмертие сказкой-присказкой?.. А может быть, ты сильный,

потому что в твоих жилах течет кровь деда, который повидал многое на свете — и войн и страданий, штурмовал Зимний и отстаивал в боях с врагами молодую республику рабочих и крестьян...»

А Ване, как и им всем, было страшно умирать, потому что умирать всегда страшно — и в первом бою и в последнем. Но ему в ту последнюю секунду жизни вспомнилось все, что было связано дорогого с теми людьми, ради которых он шел на смерть... Вспомнилась яркая поляна в дубовой роще, где он давал клятву у знамени, вспомнил, как приняли смерть комдив и капитан на берегу бушующего Дона, как погибла Аня, спасая других. И теперь ему пришел черед выполнить свой долг, чтобы танки не уничтожили, не смяли лейтенанта с бойцами и они продолжали сражаться после его, Вани, гибели...

Прижав обрубками рук к груди гранату, он зубами рванул чеку и бросился под стальную грохочущую громаду... Раздался взрыв! Фашистский танк застыл, а за ним в узком проходе — вся бронированная колонна.

И казалось, на мгновение притихли канонада и гул жесточайшего сражения, будто фашисты отказались штурмовать волжскую твердыню... А потом снова, с еще большею силой разгорелась великая битва, потому что в тот день, как никогда, решалась судьба нашей Родины и многих народов мира...

А мальчишка шагнул в бессмертие. Ему в ту пору было четырнадцать лет...

Рисунки С. ЦЕНТОМИРСКОГО

В. САПАРИН

НА ВОСЬМОМ КИЛОМЕТРЕ

Научно-фантастический рассказ

1

Гордон захлопнул дверцу кабины и вопросительно взглянул на Кашкина. Широкое лицо того расплылось еще шире.

«Валяй», — говорила его улыбка.

Гордон повернул ключ стартера. Взвыли моторы,

и вихрелет, поднимая огромные клубы пыли, оторвался от земли.

Они откинулись в своих сиденьях друг против друга, как в гондоле фуникулера. Вихрелет шел по крутой наклонной линии, нацеленной на мачту, установленную где-то у вершины восьмитысячника. В обзорное окно виднелись далекие белые зубцы, отчетливо нарисованные на столь же далеком голубом небе.

— Поехали, — с удовольствием произнес Кашкин.

Гордон промолчал.

Но Кашкин не мог молчать.

— Месяц испытаний — и в книжке еще один зачет. На восемь километров ближе к Луне. Не правда ли, напоминает настольную игру «Вверх-вниз»? Попадешь на несчастливую клеточку — и начинай сначала, а то и выбирай другую профессию.

Гордон пожал плечами.

«Раз это необходимо, то о чем говорить», — перевел Кашкин. Он вздохнул.

Гордон уставился в окно с таким каменным упрямым выражением, что не могло оставаться сомнений: он-то все испытания выдержит, сколько их там ни будет.

В окне проплывали горные хребты, похожие на сросшихся и окаменелых ящеров. Между ними зеленели долины, на пологом склоне паслись овцы — мирный и очень земной пейзаж.

На высоте пяти километров задул ветер: машину стало раскачивать. Вихрелет шел по прямой линии вдоль невидимого радиолуча, иногда повисая над пропастью, а иногда приближаясь к обледенелому выступу горы. На одном участке они попали в метель. Все вокруг заволокло, белые сумерки перешли в ночь, в кабине зажглась лампочка.

Потом сразу посветлело. Еще минута — и солнце ворвалось в кабину. Даже на лице Гордона заиграла улыбка, а впрочем, такое впечатление мог создать просто солнечный блик.

В окне проносились острые, в черных трещинах скалы, белые нависающие карнизы, почти вертикальные склоны, спадающие застывшим занавесом. Снег лежал на гранях, повернутых под разными углами к небу. Сверкающий на солнце и в ярких голубых лоскутах там, где падала тень.

— Тут полно мест, куда даже в наши дни не ступала нога человека, — с удовольствием произнес Кашкин. — Не удивительно: забраться в такие дебри потруднее, чем взойти на вершину по уже проложенным тропам.

Станция вынырнула из-за очень крутого ската — даже не отвесного, а с отрицательным углом. Если соскользнешь с такого ската, будешь лететь как в пустоте. Кто не выдерживал постоянного соседства с опасностью за время практики, мог рассчитывать съездить на Луну только по туристской путевке.

Вихрелет чуть наклонился, а может быть, так только показалось путешественникам: они увидели что-то вроде косо приколоченной полки, примыкающей к почти вертикальной стене. В длину площадка не превышала трех четвертей километра, а ширина ее колебалась от пятидесяти до ста метров. Вдоль наружного края стояли высокие столбы, между которыми была натянута сетка с крупными ячейками.

Кашкин удивился.

— Что, они здесь в футбол играют, что ли?

Но территория станции меньше всего напоминала футбольное поле. Неровная, во вмятинах, усыпанная обломками скал, она неприятно наклонялась к внешнему краю.

По всему участку кто-то щедрой рукой разбросал будки с приборами, зеркала на массивных тумбах, ловушки космических частиц и фантастической формы сооружения, о назначении которых сразу трудно было догадаться.

— Решили, видимо, испытать нашу работоспособность, — снова заметил Кашкин. — Скучать не будем!

Гордон опять промолчал.

«Ну и держи свои впечатления про себя», — подумал Кашкин и радостно заорал:

— Приготовиться к посадке! С прибытием на Луну! Пассажирам надеть скафандры!

Гордон покосился на Кашкина, но протянул руку к пакету в багажной сетке.

Вихрелет подошел к мачте на краю площадки и, подняв снежную метель, осторожно сел.

Гордон и Кашкин надели скафандры. С таким же расположением застеек и карманов, как у лунных, с такими же прочнейшими прозрачными шлемами.

Распахнув дверцу кабины, Кашкин вышел на порог, постоял секунду и прыгнул в снег. Он почувствовал, что у него словно развернулись крылья. Мягкий скафандр раздулся, как аэростат, и Кашкин пролетел метра на полтора дальше, чем рассчитывал. Не Луна, конечно, но считаться с поправочным коэффициентом при любом физическом усилии отныне придется.

Гордон приземлился рядом, и они зашагали к станции.

Когда они вышли на возвышенное место, Кашкин огляделся и подумал, что защитную сетку не мешало бы поднять на метр, а то и на два. Если задует ветер, к тому же под гору, недолго и перелететь наподобие волейбольного мяча.

«Наверное, все рассчитано, — успокоил он себя. — На самой небось грани. Риск, конечно, есть. Без риска вся затея ничего не стоит».

Ему вдруг стало весело. Захотелось побежать, слепить снежок и бросить в Гордона. Тот продвигался осторожно, словно на каждом шагу его подстерегала ядовитая змея или другая неведомая опасность.

Конечно, получить травму здесь проще простого. И вихрелет отвезет тебя вниз, а на Луну полетит кто-то другой, потому что в твоей зачетной книжке в графе «практика на высокогорной станции» появится прочерк. Осторожность тут тоже что-то вроде дисциплины, по которой ставят баллы.

Помещение станции было вырублено в теле горы. Над входом нависал толстый козырек. На Луне такие козырьки прикрывали от метеоритов; здесь, вероятно, защищали от скатывающихся сверху камней.

На стук кулаком в дверь никто не отозвался.

Кашкин принялся раскручивать штурвал рядом с дверью. Массивная плита на невидимых шарнирах стала медленно отходить.

«Чего они прячутся? — подумал Кашкин. — Могли бы и встретиться».

Шлюзовая камера свободно вмещала двух человек. Наружная дверь закрылась, послышалось слабое шипение — скафандры стали «худеть», открылась вторая, внутренняя, дверь. Вошедшие очутились в комнате с округленными углами. По стенам располагались шкафчики, циферблаты, краны, тьма всякого оборудования. В одном из углов возвышалось бюро с раскрытым журналом дежурств и высокой тумбой с вращающимся сиденьем. Салон. Рабочий кабинет. И одновременно — столовая. Посредине комнаты стоял обеденный стол, накрытый на четырех человек и окруженный четырьмя креслами.

— Ребята! — закричал Кашкин, отстегнув шлем. — Смена пришла. Где вы там?

— Ответа не было.

Пока Гордон методически, по всем правилам освобождался от скафандра, Кашкин успел заглянуть в спальню, лабораторию, камбуз. Открыл дверь туалета и неизвестно зачем пустил воду из крана над раковиной.

Растерянная улыбка поползла по его лицу.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Они еще не перешли на «ты». Кашкин счел момент подходящим.

Гордон подошел к бюро. Он увидел на раскрытой странице дневника дежурств готовую запись о сдаче и приеме станции. Она была помечена сегодняшним числом: оставалось поставить подписи.

Из камбуза доносился аппетитный запах обеда.

— А может быть, — произнес неуверенно Кашкин, — может быть, это входит в программу испытаний?

Среди практикантов ходили слухи, что для каждой пары стажеров подготавливался специальный сюрприз, чтобы посмотреть, как кандидаты в «лунатики» станут себя вести в неожиданной ситуации.

— Нужно допросить протоколиста, — быстро сообразил Гордон.

Он подошел к неширокому растробу, выступающему из стены, щелкнул тумблерами «вопросы» и «ответы».

— Где Горышев и Дубровский? — громко спросил он.

— Горышев отправился ко всем чертям, — ответил протоколист. — Дубровский последовал за ним, — добавила машина после паузы.

— Что за чертовщина? — вытаращил глаза Кашкин. — Машина спятила!

— Когда ушли Горышев и Дубровский? — спокойно задал вопрос Гордон. Он говорил почти таким же ровным голосом, каким отвечала машина.

— Горышев — в 13.20. Дубровский — спустя десять минут.

Кашкин посмотрел на часы.

— За двадцать минут до нашего прибытия! Значит, они там, снаружи... Как же мы проглядели?

Он шагнул к входной двери.

Дверь не поддавалась. Кашкин сильнее дернул рукоятку. Тогда дверь произнесла:

— Застегнуть скафандр!

Кашкин досадливо крикнул.

Тут все вещи связаны сигнализацией — скафандры, дверь, протоколист, и, конечно, промах Кашкина уже зафиксирован где-нибудь на магнитной нити и войдет в обобщенную сводку его ошибок. Впрочем, пока это учеба, тренировка, первый день... Эти милые автоматы приучат Кашкина к необходимой автоматичности. Не в том ли смысл всей практики на станции — в конечном и, надо надеяться, суммарном балле?

— На площадке никого не было, — сказал Гордон. — Я внимательно оглядел ее с вихрелета.

Кашкин стоял посреди комнаты в скафандре, который он так и не успел снять.

— Надо послушать запись их разговоров, — сообразил он наконец. — Самых последних.

«Неплохая идея», — отразилось на лице Гордона. Разыскав счетчик времени, он стал крутить диски.

— Ставлю на 13.17.

Машина весело заговорила голосом Горышева:

— Ну, я пошел встречать этих чертей. А тебе ни пуха ни пера.

— Пошел ко всем чертям. — Дубровский произнес традиционную фразу почти без всякого выражения.

— Советую отладить юмор!

— Хватит, — ворчливый голос человека, занятого работой.

Звук закрывающейся двери.

— Так, — вмешался Кашкин. — Черти — мы. Горышев пошел нас встречать. А что делал Дубровский?

— Тсс... — Гордон предостерегающе поднял руку.

Шорохи. Вздых. Тонкий пронзительный свист. Стук упавшего предмета. Быстрые шаги. Чмокание двери.

— Теперь пойдет пауза до нашего прихода.

— Есть запись наружной обстановки? — спросил Гордон протоколита.

— Второй канал неисправен.

Гордон пощелкал тумблером «Второй канал».

— Действительно. Итак, подведем итоги. Что можно считать установленным? Горышев пошел нас встречать. Дубровский чинил неисправный наружный канал, чтобы сдать станцию в порядке. Горышев не подозревал о чем-то. Дубровский побежал предупредить об этом «что-то» Горышева, а может быть, и нас. Неизвестное «что-то» предположительно связано с загадочным свистом.

— Логично. Если только... если только все это не розыгрыш! Давай обобщем как следует помещения станции. Может быть, мальчишки сидят где-нибудь в стенном шкафу. И посмеиваются над нами.

— Проверим на всякий случай.

Они обследовали заново каждую пядь. Заглядывали под кровати, под стол и кресла, открывали двери и дверки, не исключая шкафчика дежурной аптечки.

— Все, — сказал Кашкин, отряхивая пыль с колен. — Если они не превратились в мышей, их здесь нет. Значит, они прячутся снаружи. Надевай снова скафандр.

Выйдя на площадку, они увидели, что от двери станции по

свежевыпавшему снегу тянутся две пары следов, которые прежде не привлекли их внимания. Следы шли в направлении, противоположном тому, откуда прибыли Кашкин и Гордон после высадки с вихрелета.

— Выходит, Горышев встречал не нас. Значит, черти не мы! — воскликнул Кашкин. — Кто же... Что за черт!

Они прошли всего несколько десятков шагов вдоль следов. Дальше следы обрывались. Вокруг лежали снежные заструги, чистые и нетронутые.

Кашкин невольно поднял глаза к небу.

— Не улетели же они? Какие черти могли их унести?

Небеса не дали ответа.

Тогда Кашкин огляделся по сторонам. Он увидел на скалистой стене, к которой примыкала площадка, изображение черепа и скрещенных костей. Рядом со знаком, предупреждающим об опасности, нарисованным прямо на скале, виднелась грубосколоченная дверь. Очевидно, она прикрывала нишу или вход в небольшую пещеру.

— Трансформаторная будка? Склад?

— В описании станции ничего не говорится на этот счет, — твердо сказал Гордон.

— Ты, наверное, выучил его наизусть, — позавидовал Кашкин. — Значит, хибару соорудили Горышев и Дубровский.

— И не сообщили на Землю!

— А надо докладывать о таких пустяках?

— В еженедельной сводке. Ты не читал инструкции?

— Я полагал, что успею почитать ее здесь. Так, может быть, они там и сидят? Соорудили эту штуку, чтобы нас озадачить, и нарочно не сообщали!

— А следы?

— Разберемся после. Какой-нибудь трюк... От этих мальчиков всего можно ждать.

Подойдя к двери, они обнаружили висящий на ней странный предмет. Кашкин потрогал металлическую скобу, соединенную с коротким цилиндром.

— А это еще что за знак?

— Это не знак, а замок.

— Из какого музея?

— Сами сделали.

— Выходит, там их нет. Но для чего мог им понадобиться замок?

— Запирать.

— Что и от кого?

— Я не удивлюсь, если это «что-то» или этот «кто-то» свистит.

Кашкин заинтригованно гмыкнул.

— Что говорит по этому поводу инструкция?

— По инструкции мы обязаны сообщать обо всем необычном на Землю. Но связь будет только в шесть утра. Так устроен передатчик.

— Игра в Луну? Значит, до утра они могут морочить нам голову! Самое лучшее — сделать вид, что ничего не произошло. Им надоест — и они вылезут сами.

— Я предлагаю. — Гордон нахмурился. — Первое — не раз-

лучаться, ходить вдвоем, как в патруле. Второе — разыскать ключ и выяснить, что за дверью.

— Ты встревожен?

— Мы не знаем, что тут происходит.

2

— Где может быть ключ? — Кашкин посмотрел на стены. — Раньше их вешали на гвоздь. Я читал в каком-то романе. Но здесь нет гвоздей.

— Их держали еще в ящиках письменного стола.

— Спросим протоколиста. Для чего-то он существует. Слушай, друг, — Кашкин обернулся к воспринимающему приказанию раструбу. — Ты слышишь?

— Слышу, — ответила машина.

— Не знаешь, где ключ?

— Нет.

— Вообще о ключе Горышев и Дубровский при тебе разговаривали?

— Нет.

— А о чем они разговаривали?

— О разном.

— Толковый ответ. А о чем больше всего в последнее время?

— О снежном человеке.

— Это еще что за зверь?

— Человекообразная обезьяна, — сообщил протоколист.

— Ну и что они говорили?

— Горышев говорил, что он встретил снежного человека.

— Черт возьми! — оживился Кашкин. Он вопросительно посмотрел на Гордона.

— Чепуха, — сказал Гордон. — Старая легенда. Обезьяна, если она и существовала, вымерла лет двести назад. Никто ее не видел. Из ученых.

— Воспроизведи разговор, — потребовал Кашкин у протоколиста. — Самый первый. О снежном человеке.

— Это продолжение разговора, — сообщил протоколист. — Начала я не слышал. Разговор начался на территории, а наружный канал... — протоколист запнулся. — Пошаливал. Воспроизвожу запись.

— Хватит мистификаций, — послышался голос Дубровского. — Сначала ты выдумал, что нашел куст земляники в снегу, а я, как дурак, бегал его смотреть. Потом ты сказал, что у тебя болят зубы каждый раз перед тем, как падают лавины, и я пытался построить теорию с ультразвуками. Теперь ты фантазируешь насчет снежного человека.

— Почему фантазирую?

— Ты очень несерьезный человек. Я даже не знаю, что о тебе думать.

— А что ты думаешь об этих фотографиях?

— Фотографии! — воскликнул Кашкин. — Горышев показал фотографии?

— Да, — подтвердила машина. — Шесть фото.

— Где фотографии?

Кашкин подпрыгивал от нетерпения.

— В ящичке бюро.

Даже Гордон не выдержал. Он подошел к бюро и стал выдвигать один ящик за другим. Очень скоро он положил на стол шесть снимков.

С небольшими изменениями в ракурсе они изображали одно и то же существо, походившее не то на обезьяну, не то на дикого человека. Низкий лоб с выдающимися надбровными дугами, неразвитый нос, покатые плечи, длинные узловатые руки и короткие, как у медведя, ноги. Снежный человек стоял, приклонившись спиной к скале, чуть наклонясь вперед, повернув голову. Глаза едва различались под нависшими волосами.

— Да... Красавец! — восхитился Кашкин. — Но какова сенсация! — пришел он в еще больший восторг. — Вот это, я понимаю, открытие!

— Почему они о нем умалчивали? — в недоумении произнес Гордон. — Не понимаю... Почему, — спросил он протоколиста, — сообщение о снежном человеке не передали на Землю?

— Горышев сказал, чтобы сообщение передал Дубровский. Дубровский говорил, чтобы передавал сообщение Горышев.

— Нелепый спор, — удивился Гордон. — Почему Горышев хотел, чтобы передавал Дубровский?

— Потому что Дубровский в эти дни был старшим смены.

— А почему Дубровский считал, что сообщить о снежном человеке должен Горышев?

— Потому что Горышев сделал открытие.

Кашкин вдруг свистнул.

— А что, если их утащили снежные люди?

— Какие еще снежные люди? — рассердился Гордон. — На снимках одна и та же обезьяна.

— Но не могла же эта обезьяна существовать в одиночку! Их, может быть, целое стадо. Дубровский чинил наружный канал, включил его на какую-то секунду, услышал свист жоака и бросился на выручку Горышева. Они утащили и его.

— Не оставив следов на снегу?

— Может быть, они прыгают метров на двадцать сразу.

— С такими ногами не прыгнешь!

— Тогда могли бросить аркан или еще что-нибудь. И втянуть прямо на скалы. Уж, наверное, снежные люди — отличные скалолазы.

— Гм. — Гордон заколебался. — Ты, я смотрю, фантазер.

— Теперь понятно, почему они сделали замок, — продолжал возбужденно Кашкин. — Простой засов обезьяна легко откроет. Замок — против снежного человека. Но что они прячут на складе? Ну-ка, — обернулся он к протоколисту, — можешь ответить на такой вопрос: что на складе, понимаешь, там, в пещере, снаружи, под замком?

— Снежный человек, — ответил протоколист.

— Вот это номер, — озадаченно прошептал Кашкин. — Были бы мы хороши, если бы нашли ключ и открыли дверь. Так вот что означает череп с костями! Напоминание об осторожности.

— Надо взять сверло, — сказал Гордон, — и фонарик.

...Осмотрев внимательно дверь, они убедились, что в толстых досках кто-то уже пробурил с десяток отверстий.

— Для воздуха, — сообразил Кашкин. — А замок — чтобы сородичи не выручили.

Он прильнул к одной из дырок.

Гордон пристроился к соседнему отверстию.

Луч фонарика уперся в стену пещеры.

Оба вздрогнули. Прямо против них, прижавшись к стене, стояло существо, которое они только что рассматривали на снимках.

Снежный человек стоял в позе напряженной неподвижности. Крупными ноздрями, обращенными вперед, он, видимо, втягивал воздух. Ростом он превышал человека.

— Осторожнее... — прошептал Кашкин. — Видишь, в лапище камень! Запустит в глаза...

Оба затаили дыхание. Ни звука не доносилось и из пещеры. Снежный человек замер.

Гордон переместил фонарик, приложил к другому отверстию. Луч ударил в скошенный лоб, сверкнули в бурых космах точечки зрачков.

Что-то знакомое показалось Кашкину в этом взгляде.

— А ну-ка, пошумим! — предложил он вдруг.

И принялся барабанить в дверь рукояткой сверла.

Обезьяна даже не шевельнулась.

— Сдохла? Муция? Труп?

Кашкин уже снимал замок.

— Бутафория, — бросил он. — Не требуется никакого ключа.

Он распахнул дверь. У стены все в той же позе, в точности повторяющей изображение на фото, стояло чудовище, еще более страшное при дневном свете.

Кашкин подошел к снежному человеку и взял его за подбородок.

— Камень, — сказал он. — А глаза — из застежек от комбинезона.

Теперь и Гордон мог убедиться, что из стены выступал рельеф.

— Сработано грубо, но впечатляет, — произнес Кашкин. Он отступил на шаг. — Конечно, люди дотошные найдут разные отступления в анатомии. Но ведь как живой!

— Грандиозная мистификация, — нахмурился Гордон. — За чем?

Они обернулись и посмотрели на заснеженную площадку, где обрывались следы.

— Был миг, — признался Гордон, — когда я подумал, что, может быть, они заперты здесь, в пещере. Ты с твоими фантазиями подействовал и на мое воображение. Какой-то конфликт со снежным человеком мог кончиться тем, что они оказались бы внутри, а он снаружи: защелкнуть замок обезьяне ничего не стоит.

— Они увидели бы нас в дырку и подняли шум.

— Про дырки я не знал.

— Где же все-таки ребята?

Тихо. Безветренно. Снежинка, слетевшая с кручи, сверкая на солнце, легла на белую пелену.

Впервые щемящее чувство тревоги словно пронзило Кашкина. Опасности не бутафорские, а самые настоящие окружали живущих на восьмом километре к Луне.

— Мы не приблизились к решению загадки ни на шаг, — огорченно резюмировал Кашкин.

И тут же хлопнул себя по лбу. Удар, правда, пришелся по пластиковому шлему.

— Мы дураки, — убежденно сказал он. — Самые настоящие остолопы. Мы не подумали о ветре.

— При чем здесь ветер? — удивился Гордон.

— Несчастье! — воскликнул Кашкин. — Произошло несчастье! Их унесло ветром!

— Ну, знаешь...

Но Кашкин уже шагал к месту, где обрывались следы.

— Местность идет под уклон. Видишь? Порыв ветра — и их нет.

— Я скорее поверю, что они провалились сквозь землю, — сказал Гордон. Он попробовал сделать несколько шагов в направлении, куда вели следы. Снег был неглубокий, едва больше, чем по щиколотку, грунт под ним твердый.

— Здесь не провалишься. Ни ямы, ни канавы.

— Я же говорю: их подхватил порыв ветра.

— В ветер я не верю, — возразил Гордон. — Мы прилетели — был полный штиль. Но давай посмотрим.

До ограды шла снежная целина. Дальше сквозь редкие ячеи сетки виднелся склон, круто уходящий вниз. Шагах в пятнадцати начинался уже обрыв. На снегу ни царапины.

— Если они перелетели через ограду, — неуверенно сказал Кашкин, — то их пронесло прямо туда...

Он вздрогнул.

— Ты куда?

Кашкин, цепляясь за проволочные узлы, лез на сетчатую стену.

— Выходить за границы территории станции категорически запрещено, — глухим твердым голосом произнес ближайший столб.

— Интересно, что сказал этот столб, — пробурчал зло Кашкин, — когда Горышев и Дубровский пролетели тут по воздуху. Все предусмотрено, а людей нет!

Кашкин продолжал висеть на сетке, не обращая внимания на предупреждающие возгласы столба. Наконец он слез.

— Ничего не видно.

— Поговорить еще разок с протоколистом? — в раздумье произнес Гордон.

— Эта машина только сбила нас с толку! — Кашкин говорил с досадой. — Не понимает юмора, не знает студенческих поговорок — представляю, как она изобразит наше поведение. В ее изложении мы будем выглядеть полными идиотами. Я, во всяком случае. Ты, конечно, ей больше импонируешь.

— Ты зря злишься! Машина ни в чем не виновата. Горышев специально мистифицировал Дубровского. И уж если он поверил в снежного человека, чего ты хочешь от машины? Главная беда в том, что неизвестно, о чем спрашивать протоколиста. Нужны новые данные, тогда появятся и новые вопросы. Знаешь что? Посмотрим показания всех приборов за час до нашего прибытия!

— Вдруг зафиксировали землетрясение?

— Я бы не исключил и землетрясения.

Они еще раз оглядели площадку, сверкающую голубизной под безоблачным небом. Будки и будочки, приборы, стоящие открыто, и ни одного следа возле них.

— Сегодня их не осматривали, — заметил Кашкин.

— По расписанию это должны делать мы. Их проверяют раз в два дня. Регистрационные устройства — внутри станции.

3

Поделив ленты с графиками, они уселись за стол и, сдвинув в сторону тарелки, погрузились в изучение материалов.

— Землетрясения не было, — констатировал Кашкин. — Не считая двух, эпицентры которых находились в четырех и в шести тысячах километров.

— В солнечной радиации особенного ничего не происходило, — бормотал Гордон. — Космические лучи — в норме.

Они смотрели все подряд.

Еще шуршание лент, нечленораздельные восклицания. И вдруг...

— Вот, — звенящий голос Кашкина. — Я говорил!

Он поднес к глазам Гордона голубоватую ленту. Гордон взглянул на зубец, в который уткнулся палец Кашкина.

— Что это?

— Ветер. Видишь — почти прямая линия? Штиль. И вдруг — острый всплеск. Затем затухающие зигзаги. И снова штиль — ровная линия. По времени... по времени... сходится! 13 часов 34 минуты. Сильный порыв ветра! Что?

— Сильный? — Гордон берет из рук Кашкина ленту. — Где

тут масштаб? Ну, знаешь, таким порывом двух взрослых мужчин не поднимешь в воздух.

— Ты забыл про скафандры! Они же настоящие аэростаты. Ты же знаешь: чем сильнее ветер, тем плотнее становится воздух. И вот наступает момент, когда...

— Срабатывают клапаны, — холодно закончил Гордон. — Подъемная сила скафандров постоянна. Специально устроено, чтобы походило на постоянную разницу в весе на Луне.

Но Кашкина не так легко было заставить отказаться от мысли, если она его захватила.

— Тут ничего не стоит упасть и стукнуться, — сказал он. — Ударился клапаном о камень — и пожалуйста: клапан вышел из строя.

— У обоих сразу?

Кашкин задумался не больше чем на секунду.

— У одного. Дубровский вспомнил про неисправный клапан в скафандре Горышева и побежал за ним. Только схватил его, тут вдруг задул ветер и перенес обоих через сетку.

Кашкин так ясно представил себе картину, что вскочил с кресла.

— Надо взять трос и обследовать провал. Плевать на то, что скажет по этому поводу бетонный столб.

Он сделал шаг к двери.

— Скафандр, — равнодушно заметила дверь.

Кашкин остановился и стал оглядывать себя.

Гордон махнул рукой.

— Версия отпадает, — устало сказал он. — Дверь не выпустит человека в неисправном скафандре. Если в скафандре что-то не в порядке, он сам просигнализирует об этом.

Кашкин медленно вернулся на свое место.

Гордон молчал на этот раз очень долго. Он напоминал шахматиста, ищущего ответ на сложный ход противника.

— Секрет, наверное, самый простой, — сказал он наконец. — Тебе не кажется, что Дубровский и Горышев просто не могли нигде исчезнуть с территории станции? Вихрелет исключается. На скальную стену не забраться даже альпинистам. Через забор не перелетишь. До сих пор мы разбирали варианты того, как они покинули территорию станции. Теперь предположим, что они здесь.

— Как же ты объяснишь следы?

— Следы могут не иметь никакого отношения к исчезновению Горышева и Дубровского.

— Новая версия?!

— Просто я более критически оцениваю факты. Следы могут быть старыми.

— Снег свежий.

— А ты знаешь, как здесь падает снег? Здесь ветры дуют под всеми углами. Старые следы могли оказаться в зоне случайного затишья.

— Но ведь не можем же мы обследовать всю территорию сантиметр за сантиметром, переворачивая каждый камень, наподобие того, как обыскивали эти комнаты? Нам не хватило бы и двух недель.

— Разумеется. Если до шести утра ничего не придумаем, со-

общим на Землю, вызовем людей. Но что делать сейчас? У тебя есть идея? Пусть самая фантастическая?

— Увы, — уныло сказал Кашкин, — моя фантазия иссякла.

— У меня тоже нет никакой гипотезы, — сознался Гордон. — Ну, давай подумаем, — предложил он. И погрузился в размышления.

Но Кашкин не мог долго оставаться наедине с собой. Он стал думать вслух.

— Интересно, как выглядят эти парни? — Он покряхтел. — Очень разные люди, судя по тому, что мы о них успели узнать. Горышев может выдумать любую ерунду. Дубровский — мужик серьезный. Если берется за что-нибудь, то уж это дело: исправление канала наружной связи, исследование... Что он исследовал, когда Горышев принялся морочить ему голову своим снежным человеком? Не помнишь?

— Что-то связанное с ультразвуками. Кажется, способы предупреждения о лавинах.

Кашкин оживился.

— Послушай, — обратился он к протоколисту. — Здесь бывают лавины?

— В горах-то? — удивился Гордон. — Где же им быть?

— Я не тебя спрашиваю. На территории станции лавины бывают? Ну, шевели своими клетками! Что-то ты долго соображаешь!

— Лавиноопасен западный участок, — ответил протоколист.

— Лавины сильные?

— Слабые. Большие лавины минуют станцию.

— Ты думаешь... — просветлел Гордон.

— Вот именно. Мы шли от Горышева, а надо было идти от Дубровского. Ну-ка, машина! Дубровский конструировал прибор для прогнозирования лавин?

— Да, — ответил протоколист.

— Где прибор?

— Установлен на территории станции.

— Где именно?

— На западном участке.

— В каком месте?

— Дубровский нанес на карту.

— Где карта?

— В нижнем ящике бюро.

— Гениальная машина! Беру назад все критические замечания.

— Нашел карту? — обратился он к Гордону.

Тот рылся в ящике бюро.

— Вот она. — Гордон расстелил карту на столе. — Западный участок — там, куда вели следы.

— А место, где установлен прибор, помечено?

— Сейчас... Тут много всяких пометок. Ага, есть надпись: «лавиноскоп».

— Отлично! — Кашкин сидел в кресле, скрестив руки на груди, и не глядел на карту.

— Теперь нанеси на карту следы до того места, где они обрываются. Нанес?

— Примерно так.
— Приложи линейку, — в голосе Кашкина звучали торжествующие ноты. — Проведи линию от конца следов к точке с надписью: «Лавиноскоп». Провел? Вот на этой линии и надо их искать.

4

— Прибора нет, — сообщил Гордон. Он держал в руках карту и сличал ее с местностью. — Может быть, Дубровский передвинул его, — добавил он с сомнением.

— Рельеф на карте показан?

— Нет, это план.

— Можешь определить место, где должен находиться лавиноскоп?

— Видишь черный камень, выступающий из снега? Правее, метров десять.

— Туда и возьмем прицел.

Они двигались по белому полю, тыча лопатами в снег. Поверхность снега оставалась ровной, но грунт под ногами понемногу понижался. Они словно входили в реку. Вот уже по колено.

Гордон издал восклицание и провалился по пояс.

— Тут яма.

— Начнем прокладывать траншею.

Снег был легкий и сыпучий. Он плохо держался на лопатах.

Через полчаса они выдохлись.

— Передышка пять минут, — объявил Кашкин.

Гордон оперся на лопату.

— Расскажи, как тебе рисуется картина?

— Проще простого, — ответил Кашкин. — В этом отношении ты оказался прав. Дубровский мудрил над прибором, улавливающим наступление лавин. Что-то должно предшествовать падению лавины. Какие-то процессы внутри нее, помимо накопления самой массы снега. Ведь лавины обрушиваются и при полном безветрии. Что-то подготавливает их к тому, что они срываются от хлопка в ладоши. Видимо — я не специалист, только предполагаю, — это связано как-то с ультразвуками или может быть обнаружено с помощью ультразвуков. Когда Горышев пошутил, что у него ноют зубы перед падением лавины, Дубровский допустил, что так могло быть на самом деле. Его прибор работает с ультразвуками, а перевести их на слышимый звук ничего не стоит. Свист — это и есть сигнал о том, что лавина вот-вот обрушится. Свист ничего не говорит о времени, когда это произойдет. Связь между Дубровским и Горышевым не действовала — наружный канал вышел из строя. Работала только связь с приборами. Она осуществляется по отдельным каналам. Дубровский услышал свист и побежал предупредить Горышева. Лавина настигла их где-то вот тут. Засыпала следы, их обоих и прибор. Лавина небольшая, может быть, слабый отрок — поэтому на общем виде местности она особенно не отразилась. Мы ведь не знаем, как выглядит эта местность по-настоящему? Вернее, как она выглядела вчера. Здесь все меняется каждый день. Есть и косвенное подтверж-

дение — воздушная волна от лавины зафиксирована ветромером.

— В твоём рассуждении, — сказал Гордон, берясь за лопату, — есть одна логическая неувязка. Зачем Горышев пошел в направлении, прямо противоположном тому, где находится посадочная площадка вихрелета? Ведь черти, которых он пошел встречать, мы, а не снежные люди.

— Не берусь все объяснять. Оставим какие-то разгадки до встречи.

Они покопали еще минут двадцать. Снег вокруг лежал уже на уровне плеч. Казалось, они уходили больше в глубину, чем продвигались вперед.

— Мы можем провести траншею мимо, — не выдержал Гордон. — Ведь они не ходят по линейке. У них навверняка тут тропы, по которым они шагают от будки к будке.

— Я думаю, в экстренном случае они должны побежать по прямой.

Лопата Кашкина уткнулась во что-то тугое и твердое.

Он отбросил лопату и опустил на колени. Из снега торчала ребристая подошва с каблучком в форме подковы.

Человек лежал вдоль направления траншеи, и им пришлось изрядно повозиться, пока они отрыли его. Последней освободили от снега голову. Тут только человек зашевелился. Он сел. Сквозь шлем, облепленный снегом, различались квадратное лицо, твердый подбородок, голубые глаза. Человек провел рукавицей по поверхности шлема, оставив прозрачную полосу. Затем рывком сел.

— Дубровский, — представился он. — Горышева откопали?

— Где его засыпало?

— У лавиноскопа. Сейчас покажу.

Дубровский поднялся на ноги. Широкоплечий, баскетбольного роста.

— Сколько осталось кислорода? — поинтересовался Гордон.

Дубровский взглянул на счетчик на руке.

— На двадцать девять минут.

— А у Горышева?

— Не больше. Запас ограничивают, чтобы приучить к экономии и к постоянному слежению за дыханием.

Гордон и Кашкин переглянулись.

— Мы не успеем. За час мы прошли меньше половины расстояния до лавиноскопа.

Дубровский взглянул на лопату.

— Чем вы копаете?

— Всем, что нашли на станции.

— В сарае снегомет.

Кашкин побежал к складу.

— Из-за этого дурацкого снежного человека, — рассердился Гордон, — мы не осмотрели склада. Игра могла кончиться очень плохо.

Он вспомнил про череп с костями, и ему захотелось выругаться.

Дубровский сделал несколько движений руками и окончательно пришел в себя.

Кашкин притащил снегомет, по виду напоминающий плуг. Дуб-

ровский направил острие в сторону торцевой стенки траншеи, сжал рукоятки. Тотчас снежные вихри забили в стороны, снегомет двинулся вперед, вонзаясь в нетронутый пласт. Дубровский шел ровным шагом, положив руки на рукоятки, и, покручивая ими, управлял механизмом.

С каждым шагом ход углублялся.

— Тут ложбина, — пояснил Дубровский. — Скаты играют роль звукоулавливателя. Я поставил лавиноскоп в самом глухом месте.

5

Горышев не лежал, а сидел под трехметровым пластом снега. Он зашевелился сразу же, едва получил возможность двигаться. Рядом в раскопанном снегу торчала головка лавиноскопа, шестигранная, похожая на большую гайку.

— Кислород? — спросил Гордон.

— На красной черте.

Гордон и Кашкин подхватили Горышева под руки. Невысокого роста, смуглый, с выражением нетерпения на лице, он двигал руками и ногами, словно хотел согреться. Они побежали к станции. Дубровский еле поспевал с лопатами и снегометом на плече.

Вдруг Горышев остановился.

— Зубы, — сказал он.

— Что с зубами? — спросил Гордон.

— Ноют.

Дубровский поморщился.

— Опять начинается... Еще не отдышался, а уже...

— Смотрите, — воскликнул Кашкин. С дальнего склона показалась белая струйка.

Дубровский бросил в снег лопаты и «плуг» и побежал к лавиноскопу.

6

Придя на станцию, Гордон и Кашкин помогли Горышеву снять скафандр и усадили его за стол.

Вскоре появился Дубровский.

— Зафиксировал, — объявил он с порога. У Дубровского был довольный вид.

— Еды, — попросил Горышев. — Я так проголодался, пока возился под снегом.

— А я не двигался, — сказал Дубровский, расстегивая скафандр. — Даже спал.

— Выдержка, — удивился Кашкин.

— Экономия кислорода, — объяснил Дубровский.

Разогреть обед было делом минуты.

— Я вижу, спячка благотворно сказывается на аппетите, — заметил Горышев, глядя, как Дубровский отправляет в рот ку-

сок за куском. — Теперь я понимаю, почему медведи весной голодные.

— При чем здесь медведи? — Дубровский пожал квадратными плечами. — Медведь спит всю зиму. И существует за счет накопленных запасов жира.

— Да, я забыл вам представить своего напарника, — сказал трагическим тоном Горышев. — Должен предупредить: этот юноша не понимает юмора.

— Не люблю глупых шуток, — подтвердил Дубровский.

— Например, про зубы.

— С зубами я был неправ, — серьезно сказал Дубровский. — Охотно приношу извинения. Последний случай очень убедительный.

— Ну вот, — жалобно воскликнул Горышев. — А с зубами я как раз пошутил.

— У него не отличишь, — с огорчением произнес Дубровский, — когда он говорит серьезно, а когда паясничает.

— Тогда, в первый раз, зубы у меня действительно болели, — пояснил Горышев, гримасничая. — Но это оттого, что я пил ледяную воду. Про лавину я сболтнул просто так. А она вдруг возьми и свались.

Гордон решил прервать перепалку.

— Как вы очутились у лавиноскопа? — спросил он.

— Глупость, — усмехнулся Горышев. — У меня занули зубы. Честное слово! — предупредил он реплику Дубровского. — И я подумал... Ну, понимаете, Дубровский со своим серьезным отношением ко всему на свете может хоть кого сбить с толку. В общем я... мне пришлось в голову... вдруг и правда зубы имеют отношение к лавинам? Смешная мысль, конечно. Я лично понимаю. Ну, я пошел к лавиноскопу поглядеть, что он показывает. Тут лавина меня и накрыла.

— Ну хорошо, а снежный человек? — спросил Гордон, откидываясь в кресле.

Они покончили с обедом. На столе стояла ваза с фруктами.

— Попробуйте каждый день общаться с человеком, у которого нет чувства юмора, — горячо заговорил Горышев. — Я в шутку сказал, что в снегу расцвела земляника. Он поверил. Я сострил про ноющие зубы, он стал писать диссертацию. Тогда с досады я выдумал историю со снежным человеком.

Он взял яблоко и принялся грызть его.

Дубровский встал из-за стола и, не проронив ни слова, взялся за дело, от которого оторвался три часа назад. Он поднял с пола отвертку и, придвинув кресло к панели, принялся искать повреждение в блоке наружного канала.

Гордон изучающе глядел на Горышева.

— Жаль, — сказал он после паузы, — что вам не придется работать на Луне.

Подвижное лицо того выразило удивление.

— Почему?

— А вы смогли бы вдвоем с Дубровским дежурить год?

— Нет, — вырвалось у Горышева. — И я заявляю самоотвод, — сказал он более спокойно. Он положил огрызок на тарелку и совсем успокоился. — Ведь пары можно подбирать

в разных комбинациях, — разъяснил он. — И есть станции, где дежурят по шесть человек. Даже по восемь.

— И на каждое место три кандидата! — воскликнул Кашкин. — Кажется, я начинаю понимать, для чего нас сюда присылают! Горышев улыбнулся.

— Если вы имеете в виду совместимость характеров, — протянул он, — то... в конце концов чувство юмора...

Гордон резко остановил его.

— Я тоже не лишен чувства юмора, — заявил он. — Но с вами я не стал бы дежурить.

Кашкин после небольшого раздумья присоединился.

— Я, пожалуй, тоже. Хотя характер у меня легкий. Даже с налетом легкомыслия.

Горышев испытующе поглядел на друзей.

— Три человека — три несовместимости, — подытожил Гордон.

— Достаточно, чтобы вылететь из кандидатов, — резюмировал Кашкин.

— Вы шутите? — воскликнул Горышев.

Он вдруг повеселел.

— Люблю парней с юмором.

Гордон сказал Кашкину, как если бы Горышева не было:

— Тебе не кажется, что его следует оставить на Земле из чисто научных соображений? Ведь это же просто феномен. Я не так уж сильно разбираюсь в лавинах, ультразвуках и симпатической нервной системе, но что все эти совпадения не случайны, совершенно очевидно.

— Еще бы! — немедленно откликнулся Кашкин. — Три попадания из трех возможных! Какой прибор даст на первых порах такую стопроцентную точность! Приклеить миниатюрные датчики — и, пожалуйста, готовый лавиноскоп. Что там Дубровский с его опытами!

— Готово, — сказал Дубровский, захлопывая дверцу панели. — Так какой опыт собирается поставить на себе Горышев?

— Чудо! — воскликнул Горышев. — Свершилось! Вы свидетели. Дубровский произнес первую остроту. За месяц. А может быть, первую в жизни. Занесем в протокол.

— Почему острота? — удивился Дубровский. — Я говорю серьезно.

— О боги! Есть отчего заныть зубам, — простонал Горышев. С видом мученика он замотал головой.

— Что, следует ждать лавины? — осведомился Кашкин.

И тут же послышался свист. Затем донесся шум как от далекого поезда и звук удара.

— Наружный канал действует, — удовлетворенно сказал Дубровский. — Лавиноскоп сработал.

— Горышев тоже, — в тон ему заметил Кашкин. — Все оборудование в исправности.

— Горышев среагировал раньше, — уточнил Гордон. — Так и занесем в протокол.

Что-то в тоне Гордона насторожило Горышева. Тон был слишком серьезен.

— Вы этого не сделаете!
Горышев с тревогой и надеждой смотрел на Кашкина и Гордона.

— Почему же, — сухо сказал Гордон. — Мы обязаны это сделать. Наука не может проходить мимо таких фактов.

— В конце концов это не по-товарищески, — лицо Горышева искривилось.

— А вы можете судить, что такое по-товарищески, а что нет? — сказал Гордон. — Вы даже не заметили, что сейчас происходит товарищеский суд. Ваши товарищи, ваши коллеги выносят свое суждение о вас. Двое уже проголосовали «против».

У Горышева сделалось удивленное лицо.

— Что я сделал нетоварищеского? По отношению к кому?

— К Дубровскому.

— Я?! — Горышев широко раскрыл глаза. — Я полез смотреть лавиноскоп только для того, чтобы обрадовать его. И меня засыпало лавиной. Не откопай вы меня в последний момент, вам не было бы сейчас кого судить.

— Это разные вещи, — сказал Гордон. — Я имею в виду историю со снежным человеком.

Горышев все еще ничего не понимал:

— Обыкновенный розыгрыш. Занятие скульптурой — мое увлечение. Я потратил неделю: мне хотелось произвести полный эффект. Он все сорвал, сказав, чтобы я сам сообщил на Землю о своей находке.

— А вы представляете, — холодно произнес Гордон, — хотя бы сейчас представляете, что произошло бы, если бы Дубровский радировал о вашем снежном человеке? Над кем смеялся бы весь мир?

— Есть границы розыгрыша, — подтвердил Кашкин. — Одно дело в студенческой компании, другое — на всю планету. Юмор где-то уже кончается. Название другое.

Горышев в растерянности смял салфетку.

— Мы, совершенно очевидно, по-разному понимаем, что такое юмор, — заметил Гордон.

— Ну что ж, все прояснилось, — сказал Кашкин. — Ему не терпелось закончить неприятный разговор. — Остается расписаться в книге дежурств. У нас больше вопросов нет.

— А я? — завопил Горышев. — А как же я? Это ваша... шутка?! Вы...

— Обыкновенный розыгрыш, — жестко произнес Гордон. — Так, кажется, вы называете подобные шутки. Теперь вы ощутили, что это такое? — Но тут же сжалился: — Ладно, насчет зубов мы действительно пошутили... Но если говорить серьезно, то, откровенно говоря, у вас, по-моему, только один шанс.

Горышев с надеждой посмотрел на Гордона.

— Дубровский, — сказал тот.

— Да уж такого кроткого парня поискать во всей вселенной, — кивнул Кашкин.

— Провожать не нужно, — сказал Дубровский. — И так потеряно много времени.

Он щелкнул тумблером. На стене засветился экран.

— Вот, можете глядеть.

7

Две фигуры на экране медленно двигались к вихрелету. Одна, высокая, шагала спокойно, другая, маленькая, подсакивала и размахивала руками.

— Шутки шутками, — засмеялся вдруг Гордон, — но самое смешное будет, если между зубами и лавинами и на самом деле обнаружится связь. В принципе исключить этого нельзя. Но первое самое серьезное испытание выдержал ты, — сказал он другим тоном. — Если бы не ты, не твоя догадка и энергия, Дубровский и Горышев лежали бы под снегом. С тобой, мне кажется, не пропадешь!

Вихрелет поднялся над площадкой и исчез за выступом горы.

— Интересно, — подумал Кашкин вслух, — что будет с нами через месяц?

И ответил:

— Я, наверное, стану более сдержанным. Обзаведусь методичностью. Ты, наоборот, прихватишь от меня избыток легкомыслия.

На лице Гордона появилось знакомое Кашкину выражение каменного упрямства. «Я свой характер так просто менять не собираюсь», — перевел он.

Кашкин вздохнул.

— Один протоколист останется, каким он был, — продолжал он рассуждать. — А ведь мог бы набраться качеств от каждого практиканта. Вот бы стал занятым собеседником. Было бы с кем коротать часы. Хоть и машина...

— Протоколист должен оставаться протоколистом, — возразил Гордон. — Он протоколирует, и на этом его функции кончаются. Его записи психологи проанализируют потом с помощью других машин. Здесь испытываются, а точнее сказать, притираются характеры людей. Машина не должна участвовать в игре.

— А ты разговорился, — обрадовался Кашкин. — В первый час ты не вымолвил и десяти слов.

— Просто я стараюсь обходиться без слов, без которых можно обойтись. Если слово не содержит информации, зачем оно? Слова служат для передачи мыслей.

— А разве любые слова, произносимые человеком, не содержат информацию?

— Вопрос — о чем?

— Мало ли о чем. О чем угодно. О чувствах человека, о его настроении.

— И даже о его характере, — усмехнулся Гордон. — Например, о болтливости, о растрепанности чувств. Такую информацию достаточно получить один раз. В дальнейшем она уже не нужна.

— Кроме необходимости обмениваться мыслями, у человека

бывает и потребность делиться чувствами! — простонал Кашкин.

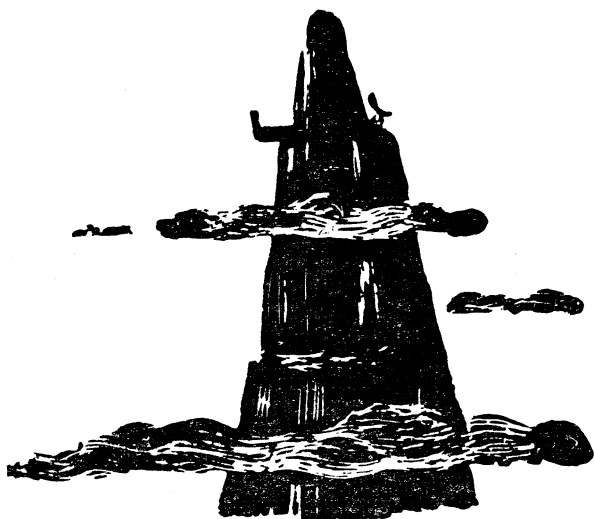
— Для этого слов нужно совсем немного. Одно-два. Остальные обычно не несут уже ничего нового.

— Но ведь человек не информационная машина! — воскликнул Кашкин. — Я говорю о чисто человеческих потребностях.

— Люди разные, — пожал плечами Гордон. — Одному нужно одно, другому — другое.

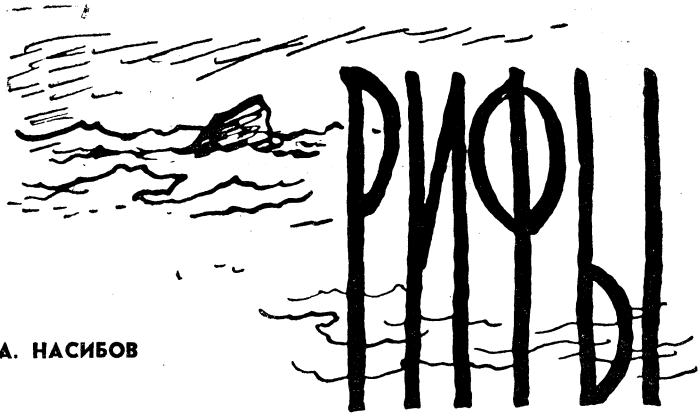
Начался первый спор.

«Ну, кажется, мне работы хватит», — мог бы подумать протоколист, если бы машина могла думать.

Рисунки В. НЕМУХИНА и
В. КОВЕНАЦКОГО

А. НАСИБОВ

Повесть

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Белое солнце стояло в зените. Белое, будто выгоревшее от зноя, небо простиралось над зеленым морем и серой лентой дороги, по которой мчался одинокий мотоциклист. И хотя скорость была велика, тугие струи встречного ветра не холодили, а жгли голову, шею, грудь водителя.

Машина взлетела на бугор. Здесь начинался крутой поворот. Джафар наклонился, точно вписал мотоцикл в вираж, и, вырвавшись на прямую, прибавил газу.

В следующую секунду газ был сброшен, нога прижала педаль тормоза. Впереди на правой обочине стоял легковой автомобиль. Возле него были двое. Один поднял руку.

Неуловимым движением Джафар подал машину в сторону, «притер» ее к багажнику «Волги». Левый передний баллон автомобиля был разодран. К нему тянулся черный извилистый след. «Волга», видимо, шла на большой скорости, баллон лопнул, однако молодчина шофер удержал автомобиль на дороге, даже поставил его за проезжей частью шоссе. Можно понять, чего это стоило: разлетелся-то передний баллон!

Печатается в сокращении.

Шофер, торопливо орудовавший домкратом у передка машины, поднял побагровевшее от напряжения лицо, оглядел мотоциклиста и вновь принялся за работу.

К Джафару подошел офицер милиции, коротким движением подбросил руку к козырьку фуражки.

— Капитан Белов! — Он коснулся пальцами крыла мотоцикла. — Друг, уступи машину. До города тебя подвезут. Через час встретимся в управлении — верну в целости!

У Джафара пересохло во рту. Отдать новенькую «Яву»!.. Полтора года копил деньги. В Москву ездил за машиной. И запросто отдать ее первому встречному! А он, может, и ездить толком не умеет...

— Вот так надо, друг! — Капитан провел ребром ладони по горлу. — Очень прошу!

— А если... вместе? — хрипло сказал Джафар.

Капитан сощурил глаза.

— Ладно!

И уселся на второе седло.

...Удивительная машина «Ява-350»! Кажется, только тронулась, а скорость уже под шестьдесят. Так и рвется из-под водителя, будто живая.

В московском магазине он долго терзался: какой мотоцикл брать? Собственно, решение созрело еще в Баку: куплена будет одноцилиндровая «Ява». Она дешевле, весит меньше, экономичнее в расходе горючего. Да и мотор у нее мощный — двенадцать сил!

И все же, оплатив чек, он вдруг оглядел длинную шеренгу нарядных мотоциклов, поставил на место отобранную машину, принялся что-то доказывать продавцу. Потом помчался в сберкассу, взял остаток денег по аккредитиву и вновь ворвался в магазин, когда там уже вешали табличку: «Закрывается на обед». Он купил мощную двухцилиндровую красавицу «Яву-350».

Стрелка спидометра приблизилась к цифре 70.

— Быстрее можешь? — капитан напряг голос, чтобы перебороть свист ветра.

Джафар повернул ручку газа. Мотор запел напряженнее, злее. Стрелка указателя скорости миновала 80-километровую отметку, медленно двинулась дальше.

Отличная подвеска у «Явы». Телескопические амортизаторы добросовестно гасят толчки. Но восемьдесят пять километров — это скорость, каждая выбоинка на дороге дает о себе знать. А ну напорется на гвоздь колесо «Явы», как баллон милицейской «Волги»!..

Впереди пылил большой самосвал. С каждой секундой он был все ближе.

— Обходи! — скомандовал капитан.

Мотоцикл с воем пронесся мимо дизельного чудовища.

И вдруг Джафар увидел, что дорога разбита. Секунду назад поврежденный участок шоссе был закрыт желтым крылом самосвала. Теперь выбоина находилась прямо перед колесом «Явы».

— Держись!

В последний миг Джафар рванул вверх руль машины.

Удар!

Мотоцикл сделал длинный прыжок, прыгнул снова, затем еще раз.

— Спокойнее! — капитан похлопал водителя по плечу.

Но Джафар был уже во власти гонки. На скорости девяносто километров они обошли два лесовоза, «Победу» и серебряный рефрижератор.

Впереди обозначился перекресток. По боковым шоссе к нему ползли автобусы. Два автобуса, с обеих сторон. Один уже готовился выехать на магистраль.

— Свет, — крикнул Белов, — включи свет!

Джафар мгновенно зажег фару, заработал переключателем. Ничего, что сейчас день и ярко светит солнце. Свет фары, пусть маленький, бледный, — свет все же заметен. Видно, что он мигает. Дежурящий у перекрестка инспектор должен понять, что мотоцикл просит дороги, должен остановить автобусы, чтобы предотвратить столкновение. Разыскивать лихачей, пронесшихся на бешеной скорости, он будет потом!..

Еще несколько километров, и мотоцикл влетел в город.

Последние минуты Джафар ехал медленнее, а разок умышленно тряхнул пассажира на ухабе. Он уже знал, что везет капитана милиции к центральному рынку. Значит, вся эта погоня — за каким-то спекулянтom. А он-то думал...

Рынок. От его ворот отъезжало такси. Соскочив с мотоцикла, капитан преградил путь «Волге».

— Кого привезли? — спросил он, наклонившись к водителю.

Шофер, пожилой человек с пышными усами, широко ухмыльнулся. Блеснули крепкие белые зубы.

Лицо у таксиста было морщинистое, дряблое. И два ряда ослепительно белых зубов!

«Вставные», — догадался Джафар.

— Кого привез? — переспросил водитель. — Конечно, пассажира, дорогой!

— Вы разговариваете с офицером, — строго сказал Белов. — Куда ушел пассажир?

Таксист неторопливо вылез из автомобиля, достал сигарету, не спеша положил в рот.

— Не знаю. — Он зажег сигарету, подержал в пальцах и только тогда закончил фразу: — Не знаю, где пассажир, товарищ капитан. Мое дело привезти клиента, получить деньги. Дальше — его дело. На рынок ушел.

— Документы! — Белов отобрал у водителя шоферское удостоверение и путевой лист. — Будете ждать здесь!

Он повернулся к Джафару, сделал ему знак побыть возле такси и побежал к воротам рынка.

Джафар едва сдерживал раздражение. Надо же, чтобы именно его остановила на дороге милиция! Гнали как сумасшедшие, едва не угробились на яме, и во имя чего?

Он подошел к лоточнице, торговавшей съестным, купил пирожок, стал жевать. Изредка он бросал косые взгляды на таксиста. Очень хотелось, чтобы тот попытался сбежать или,

на худой конец, порвал какую-нибудь бумагу, зашептался с прохожим... Было бы на чем отыграться!

Но шофер постоял у машины, зевнул и, усевшись в кабину, развернул газету. На приехавшего с офицером милиции мотоциклиста он и не посмотрел.

Итак, «зубастик» привез на базар спекулянта. Следивший за такси милицейский капитан начал погоню. Однако случилась авария, машину настигли только теперь, когда пассажир с «криминальным» грузом ускользнул. Все понятно. Не ясно только, при чем здесь шофер? Мало ли что положат в такси!

У автомобиля появился Белов, стал просматривать отобранные бумаги, сделал запись в блокноте.

— Кого, говорите, привезли?

— Пассажира, дорогой товарищ капитан. — Шофер явно подтрунивал над офицером. — Мужчину. Ну, что еще?

— А вы спокойнее... Где сел пассажир?

Таксист назвал селение, где взял пассажира.

Джафар быстро взглянул на Белова: они прибыли в город с противоположной стороны.

— Хорошо, так и запишем. — Капитан рассеянно посмотрел на водителя. — А что вез пассажир?

— Груз.

— В багажнике?

— Да, начальник. Но сейчас багажник пустой!

— Все же откройте.

Шофер в сердцах наклонился к багажнику. Неловкое движение, и он ушиб руку о клык бампера.

— А!.. — Таксист затряс кистью.

Джафар увидел широкое серебряное кольцо на безымянном пальце левой руки таксиста. Заметил украшение и Белов.

— Колечко носите...

— А что? — Таксист зло оскалил зубы. — Запрещено?

— Отчего же? Носите на здоровье!

Белов поднял крышку багажника. В нем были запасное колесо и замасленная брезентовая сумка с инструментом.

Джафар тоже заглянул в багажник. В лицо ударил густой рыбный дух.

— Какую рыбу везли? — спросил Белов.

— Мешки были. — Таксист захлопнул багажник. — Два мешка. Может, рыба. А может, раки. Сейчас много раков, начальник. Что кладут, то везу. Высадил пассажира, получил деньги — до свиданья!

— Ладно, — сказал Белов, возвращая документы, — можете ехать.

Шофер сел в машину. Такси лихо взяло с места.

Обернувшись к Джафару, Белов неожиданно улыбнулся.

— Здорово водишь мотоцикл. Гонщик?

— Хотел стать гонщиком. Прошел полный курс наук. Однако не вышло.

— Что же так?

— Другим делом заболел.

— Футбол? — Белов оглядел крепкую фигуру собеседника. —

Нет, скорее штанга. Или борьба?

Джафар покачал головой.

— Гороплюсь, капитан... Я, видишь, с вахты. Сутки в море пробыл. В другой раз поговорим. Садись, подвезу, куда надо.

«Ява» подкатила к подъезду городского отдела милиции. Белов написал в блокноте несколько слов, вырвал листок, протянул Джафару.

— Мой телефон. И фамилия, чтобы не забыл. Позвони, когда будешь свободен.

Они расстались.

Джафар поглядел вслед Белову. Невысокий, сухощавый, он бесшумно взбежал по ступеням крыльца, кивнул милиционеру у двери, исчез на лестнице.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отъехав от рынка, такси направилось в старую часть города. Небольшие обветшалые домики лепились здесь вдоль извилистых улочек, иной раз столь узких, что на них не разминулись бы два всадника. Над строениями нависала древняя стена со сторожевыми башнями, бойницами и зубцами. Так выглядела знаменитая Крепость, много веков назад положившая начало городу. В ней царили тишина и сумрак, от домов всегда тянуло сыростью и прохладой, и человека, впервые попавшего сюда, не оставляло ощущение неизвестности, тревоги. Казалось, в каждой подворотне подстерегает опасность...

Такси блуждало по Крепости. Водитель, опасавшийся преследования, старательно запутывал след. Наконец машина остановилась. Некоторое время шофер сосредоточенно курил, прикидывая, как быть дальше.

Вчера он угнал этот автомобиль с площадки технического обслуживания таксомоторного парка. Он знал: машина записана на профилактический ремонт, раньше завтрашнего вечера

ее не хватятся. Поэтому спокойно ездил по городу и окрестностям.

И вот неожиданная встреча с офицером милиции. Хорошо, если это обычная проверка, случайность. Тогда можно решить: еса еще на один дальний рейс, привезти на рынок остатки товара. Но вдруг милиция уже ухватилась за конец ниточки, начала распутывать клубок, готовится взять его с поличным?.. Нет, пожалуй, не стоит рисковать. Однако лишний рейс — это деньги, большие деньги.

Деньги! Он сплюнул, злобно выругался.. Сколько он помнит себя, всегда только и думал о деньгах, охотился за ними. Иной раз везло, он становился богат. Но деньги не задерживались в руках, быстро исчезали, и тогда охота возобновлялась...

Как же все-таки быть с машиной? Может, в самом деле рискнуть на рейс? Он с сомнением покачал головой, нагнулся и, пошарив под сиденьем, вытащил пучок пряжи — концов, как называют шоферы этот обтирочный материал.

В течение четверти часа он старательно орудовал концами в кабине, уничтожая возможные следы, которые, конечно, будет искать милиция, как только обнаружит похищенный автомобиль.

Закончив, он сунул концы в карман и, не оглядываясь, пошел прочь по пустынной улице.

Человек этот, специалист по кражам в пассажирских поездах, полгода назад был выпущен из заключения. Однако, оказавшись на свободе, он не совершил ни единой новой кражи (если не считать угона такси). Он целиком был поглощен поисками одного своего знакомого и больше всего на свете боялся, что не удержится, возьмется за старое, оплошает и «сгорит», прежде чем найдет этого человека.

Судьба столкнула их в колонии, где Солист (такова была кличка поездного вора, предпочитавшего работать в одиночку) был поставлен бригадиром на лесоповале. Началось с того, что одному из заключенных устроили «темную» — его накрыли одеялом и принялись избивать. Бригадир вовремя подоспел к месту происшествия, освободил пострадавшего. Им оказался некий Владислав Буров, бывший торговый работник, осужденный на сравнительно небольшой срок за какие-то махинации на продовольственном складе. Он горячо благодарил спасителя, пытался отдать ему часть посылки, только что полученной с воли. Солист подношение отверг, так как стремился окончательно покорить сердце Владислава Букова.

Мог ли думать Буров, что «темную» организовал ему сам бригадир! Однако так это и было. Неделю назад один из новичков, желая выслужиться перед бригадиром, сделал ему подарок — передал пачку хороших папирос. Дело происходило вскоре после ужина, неподалеку от барачков. Солист тут же закурил. Новичок стоял рядом и подобострастно улыбался. Вдруг он увидел проходившего в отдалении Букова, удивленно присвистнул. И тут же пояснил, что это крупный скупщик золота и драгоценных камней. Ловкач, каких свет не видал. А сел по пустяковому делу. Выкрутиться, правда, не смог, но сыграл со следовате-

лями в кошки-мышки: те так и не догадались о его второй и главной профессии!

— Откуда сведения? — спросил бригадир.

— Да мы с ним из одного города! — воскликнул новичок. — Сам у него золото брал. Я же зубной техник, и мне нужно золото.

Он приводил новые подробности из жизни преступника, сыпал именами, фактами. Солист слушал и... не верил. Однако решил все же прощупать этого человека.

Так родилась идея — провести избиение Бурова и последующее его спасение сердобольным бригадиром. Солист полагал, что это неплохое начало для знакомства.

Он не ошибся в расчетах: Буров клюнул на приманку. Да иначе и быть не могло. Бригадир — фигура видная. Человек, которому он покровительствует, приобретает большие преимущества. Он может быть поставлен на легкую и выгодную работу.

Торгового жулика освободили через год с небольшим. Солист по совпадению вышел на волю в тот же день.

На радостях крепко выпили в поезде. Солист решил использовать скупщика золота в своих целях.

Утром, когда бывший бригадир проснулся, приятеля в купе не оказалось. Буров исчез.

Он долго колесил по стране, разыскивая обманувшего его друга. След Бурова обнаружился в этом городе. Продолжая поиски, Солист на время изменил правилу — работать без партнеров, вошел в компанию браконьеров, сделался поставщиком икры на черный рынок. За полчаса до того, как его остановил и опросил капитан Белов, он привез и сдал спекулянтам около пятидесяти килограммов свежей осетровой икры. Махинации с красной рыбой и икрой оказались прибыльным занятием — они давали не меньше, чем кражи в поездах, и, кроме того, были намного безопаснее: до сих пор браконьерам все, кажется, удавалось благополучно. Вот только сегодня он едва не попал впросак...

Погруженный в раздумье, он медленно брел по улице. Бодрился, внушал себе, что не произошло ничего особенного. Но на сердце было тревожно, росло ощущение надвигающейся опасности. И Солист вновь вспомнил о скупщике. Только бы добраться до него, хоть одним пальчиком дотянуться!.. А потом, с большими деньгами — подальше отсюда, как можно подальше!..

Время близилось к обеду, но жара не спадала. Он медленно тащился по раскаленному асфальту. Неподалеку от набережной зашел в крытый брезентом павильон. Здесь всегда подавали ледяное пиво.

Вскоре официант поставил перед ним две запотевшие бутылки. Пиво было налито в стакан. Солист уже поднес его к губам, как вдруг рука задрожала, пиво расплескалось.

Он с трудом подавил яростное стремление перебежать зал и, подскочив к столу в углу, заглянуть в глаза худому высокому человеку, сидевшему там за стаканом чаю.

Это был Владислав Буров.
Несколько минут ушло на то, чтобы прийти в себя, успокоиться. Наконец Солист отдышался. Слава богу, встретились! Уж теперь-то скупщик не ускользнет, раскроет мошну. Бурова он выпотрошит так, как потрошат икряного осетра!
Он залпом проглотил стакан пива, налил себе еще, с наслаждением выпил и этот стакан.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Джафар стоял на корме катера, только что отвалившего от причала искусственного островка. Застывший посреди моря решетчатый остров чем-то напоминал водяного паука. Только вместо многочисленных ножек-ниточек у него были толстые стальные сваи. Помост, тело острова, высоко поднимался над водой, чтобы в шторм не достало самой большой волной. В центре помоста красовалась устремленная в небо огромная вышка. От ее верхушки и до моря было около шестидесяти метров. Так что, когда Джафар взбирался на полати — крохотную площадку под верхним срезом вышки, — он оказывался как бы на крыше здания этажей в двадцать.

Сегодня Джафар пробыл на полатах от зари и до обеда. Еще накануне мастер приказал сменить сработавшееся долото на конце бурильной колонны в забое скважины, к этому дню уже достигшему двухкилометровой отметки. Чтобы добраться

до долота, требовалось извлечь из скважины все трубы — «поднять инструмент», как говорят нефтяники.

Операция началась с наступлением рассвета. Загрохотала могучая лебедка, вытягивая первую «свечу» — длинную тяжелую трубу, из этих труб состоит колонна. Когда, наконец, стальная машина вылезла из устья скважины, вступил в дело механический ключ весом в тонну. Его на тросах подвели к скважине, отвинтили трубу, и лебедка потянула «свечу» вверх.

Джафар был уже наготове в своем вороньем гнезде. Вот верхний обрез «свечи» поравнялся с полатями. Рабочий ловко захлестнул ее веревкой, крепче уперся ногами в настил площадки и, подтянув перепачканную в жидкой глине многопудовую трубу, поставил ее «за палец» — специальный выступ в стене вышки.

А трос лебедочного кронблока уже тащил из недр новую «свечу».

В двухкилометровой бурильной колонне многие десятки «свечей», и подъем инструмента закончили только к полудню. Как гигантские макароны в пачке, выстроились «за пальцем» бурильные трубы. Негодное долото заменили новым. После короткого отдыха все пошло в обратном порядке: одна за другой «свечи» свинчивались в колонну и исчезали в скважине.

Бурение возобновилось. Где-то глубоко под морским дном зубастое долото грызло породы, прокладывая путь к нефтеносным пластам. Работу вела новая вахта. Сменившиеся направлялись в поселок.

Между тем катер быстро бежал к берегу. Стихал грохот бурильного агрегата. Островок уменьшался в размерах, будто уходил под воду. Вскоре можно было различить только вышку. Затем исчезла и она.

Джафар расположился на пустынном пляже, у самой кромки воды. Поселок, конторы промысла и морских разведчиков нефти, причал для катеров, автобаза — все это осталось в стороне. В море маячили свайные помосты с островерхими вышками. Иные скважины находились в работе, но большинство было пробурено. Нефть мчалась на берег по трубопроводам, проложенным на дне Каспия.

Одна вышка стояла на отлете, километрах в четырех от пляжа. Джафару хорошо были видны и сам островок и темные точки возле него — киржимы и катера. Суда заканчивали укладку нефтепровода. Буровая номер двадцать четыре... Геологи долго спорили, прежде чем дали разрешение пробурить скважину на новом участке: многие считали его бесперспективным. Из двадцать четвертой ударил мощный фонтан нефти!

Жарко!.. Джафар снял безрукавку, расправил плечи, с удовольствием оглядел море. Был один из немногих дней, когда на Каспии полный штиль. Неподвижная вода казалась синей только на горизонте, а возле берега она была серая и блестящая, будто полированный алюминий.

Каспий, или Хазар, как называют его азербайджанцы, — удивительное море. Здесь мирно соседствуют крабы и раки, в сетях рыбаков не редкость белуги с тонну весом, двухметровые осетры и крохотные бычки, огромные севрюги, сазаны.

Сейчас Каспий спокоен, ласков. А стоит вырваться из-за прибрежных гор знаменитому северному ветру, и море мгновенно вскипает, покрывается мелкими злыми волнами. Они быстро растут, дыбятся. И вот уже глыбы бело-зеленой воды обрушиваются на корабли, на устои стальных островов, на прибрежные скалы и рифы.

Лет пятнадцать назад погиб отец Джафара. Он был мастером буровой партии, прокладывавшей разведочную скважину на дальнем морском участке. Рабочее место бригады находилось в одиннадцати километрах от берега, в районе песчаной банки.

Добуривались последние сотни метров скважины, когда налетел шторм. Непогода нагрянула неожиданно, вопреки прогнозам синоптиков, и людей с буровой не успели снять. В море остались вахта и сам мастер.

В течение первых суток на далеком островке не было причин для беспокойства. Штормы — дело привычное, люди не раз попадали в такое положение.

Несмотря на непогоду, работа продолжалась. Свободные от вахты нефтяники отдыхали в домике на краю помоста — там было несколько коек, имелся запас воды, продовольствия, папирос, действовала электрическая плита.

К исходу вторых суток ветер достиг ураганной силы. Бригадир собрал нефтяников в домике, запретил выходить: по островку было опасно передвигаться, ветер мог подхватить неосторожного, сбросить с помоста.

А в море гуляли валы, каких не видел еще ни один нефтяник, — огромные, крутые, с лохмотьями желтой пузыристой пены.

«Волны давят на остров, ветер бьет вышку, — докладывал мастер по коротковолновой радиации, — вышка начинает раскачиваться».

Наступила ночь. Ветер не ослабевал.

На берегу собрались те, чьи мужья и братья находились далеко в бушующем море. Среди них была жена мастера с сыном — в ту пору Джафару едва исполнилось пять лет.

В конторе морского разведочного бурения в эту ночь никто не сомкнул глаз. Все работники собрались в радиорубке. Стояла мертвая тишина. Слышался только хриплый баритон в динамике. В эти критические минуты мастер сохранил выдержку, присутствие духа.

Ему было сообщено: наготове стоят корабли, они выйдут в море тотчас, как только появится возможность приблизиться к опасной банке. Но мастер знал: под напором урагана все сильнее раскачивается вышка, расшатывает весь остров — вот вот он рухнет...

Вскоре связь с островом оборвалась. Это был конец.

Мать увезла Джафара к своим родителям, в далекое селение. Она прокляла море, отнявшее мужа. Она сделала все, чтобы Джафар, когда подрастет, и думать не смел о Каспии.

Она умерла лет шесть назад. А спустя два года Джафар приехал сюда, окончил школу нефтяников и стал работать в той самой конторе, где когда-то трудился отец...

Вздыхнув, Джафар принялся за прерванную работу: проверил акваланг, осмотрел фотокамеру, бережно опустил ее в водонепроницаемый футляр. Он сам склеил эту коробку из органического стекла, придумал хитроумный запор: надвинешь крышку, повернешь рычаг, и в бак с фотоаппаратом не просочится ни капли влаги.

На воде уже покачивалась автомобильная камера с пришнурованным к ней круглым куском брезента. Акваланг и прочее снаряжение было уложено на брезент. Джафар надел ласты, оттолкнул плот от берега и поплыл за ним в море.

Уже неделя минула с того дня, когда случай свел его с капитаном Беловым. Ну, было и прошло. Казалось, давно бы следовало забыть о милицейской «Волге» с лопнувшим скатом и о бесплодной погоне за спекулянтом. Так нет, память все время возвращалась к этому происшествию.

Вот и сейчас в ушах звучал глуховатый баритон Белова: «Обязательно позвони».

Позвони!.. Всю эту неделю Джафар, что называется, дневал и ночевал в буровой. Там произошла серьезная неприятность: обвалились стенки скважины. На острове начался аврал. Никто из нефтяников не считал себя вправе съехать на берег. Сменившиеся с вахты наскоро ели и спешили к вышке, чтобы подсобить товарищам — на счету была каждая пара рук.

«Работать на морской буровой — не халву есть». Афоризм принадлежал соседу Джафара по комнате в общежитии старшине промыслового катера Фирузу.

Вспомнив эти слова, Джафар усмехнулся. Да, нелегкое ремесло, что и говорить. Во всяком случае, у охотников за спекулянтами жизнь спокойнее. С утра до пяти часов дня ловишь подонков, потом запираешь стол — и домой: обедать, газеты читать.

Он энергичнее заработал ластами. Скорее бы добраться до места. Не терпелось испробовать под водой цветную пленку. Джафар никогда еще не снимал на цвет пронизанное солнцем море, водоросли, сверкающих рыб...

И все же кого ловил капитан Белов? Мелкого спекулянта, по дешевке скупающего рыбу? И сколько лет этому Белову? Пожалуй, тридцать. А глаза у него упрямые. И рот упрямый: когда слушал ответы таксиста, губы сжал так, что побелели... А вообще-то парень как парень.

Джафар попытался представить: ровно в пять Белов запирает свой кабинет, едет домой, съедает обед и, стащив сапоги, с газетой в руках заваливается на клеенчатый диван...

Размышления были прерваны стуком мотора. Подлетел катер, отработал назад и закачался рядом. Загорелый до черноты здоровенный парень в полосатой тельняшке оставил штурвал, перегнувшись через борт, помахал Джафару рукой. Это был Фируз — сосед и приятель Джафара.

— Эй, — крикнул Фируз, — эй, парень, опять тебя понесло на рифы?

Вместо ответа Джафар шлепнул ладонью по воде и окатил катерника фонтаном брызг.

Мгновение, и Фируз прыгнул в море, ухватил Джафара за плечи, толкнул в глубину.

Они долго барахтались в теплой прозрачной воде, ныряли, утешали друг друга шлепками.

— Ты откуда шел? — спросил Джафар, когда, утомившись, они забрались в катер и улеглись на корме. — Не с двадцать четвертой?

— Оттуда, — Фируз поднял большой палец. — Полный порядок на буровой. Трубопровод уложили. Дали давление — держит. К вечеру пойдет нефть на берег. Думаю, тонн сто будет, не меньше.

Двадцать четвертую скважину пробурила бригада Джафара. На днях он уллучил час, съездил на эту буровую, посмотрел, как устанавливали фонтанную арматуру — сложную систему толстых труб и задвижек. Сейчас, когда подводная магистраль к двадцать четвертой проложена, задвижки откроют. Нефть из скважины хлынет на берег. Она будет бить через штуцер — стальную болванку с отверстием в горошину, бить с такой силой, что за сутки заполнит резервуар в сотню тонн.

Отдохнув, Джафар прыгнул за борт.

— Когда тебя ждать? — спросил Фируз.

— К вечеру.

Катер описал дугу и устремился к пристани.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рифы, множество рифов усеивают этот участок моря. Они начинаются в полутора километрах от берега и полукругом охватывают нефтепромысел. Некоторые камни загаились под самой поверхностью воды и обнажаются только в шторм, когда разведет большую волну. Иные выставили напоказ зазубренные вершины — цвета ржавого железа, с ядовито-зелеными пятнами водорослей по нижней кромке. Будто гнилые клыки неведомого чудовища...

Скальный архипелаг — гиблое место для кораблей. Рейсовые теплоходы, танкеры и катера нефтяников обходят его стороной. Не рискуют идти в скалы и маленькие кулазы рыболовов: не выбраться из каменного лабиринта, если задует ветер.

Поэтому на рифах безлюдно. Зато здесь тысячи птиц. Бакланы и чайки облюбовали скалы для гнездовий, охотятся, справляют свадьбы, выводят потомство.

У ближнего к берегу конца архипелага высится, будто страж, диковинный остров. Он образован двумя угтесами с глубоким седлом посредине и напоминает спину двугорбого верблюда. Есть на острове крохотный пляж, есть и бухточка — от моря ее ограждает скальный барьер, в бухте всегда тихо, как в лагунах коралловых островов. Рифовое ограждение маленькой бухты прерывается у восточной оконечности двугорбой скалы. Природа создала там неширокий проход, свободный от подводных камней.

Солнце стояло высоко, когда Джафар приблизился к приметному острову, втолкнул плот в полосу чистой воды, скользнул за ним в бухту. Он выбрался на берег, вытащил плот и бросился на горячий песок.

— Уф-ф!.. — послышалось где-то совсем рядом.

Из гладкой, как стекло, воды бухточки высунулась усатая голова тюленя. На Джафара уставилась пара любопытных глаз.

Несколько секунд зверь был неподвижен, затем фыркнул, опрокинулся на спину и исчез в глубине.

Джафар рассмеялся, с наслаждением зарылся руками в мелкий, как сахарная пудра, песок. Песок и скалы, соленая вода и сохнувшие на камнях клочья морской травы источали резкий волнующий аромат, от которого туманилось в голове.

Незаметно он задремал.

Скала отнесно уходила под воду. Где-то у самого дна она казалась неясной тенью. Здесь же, у поверхности моря, сверкала и искрилась, как отлакированная.

Возле скалы в прозрачной воде неподвижно лежал Джафар. Разбросав руки, он в упор разглядывал каменный выступ. Как и вся скала, выступ был густо облеплен мидиями. Створки раковин были раскрыты, в них виднелось розовое мясо моллюсков — мидии всасывают воду, пропускают ее через свои сифоны, добывая пищу и кислород.

Но море колеблется. Вот вода отхлынула, обнажив часть скалы с гроздьями мидий. И моллюски, как по команде, захлопнули свои известковые домики. Набежала волна — ракушки разом раскрылись.

За широким стеклом маски лицо Джафара сморщилось в улыбке. Жаль, что у него фотокамера, а не киноаппарат. Снимать маленьких хитрецов надо так, чтобы было видно, как они «работают».

Он отплыл от скалы, перегнулся в пояснице, бесшумно ушел под воду, повис над загромождавшими дно камнями. Впрочем, камни только угадывались — они были густо покрыты кустиками коричнево-рыжей водоросли. Здесь, в зарослях цистозир, всегда пасутся стаи рыбьей молоди, проплывают косяки взрослых рыб, нередко появляются «короли» Каспия — осетры. А на самом дне лежат на песчаных проплешинах головастые бычки.

Все это Джафар наблюдал много раз. Но сейчас море было пустынно. Ни в толще воды, ни на дне — ни единого живого существа. Странно!

Вынырнув, Джафар глотнул воздуха, снова спустился на дно

бухты. Перед глазами была та же картина: красивый подводный ландшафт — и ни одной рыбы.

Он оттолкнулся от плоского, как стол, камня, всплыл и, выбравшись из воды, стащил с лица маску.

Что же случилось с бухтой? Куда исчезла рыба? Может, распугали тюлени? Этих хищников много на рифах. Однако растревожившая ими рыба всегда возвращалась в знакомые места. А сейчас в бухте нет даже раков — больших серо-зеленых раков, которые в любую пору во множестве ползают в водорослях и между камнями. Подумать только, исчезли и раки!

Джафар надел акваланг, пристегнул пояс с ножом и вошел в воду.

Десять метров глубины. Дно бухты. Он лег на мягкие водоросли, пальцами осторожно раздвинул кустики цистозиры. Да, пусто. Повернувшись на бок, поглядел на поверхность. И там ничего живого. Впрочем, вот перед стеклом маски промелькнули крохотные светлые стрелки — табунок мальков. Ну да эти не в счет...

Метр за метром была исследована вся бухта. Джафар покинул ее, решив обогнуть под водой весь остров.

За рифами дно опускалось. Пловец оказался на склоне подводного холма, двинулся вниз по склону. Здесь уже царил сумрак. На водорослях и камнях проступила синева. И вода стала холоднее. Так бывает в поле перед дождем: только что ярко светило солнце, но вот его заслонила туча, все померкло, откуда-то потянул ветерок и холодит тело...

Он поднес к глазам руку с глубиномером. Стрелка показала двадцать метров.

Еще несколько движений ластами, и скальное дно сменилось песком. За стеклом маски поплыла унылая серая равнина. Ни веточки водорослей, ни единой рыбы.

Дальше дно обрывалось. И здесь Джафар вдруг увидел рака. Тот задом вылезал из провала, напрягался, дергал хвостом. Чувствовалось — тащит груз.

Вот рак выбрался на песок. В его клешне был зажат длинный белый лоскут. Поначалу показалось, что это обрывок ткани. Но нет, добычей рака было мясо.

Джафар заглянул в провал — и отпрянул. Из мрачной бездны торчало тело большого осетра.

Овладев собой, он шевельнул ластами, повис над провалом. Брюхо метровой рыбы было вспорото по всей длине, в разрезе копошились сотни бычков и раков.

В глубине, под осетром, виднелись неясные тени.

Джафар тяжело дышал. Инстинкт властно звал туда, где тепло, свет. Но он пересилил себя, осторожно, чтобы не задеть мертвую рыбу, спустился в провал.

Снова осетры!

Дно глубокой ямы устилал черный вал. На нем громоздились большие рыбы — обезглавленные, с вспоротыми животами. Их тоже облепили морские могильщики — бычки и раки.

Тишина. Сумрак. Мутная ледяная вода. И дюжина истерзанных мертвых тел. Будто утопленники...

Джафара стала бить дрожь. Он поспешно выбрался из ямы, всплыл, вылез на сушу.

Что за негодяи погубили осетров? Может быть, браконьеры: икру вынули, а рыбы туши побросали за борт, чтобы не осталось следов преступления? Но браконьеры прижимисты, алчны. Будут они швыряться центнерами осетрины!

Может, осетров выловили честные рыбаки, но поднялся шторм, судно попало в беду, и улов вернулся в море...

Он поморщился. Последние десять дней не было штормов. Да и весть о гибели любого судна мгновенно бы разнеслась по побережью.

Послышался рокот мотора. Джафар поднял голову, прислушался. Катер в этих местах? Откуда он взялся?..

Он стал карабкаться на утес.

Да, это был катер. В самой гуще скального архипелага плыла большая черная моторка с двумя подвесными двигателями.

«Фархад», — прочитал Джафар на ее транце.

— Вернитесь, — крикнул он, — эй, не ходите дальше!

Он продолжал кричать, но трое мужчин, сидевших на корме катера, не шелохнулись. Должно быть, не слышали.

Джафар взволнованно наблюдал за судном. Вот оно перед большим камнем. Еще миг, и катер врежется в скалу. Однако он обошел препятствие.

Теперь моторка бежала по участку, кишасшему подводными рифами. Но рулевой даже не сбавил скорости. Катер вилял, его корму заносило на поворотах, и рифы оставались в стороне. Казалось, они расступаются, чтобы дать дорогу смельчакам.

Джафар невольно залюбовался искусством рулевого. Это была работа высокого класса. Катерник знал рифы, как собственную квартиру.

Несколько минут, и моторка исчезла из глаз.

Джафар в раздумье спустился к бухте, присел возле воды. Спекулянт рыбой, которого преследовал капитан Белов, взял груз где-то здесь, на побережье. Близ поселка, в подводной яме островка скальной гряды лежат выпотрошенные осетры. Здесь же рыщет катер с двумя сильными подвесными моторами...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ранним утром к одинокому домику на северо-восточной окраине города подъехал милицкий автобус. Находившийся здесь постовой милиционер молча открыл калитку и пропустил во двор высадившуюся из машины оперативную группу.

Работники милиции прошли в дом, где произошло убийство. Белов задержался у входа, чтобы побеседовать с участковым уполномоченным — тот первый узнал о случившемся и раньше других прибыл на место происшествия.

Выяснилось, что дом этот частный и лишь месяца полтора назад переменял владельца. Новый хозяин был человек пенсионного возраста.

Участковый показал в угол двора. Там, возле стены, лежала на боку большая кавказская овчарка. Ее раскрытые глаза были неподвижны, из пасти вывалился синий язык.

— Отравили, — сказал участковый.

— Как вы узнали о происшествии?

— Из-за нее. — Милиционер показал на собаку. — Соседский мальчик встает на рассвете, выгоняет козу пастись на пригорок. И всякий раз, когда он проходил мимо этого дома, овчарка чуяла его, надрывалась в лае. А сегодня не подала голоса. Мальчику показалось это странным. Он взял камень, швырнул через стену. Оттуда ни звука. А тут я иду...

— Понятно, — перебил его Белов. — Что известно об убитом?

Оказалось, что в те дни, когда новый хозяин въезжал в дом, участковый получил санаторную путевку и уехал на лечение. Он вернулся из отпуска только позавчера...

Из дома вышел помощник Белова.

— Хозяин убит, собака отравлена, улик — кот заплакал, — сказал он.

— Установил причину преступления?

— Скорее всего ограбление. Впрочем, еще следует разобраться. — Помощник взглянул на участкового. — Убитого звали?..

— Щекин Василий Михайлович.

— Правильно. — Помощник полистал паспорт. — Правильно, Василий Щекин.

— Ладно, идемте в дом, — сказал Белов.

Он уже настроился на то, что увидит беспорядок, хаос — обычную картину помещения, в котором похозяйничали бандиты. И все же, открыв дверь, он ошеломленно остановился на пороге. Все здесь было искалечено, разбито — квадратный обеденный стол, второй стол поменьше, шкаф с одеждой и бельем, два чемодана в углу. У самого порога лежало на боку старинное плюшевое кресло: ободранные сиденье и спинка, торчащие во все стороны пружины...

А в глубине помещения стояла на высоких ножках никелированная кровать. На ней лежал убитый. Белов откинул простыню, которой было накрыто тело. Он сразу узнал покойника — фотография на паспорте была очень отчетливая.

На трупе имелось множество мелких ран — царапин, порезов, но ни одна из них не могла быть причиной смерти.

— Задушен, — сказал за спиной Белова судебный медик. Он показал на подушку, косо прислоненную у изголовья. — Вот этой... Отчетливо видны следы зубов.

Белов механически кивнул. Сейчас больше всего его интересовали порезы на груди и животе убитого. С минуту он соображал, потом обернулся к участковому.

— Он был связан?

— Да.

— Понятно, — кивнул Белов.

— Вроде бы пытали его, — сказал помощник. — Принуждали в чем-то признаться...

Белов осторожно обошел комнату, осмотрел разбросанные вещи. У опрокинутого гардероба валялась обувь — пара поношенных туфель, две пары еще не надеванных. Здесь же лежали новый костюм, шуба с дорогим каракулевым воротником.

— Вот и я удивляюсь, что не взяли их, — пробормотал помощник. — Вещи-то дорогие!

Белов рассеянно оглядел комнату. Что же искали убийцы? Может, документы?.. Взгляд следователя задержался на окрашенной зеленой краской стене. На ее гладкой поверхности проступали едва заметные пятна.

Он отошел к дальнему от окна концу комнаты, прижал щеку к стене, поглядел против света. Свет падал косо, на стене обозначились десятки маленьких впадинок.

— Стену выстукивали, — сказал Белов.

Один из офицеров, осматривавший книжную полку, вдруг достал нож, раздвинул лезвием слои листа фанеры и вытащил запрятанный там документ. Это был паспорт.

Оба паспорта — тот, что принадлежал Щекину, и второй — раскрыли и положили рядышком на столе. Фотография на них была одна и та же. Но владельцем второго паспорта значился Владислав Буров.

— Смотрите, покойный был в заключении, — сказал Белов, прочитав запись в документе. Он встал, передал паспорта помощнику. — Убежден, что липовый паспорт — тот, по которому покойный был прописан и жил в этом доме. Но все равно, надо проверить оба. Как можно быстрее!

Проверка паспортов отняла сутки. Белов оказался прав в своих предположениях. Попутно выяснилось, что, выйдя из заключения, Владислав Буров не совершил ничего предосудительного. Тогда возник новый вопрос: зачем ему потребовалось жить по фальшивому документу?

По требованию Белова домик на северо-восточной окраине города — его кровлю, стены, пол — тщательно исследовали специалисты. Пустот и тайных хранилищ найдено не было.

Шаг за шагом милиция прочесывала город и порт, но не могла напасть на след убийц. Убийц — потому что, по всей вероятности, преступников было трое: сторож продуктового магазина, расположенного в сотне метров от домика Бурова, видел в ту памятную ночь, как к дому приблизились трое неизвестных. Было темно, люди находились далеко, и он разглядел только силуэты. На рассвете трое каких-то людей прошли в обратную сторону...

Поиски продолжались. И каждую ночь двое оперативников скрытно пробирались в домик покойного и оставались там до рассвета: те, что выстукивали стены домика, могли вернуться...

Однако новостей не было. И когда со дня преступления истекла неделя, Белов решил отказаться от ночных засад в доме.

В этот день он много работал, лег поздно. А незадолго до рассвета его поднял с постели телефонный звонок. Говорил участковый уполномоченный. Совершая обход участка, он столкнулся у дома Бурова с тремя подозрительными. На приказ остановиться те ответили выстрелом и скрылись — наготове стояла машина.

Белов выехал на место.

При свете фонаря он увидел, что примыкавший к дому угол двора разрыт.

— Странно, — сказал участковый, — копали только здесь. Нигде больше не тронули.

— Где стояла собачья конура? — спросил Белов.

— Примерно на этом месте, в углу.

— Вот и разгадка. Преступники рассуждали так: если то, что они ищут, запрятано во дворе, то скорее всего закопано там, где определена на жительство свирепая собака. В том месте они и стали копать. Все, как видите, просто. Хуже другое. Мы пытаемся следить за ними, а они наблюдают за милицией... Итак, вы спугнули их, и они удрали, не закончив работы. Это правильно?

— Да, товарищ капитан.

— Но они и не могли ничего найти. Весь двор мы прошупали приборами. Весь двор...

Белов загнулся, будто пораженный внезапной мыслью. Наморщив лоб, нерешительно поглядел на окружавшую двор стену из дикого камня, придвинулся к ней. Вот он подошел к стене, коснулся ее пальцем, потом попытался качнуть руками глыбу серого ноздреватого камня. Глыба сидела прочно. Соседние тоже были намертво вцементированы в стену. Белов продолжал проверять камни. И вот одна из глыб неожиданно легко вывалилась из гнезда.

В стене образовался проем. Белов сунул туда руку — она ушла по локоть, по плечо, и только тогда глубоко внизу пальцы нащупали что-то тяжелое, мягкое...

Белов медленно вытянул руку с зажатым в пальцах длинным парусиновым мешочком. Его развязали. Он был доверху набит золотыми монетами.

Они стояли, растерянно глядя на лежащее в ногах сокровище.

Первым очнулся участковый.

— Там, может, еще есть, — хрипло проговорил он.

Белов вновь погрузил руку в тайник. Да, в стене был и второй мешок с золотом и третий...

Удача не приходит одна. Вечером был получен ответ на запрос в исправительно-трудовую колонию, где отбывал заключение

Владислав Буров. В присланном из колонии пакете оказалось несколько справок и фотографий. На одном из снимков Белов опознал человека, которого преследовал вместе с Джафаром.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

И снова мчалась «Ява» широкой дорогой, соединяющей поселок морских нефтяников с городом. Мотор пел свою песню, асфальтовая лента послушно ложилась под колеса мотоцикла.

У Джафара было отличное настроение. Вчера бригада закончила проходку скважины. Когда смолк грохот лебедки, нефтяники собрались у бурильного станка. Мастер, молодой инженер, извлек из кармана спечовки логарифмическую линейку, сделал подсчет.

— Сколько? — не выдержал Джафар.

— Плюс девять суток, — сказал мастер и озорно присвистнул.

Бурильщики свое дело сделали. Слово теперь за рабочими промысла. Если и они не промедлят с подготовкой скважины, все будет в порядке. «Плюс девять суток» — это эшелон «лишней» нефти для государства и, кроме того, большая экономия. А те, кто досрочно пробурил скважину, получают солидную премию.

Вот и двадцать четвертая скважина, от которой недавно проложен трубопровод к берегу, день ото дня добреет. Она дает уже нефти больше любой другой на промысле.

«Ява» чинно проехала перекресток, памятный по совместной гонке с Беловым. Джафар вежливо улыбнулся инспектору. И тотчас прибавил скорость. Следовало торопиться: где искать капитана Белова, если он опоздает и рабочий день в учреждениях будет закончен!..

В городе у здания милиции он смело поставил «Яву» между автомобилями с красной полоской по борту, вошел в телефонную будку, набрал номер.

...Они сидели рядышком, на диване. На письменном столе завонял телефон. Белов перегнулся через стол, взял трубку.

— Занят, — сказал он, выслушав невидимого собеседника. — Занят с товарищем. Позже зайдешь. А пока запиши. Моторная лодка с черным корпусом. На кормовом срезе полукруглая надпись «Фархад». Два подвесных мотора. Лодка замечена в море, близ поселка, который у тебя на примете. Выясни, где она зарегистрирована, место стоянки. Установи владельца. Все это срочно.

Белов положил трубку.

— Спасибо, что не поленился, приехал в город, — сказал он Джафару. — Вот и я вспоминал тебя. Сегодня как раз думал: «Надо бы навестить знаменитого гонщика».

— Кто же погубил осетров? — сказал Джафар, продолжая прерванный разговор. — Неужели браконьеры?

— Они!

— Ловят рыбу и снова ее в воду?

— Бывает и так. Мясо осетров — ценность, но не самая большая...

— Понимаю: икра! Но покупатель найдется и на мясо. Какой же дурак будет выбрасывать его в море?

— Одного такого ты видел. И это вовсе не дурак, а хитрый и опасный преступник.

— Таксист? — воскликнул Джафар.

— Он такой же таксист, как ты или я.

Джафар молча смотрел на собеседника.

— Ну что ж, слушай, — сказал Белов. — Все равно я хотел разыскать тебя. Ладно, слушай, Джафар. В тот раз, разговаривая с шофером такси, я почувствовал, что он лжет. Ехал-то он не из того селения, мы это точно знали.

— Я так и понял. Понял, что не веришь ему...

Белов кивнул. Он продолжал:

— Хотел было задержать водителя. Передумал. Решил, что полезнее понаблюдать за ним. Полагал — это не составит труда: фамилия, место работы, номер машины — все известно... Выяснилось, что в таксомоторных парках нет такого шофера.

— А машина?

— Нам заявили: она стоит, ждет очереди на профилактику... В общем машины в парке не оказалось. Накануне ее угнали. На этой базе такие порядки, что это проще простого. Конечно, я поднял тревогу. Через два часа машину нашли. Она была брошена.

— Опытный, гад, — сказал Джафар. — Понимал: уж если офицер милиции заинтересовался...

— Очень опытный, — подтвердил Белов. — Только подумай: ночью угнал машину, а наутро выехал на ней со всеми необходимыми документами. Я-то сам их проверял...

— Так и исчез?

— Как тебе сказать...

Белов вынул из стола большое фото. На снимке были изображены столкнувшиеся автомобили: грузовик врезался в заднее крыло «Волги».

— Здорово вмазал, — сказал Джафар, разглядывая искореженный багажник легкового автомобиля.

— Здорово... А теперь отгадай: что это лежит на дороге между задними колесами «Волги»?

Джафар долго разглядывал серую кучу, вывалившуюся из разбитого багажника машины.

— Икра, — сказал Белов. — Шестьдесят килограммов зернистой икры было в багажнике «Волги».

— Машина чья?

— Частная. Но это неважно. Ее тоже угнали, через двое суток после того, как выяснилась эта история с такси... И вот авария, водитель «Волги», который не виновен в столкновении, стремглав бежит к телефону, чтобы звонить в милицию... — Белов скривил губы. — До сих пор никак не дозвонится.

— Неужели «зубастик»? — сказал Джафар.

— Водителя «Волги» никто не запомнил. И все же это он. На такси, а потом и на разбитой «Волге» были обнаружены следы. Они принадлежат одному и тому же лицу. Кто этот человек, мы знаем. Ищем его... А время идет. Он, может быть, готовит новые преступления.

— Теперь понятно, зачем я понадобился.

— Да, мы с тобой хорошо запомнили его лицо, помним походку, жесты, голос...

— Кольцо на пальце левой руки.

— Ну, кольцо он, конечно, снял. Впрочем, всякое бывает... Мы можем рассчитывать на тебя?

— Конечно, но что я должен делать?

— Пока ничего. Я позвоню. Или приеду в поселок... Само собой, если ты вдруг где-нибудь увидишь его, обратись к любому работнику милиции. Назови мою фамилию, объясни... Меня знают.

— Понятно.

Белов проводил товарища.

У двери Джафар обернулся.

— А все-таки, почему выбросили осетров?

— Чудак человек! Когда позволяют обстоятельства, браконьеры реализуют и мясо красной рыбы. Но туши осетров громоздки. Их не всегда скрытно провезешь в город...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Где-то за скальным архипелагом клонилось к воде заходящее солнце — изжелта-красное, тусклое, будто остывающий слиток меди. Вскоре двугорбая скала заслонила солнечный шар. И тогда в столпившиеся над горизонтом кучевые облака ударили багровые стрелы.

Все, кто был в море, на буровых, прервали работу, с тревогой посмотрели на горизонт. Такой закат предвещал ветер...

Еще несколько минут облака полыхали в огне, затем сумрак лег на воду и землю. В густых синих тенях утонул поселок нефтяников — два ряда домиков с садами, вытянувшихся вдоль песчаного пляжа.

Поселок казался пустым. Обсаженная деревьями улица была безлюдна. В домах не зажгли огня. Так уж здесь заведено: привезут из города новый фильм, и в клубе собираются все жители. Сперва смотрят картину, потом молодежь танцует в фойе, а взрослые сидят вдоль стен и судачат.

Так было бы и сегодня. Однако в середине сеанса вдруг дали свет и на сцену вышел директор конторы бурения.

— Только что получена штормовая, — сказал он. — Ждем до восьми баллов.

Никаких дополнений не требовалось. За год на Каспии едва набирается пятьдесят тихих дней. В остальные штормит. Для нефтяников, чья жизнь проходит в море, непогода — дело привычное. Когда поступает штормовое предупреждение, каждый знает свои обязанности.

Некоторое время директор наблюдал, как группы зрителей покидают зал, потом тоже ушел.

Для тех, кто остался — дети, женщины, и старики, — сеанс возобновили.

В клубе механик крутил веселую комедию, а в поселковых домах нефтяники надевали брезентовые плащи с капюшонами и спешили на пристань.

Широкий деревянный помост пристани был залит светом прожекторов. На воде покачивались катера и киржимы. Ревели прогреваемые моторы. Люди в плащах привычно прыгали на палубу судов, отдавали швартовы. Суда отваливали и исчезали в темноте. Предстояло обойти островки с вышками, проверить действующие скважины, а с тех, что еще бурились, снять и привезти на берег людей.

К полуночи работа была завершена. Последним вернулся катер, доставивший Джафара и его товарищей: бригада только что начала проходку новой разведочной скважины.

Рабочие высадились, гурьбой двинулись в поселок.

Поселковая площадь была пустынна. В центре стоял столб с громкоговорителем. Дикторы заканчивали передачу ночного выпуска последних известий.

Джафар замедлил шаги, остановился возле столба. Несколько часов назад, когда далекий островок вел по радио очередной разговор с конторой бурения, мастер вдруг поманил Джафара, передал ему трубку.

Между директором конторы бурения и Джафаром состоялся следующий диалог.

— Мне сейчас звонил из города капитан Владимир Белов, — сказал директор. — Знаешь такого?

— Да, — ответил Джафар. Он плотнее прижал трубку к уху. — Слушаю вас!

— Так вот, Белов просил тебя связаться с ним по телефону, как только окажешься на берегу.

— Я ночью приду с моря...

— Ночью и позвони. Он очень просил.

И директор выключил связь.

Сейчас Джафар не знал, как поступить. До конторы бурения — добрых два километра. Тащиться туда, будоражить сонного дежурного... Да и не известно, на месте ли дежурный: вдруг запер помещение, ушел на пристань или еще куда-нибудь. Будешь тогда сидеть и ждать...

Вдруг он заметил освещенное окно. Поселковая почта! На почте был городской телефон, единственный на весь поселок. Только бы разрешили поговорить!..

Окно было распахнуто. В комнате сидел старик в сетке с непомерно широкими рукавами и ловко перебрасывал костяшки на счетах. Джафар легонько побарабанил пальцами по створке окна. Старик поднял голову, снял очки и, близоруко щурясь, поглядел в темный оконный проем.

— Здравствуй, Теймур-даи, — искательно сказал Джафар. — Опять все спят, а ты горишь на работе. Зачем огорчаешь любящих тебя жителей поселка?

— Здравствуй и ты, свет моих глаз, — последовал ответ. — Какой шайтан привел тебя к этой обители в столь поздний час?

В прошлом старик был учителем в медресе. Он не раз рассказывал, как однажды повздорил со своим духовным начальством. Дело дошло до драки, пастыри надавали друг другу пощечин. Инцидент можно было замять, но строптивый муэллим отказался принести извинения. Он оставил выгодную должность и сделался... актером в провинциальном театрике, где одинаково плохо играл владельцев гаремов и их наложниц: в ту далекую пору в азербайджанском театре все роли исполняли только мужчины.

Разные слухи ходили о дальнейшей деятельности Теймура-даи. На склоне лет судьба определила ему заведовать почтой в этом поселке. От былого остался вздорный характер отставного актера да любовь к витиеватым оборотам речи. Старик был с норовом, любил съязвить, подтрунить над ближним.

— Ну, — сказал Теймур-даи, отхлебнув кислого молока из полулитровой стеклянной банки, — ну, отвечай, высокочтимый Джафар, почему ты не спишь, когда сном объята и воды, и суша и спит даже Вели Тахмасиб, которому райком комсомола объявил вчера выговор с занесением в учетную карточку?

Вели Тахмасиб был заведующим поселковой баней и личным врагом Теймура-даи: в бане случались перебои с горячей водой, а старый почтарь так любил попариться... Сейчас нерадивому банщику влепили взыскание, и Теймур-даи торжествовал.

— Я только что с моря, — сказал Джафар, сдерживая улыбку. — Шел мимо — свет горит у тебя в конторе. Дай, думаю, погляжу, что подделывает старый труженик.

— И что ты узрел, о лучший из Джафаров? — в тон ему ответил заведующий почтой.

— Убедился, что, хвала аллаху, любимец поселка здоров и бодр. Теперь могу спокойно отправиться в общежитие... после того, как ты исполнишь мою просьбу.

— Ты все помянул имя аллаха, — сказал почтарь, прикрыв глаз. — А он возьмет да запретит мне пододвинуть к окну телефон, чтобы ты мог позвонить в город.

Джафар остолбенел.

— Подумать только, до какой я дошел жизни, — проворчал старик. — Среди ночи мне звонят, поднимают с постели. Кто этот Белов, по поручению которого я должен бежать в общежитие и выяснять, не вернулся ли с моря Джафар Набиев?

— Ты уже ходил туда?

— Два раза! — Старик запрокинул голову и вылил в рот остатки кислого молока из банки. — Кто такой этот Белов, что позволяет себе беспокоить старого почтенного человека?

— Мой товарищ...

— Вахсей! — Старик побагровел от негодования. — И вы не нашли другого времени для своей болтовни? Иди прочь! Завтра позвонишь.

— Это не болтовня, — быстро сказал Джафар. — Белов работает в милиции.

Старик, уже приготовившийся захлопнуть окно, задержал руку. Он надел очки, молча поглядел на Джафара. Потом поставил на подоконник телефон.

— Звони, — коротко сказал он, взял банку из-под кислого молока и направился в соседнюю комнату, служившую ему спальней.

Джафар набрал номер.

Белов снял трубку, как только прозвучал первый зуммер.

— Наконец-то, — с облегчением проговорил он. — Я уже думал, не успеем созвониться! Нас никто не слушает?

— Нет...

— Очень хорошо!.. Так вот, посудина, о которой ты рассказывал, принадлежит кому-то из компании нашего знакомца... Понял, кого я имею в виду?

— Да, да, Володя!

— Теперь она может называться по-иному: замажут одно имя, намалюют другое. Разумеешь? Хочу сообщить: вчера на рассвете она вышла в море. В ней трое, и среди них «зубастик», как ты его называешь. Впрочем, нас интересует вся компания — они друг друга стоят. Судно должно быть неподалеку от тех мест, где ты однажды его видел. По нашим сведениям, занимается... да, ты отлично знаешь, чем оно занимается! А возвращаться на берег будет завтра, вероятно, под вечер. Мы установили, где обычно происходит выгрузка добычи, готовим встречу. Но часто бывает: ждешь голубчиков в одном месте, а они вдруг объявляются в другом. Так и теперь: не исключено, что высадятся в твоём поселке.

— Полагаешь, у них могут найтись здесь помощники?

— Не хотелось бы думать, что так. Но всякое бывает... И вот я вспомнил о тебе, Джафар. Вдруг понадобится твоя помощь... Я знаю, завтра ты свободен. Как, не передумал?

— Мы же договорились!

— Ну, спасибо... Разумеется, наши люди будут и в поселке. У них есть фотографии «зубастика». Однако, когда имеешь дело с таким типом, на карточки полагаться нельзя. Джафар, только мы с тобой встречались с ним, видели...

— Я помню наш разговор!

— Хорошо. Слушай внимательно. Днем тебе надо быть в районе поселковой пристани. Весь день будь там, Джафар! Если понадобится, к тебе подойдут, назовут мою фамилию. Действуй тогда по указанию этих товарищей.

— А вдруг я сам увижу «зубастика»?

— Хочу надеяться, что увидишь. Поэтому гляди в оба. Те-

бя должно интересоваться каждое судно, возвращающееся с моря, его экипаж, пассажиры. Обнаружив этого типа, не приближайся к нему, наоборот, держись подалеже. Это очень опасный враг, он наверняка вооружен. Взятся за морской промысел, потому что жаден, алчен, а вообще-то занимается делами куда более серьезными... Поэтому, что бы ни случилось, сам ничего не предпринимай. А если заметишь его, подай знак. Скажем, вынь платок и вытри лицо. Три щеку и смотри в сторону этого человека. Тебя поймут... Все ясно?

— Ясно, Володя.

— Ну ладно. Мне сказали, будет ветер. Получена штормовая.

— Плохо.

Белов помолчал.

— Однако уже ничего не изменишь: они в море. Покойной ночи, Джафар!

— И тебе того же!

В телефоне раздался щелчок: Белов положил трубку.

Из соседней комнаты вышел Теймур-даи с банкой кислого молока.

— Поговорил?

— Да, спасибо. — Джафар постарался весело улыбнуться.

— О чем это вы болтали? — поинтересовался почтарь, усаживаясь за стол.

— Да, так... Приглашает к себе, хочет познакомить с девушкой. Говорит: очень красивая...

Теймур-даи поднял палец.

— Аллах знает, что ты его посланник, и аллах свидетельствует, что лицемеры — лжецы, — торжественно провозгласил он.

— Что это? — не понял Джафар.

— Сейчас ты слышал первый раздел шестьдесят третьей суры корана!.. А теперь иди в свое общежитие.

Ветер обрушился на поселок незадолго до рассвета.

В последние минуты перед ненастьем стояла сторожкая, напряженная тишина. Только с северных дальних нагорий доносился тоскливый плач ночных скитальцев — шакалов.

Но вот очнулось одинокое гранатовое дерево, дремавшее на поселковой окраине. Не было еще ветра — он только перевалил через горы и мчался к поселку, а гранат проснулся, его нежные листья затрепетали в тревоге.

Затем шорох прошел по кроне могучей чинары. В садах зашептались шершавые листья инжира.

И разом ударил ветер.

Пыльное облако поднялось над поселком, потянулось к белесому небу с прозрачным серпом молодого месяца. В гуле и свисте бури потонули голоса разбуженных непогодой людей, лай растревоженных псов.

А шторм, набирая силы, мчался через поселок к морю, вспенивал, мял воду, сотрясал островки с вышками.

Джафар проснулся, когда полностью рассвело. Дом подрагивал — казалось, по нему молотят огромные мягкие лапы.

Вспыхнул свет. Это Фируз включил лампу на своей тумбочке.

— Погляди, что делается! — воскликнул он. — Сто тысяч дивов вырвались на свободу!

Новый порыв ветра пронесся над домом. Застонали деревья в саду. Где-то со звоном лопнуло стекло.

— Погаси лампочку, — сказал Джафар.

— Есть погасить! — Фируз нажал кнопку выключателя, прыгнул с кровати и прошлепал к окну.

Отсюда, с мансарды единственного в поселке двухэтажного дома, были видны море, пристань с прильнувшими к ней судами, строения на берегу, часть пляжа.

— Хазар совсем побелел от злости, — сказал Фируз. И сокрушенно прибавил: — Как у бедняги Фируза свободный день, так обязательно шторм. Ты заметил?

— Заметил, — сказал Джафар. — Природа мстит. Как воскресенье, так ты на пляже, и всякий раз с новой знакомой.

Ухмыльнувшись, Фируз вышел на середину комнаты, расставил ноги, выгнул грудь.

Как-то он прочитал о «культуристах», тотчас купил гантели, резиновые тяжи, добыл двухпудовик. Он и без того был сильным, рослым парнем. А год усиленных тренировок довершил дело. Сейчас перед Джафаром стоял юноша с удивительно красивыми мускулами.

— Ну, — проговорил Фируз, демонстрируя, как на согнутой руке вспухает огромный бицепс, — ну, что скажешь?

— Такому туловищу да еще умную голову, — вздохнул Джафар.

Он повернулся к стене, пытаясь заснуть. Но сон упорно не приходил.

Снова ударил ветер, с воем промчался к морю. Наступило короткое затишье. И тогда с берега донесся встревоженный женский голос.

Фируз выглянул в окно.

— Замерщица Нора стоит у коллекторной. Размахивает руками, кричит... Ага, идет главный. Очень спешит. Старик, а как побежал!

Джафар тоже посмотрел в окно. У коллекторной собралось уже несколько человек. Что-то там случилось неладное.

— Одевайся, — бросил он.

Через минуту они были на берегу.

Замерщица в который раз рассказывала, что при очередном осмотре приборов обнаружила падение давления на «выкиде» двадцать четвертой скважины. За короткое время давление снизилось до нуля. Это означало, что скважина прекратила подачу нефти на берег.

Буровая находилась в четырех километрах от берега и в ясную погоду была видна отчетливо. Теперь же, когда море затянуло серой дымкой, с трудом просматривался даже конец пристани. Что произошло на маленьком решетчатом острове? Да мало ли что могло случиться! Песок и парафин, поднимающиеся из недр вместе с нефтью, нередко закупоривают ствол скважины. Бывает и так, что песок разъедает фонтанную арматуру на устье скважины, горючее вырывается на свободу, хлещет в море открытым фонтаном. Это особенно опасно: вылетит из скважины камень, ударит по стали — искра! —

и над островком вспыхивает гигантский факел нефтяного пожара...

Из расположенной на пристани радиорубки выбежал радист, устремился к инженеру.

Оказалось, что радист принял срочное сообщение. Штормующий далеко в море корабль обнаружил на воде много нефти. Гонимая ветром широкая нефтяная река движется от берега — по ветру, к югу. Пеленг показал, что горючее идет от поселка и расположенного неподалеку в море нефтепромысла. О своих наблюдениях моряки доложили береговому начальству. Оттуда послали уведомление в город. И вот запрос: что случилось на промысле?

Инженер закончил чтение радиограммы.

Фируз сказал:

— На моем катере новый сильный мотор.

Подошел заведующий промыслом, потянул в сторону инженера, стал шептаться с ним.

— Новый мотор поставили на мой катер, — громко сказал Фируз. — Очень сильный и надежный мотор. Куда хочешь, могу идти.

Руководители промысла на реплику не реагировали. Молчали и остальные. Да и что говорить? Все знали: на буровую идти нельзя. Уже при шести баллах промысловые суда должны стоять у причалов. Сейчас восемь баллов в море.

Фируз не сдавался. Ни к кому не обращаясь, как бы рассуждая вслух, он заявил, что двадцать четвертая обошлась государству в сотни тысяч рублей. А сколько людей трудились, чтобы пробурить скважину? Она стала лучшей на промысле, давала столько нефти в сутки. И вот теперь скважина может погибнуть. Странно, что некоторые люди боятся...

— За тебя, между прочим, боятся, — сказал заведующий промыслом.

— А мне не страшно, — крикнул Фируз. — Могу дать расписку: ответственность беру на себя!

— Иди ты со своей распиской, знаешь куда, — сказала за мерщица Нюра. — Тоже нашелся, Тарзан несчастный!

Все засмеялись. «Тарзан» — это было здорово сказано. Месяц назад в клубе состоялась лекция по истории кинематографа. Заезжий лектор сопровождал рассказ отрывками из фильмов. Фируз ахнул, когда на экране вдруг заметался обнаженный «владыка джунглей» — Тарзан. А наутро он в одних плавках ворвался в коллекторную, дико заорал, подхватил на руки Нюру, потащил к пристани. Нюра, конечно, в обиду себя не дала — вlepила шутнику звонкую оплеуху. Сейчас она припомнила Фирузу тот случай.

Радист обратился к главному инженеру:

— Павел Ильич, по прогнозу ветер после полудня будет садиться, а к вечеру стихнет.

Инженер оглядел линию гор на севере.

— Очень может быть, — сказал он. — Летом штормы короткие. Да вон, горизонт как будто светлеет. Думаю, сядет ветер.

— Тогда и пойдем в море, — решил заведующий. — Балла на три уймется, отправимся на двадцать четвертую.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Во втором часу дня от промысловой пристани ушло в море судно. Домогательства Фируза — послать на двадцать четвертую его катер — были отвергнуты. В трудный рейс назначили большой надежный киржим.

Смирившись, Фируз попросился идти на киржике матросом. Он доказывал, что умеет слесарничать, монтировать на устье скважины фонтанную арматуру. Кроме того, участвовал в прокладке трубопровода на двадцать четвертую — это тоже могло пригодиться.

Но его не взяли и матросом: во главе лучшей ремонтной бригады на буровую отправлялся сам заведующий.

Провожаемый десятками людей, киржим отвалил от причала и вскоре скрылся из глаз. Нефтяники собрались у дверей радиорубки, где главный инженер держал с киржимом прямую связь.

Заработал динамик радиостанции.

— Павел Ильич, — разнесся по пристани голос заведующего промыслом, — скважина не виновата. В полутора километрах от берега поврежден трубопровод. Серьезная авария. Море кипит: вулкан!

— Как же это случилось?

— Ума не приложу, что там произошло, под водой.

— Иди на буровую, закрывай задвижки на арматуре, — посоветовал инженер.

— Я так и решил. Буду выключать скважину. Вызывай водолазов, Павел Ильич! Здесь стихает, ветер падает. Скоро можно будет работать. На месте аварии оставляю буй.

Динамик умолк ненадолго.

Вскоре на пристани стало известно, что киржим приблизился к двадцать четвертой, но старшина не рискует швартоваться и высаживать людей. В открытом море волны бушуют всюду. Судно может разбить о стальные ноги острова.

Главный инженер тотчас отправил второе по величине судно — моторный баркас. Во время высадки людей баркас будет держаться близ островка, чтобы прийти на подмогу, если нефтяники окажутся в беде.

На пристани собралось все больше народу. Шторм шел на убыль, жители поселка готовились возобновить прерванную непогодой работу в море.

Появился и Теймур-дан. С минуту он стоял на берегу, всматриваясь в столпившихся у радиорубки людей, потом ступил на пристань. Вскоре он был возле Джафара.

— Глаза красные, — участливо сказал почтарь. — Ты, парень, совсем не спал?

— Какой, к черту, сон! — Джафар досадливо дернул плечом. — Посмотри, какая беда случилась...

Голоса на пристани стихли: снова заработал динамик.

— Подходим, — сообщил заведующий промыслом, — сейчас будем высаживаться. Павел Ильич, связался с водолазами?

— Никак не могу докричаться.

— Продолжай, пока не добьешься. Объясни: повреждение в районе, где труба проходит близ рифов. Ветер боковой, дует из-за камней. Поэтому у места аварии зыбь небольшая, вполне можно работать... Ну вот, баркас подошел, будем высаживаться!

— Счастливо! — крикнул главный инженер.

Переключив рацию, он стал вызывать водолазную базу.

Фируз обернулся к товарищу:

— Понял, где авария?

— У двугорбой скалы.

— Точно. До нее метров сто, я это место знаю.

— Совсем близко, — сказал Теймур-дан. — Почти рядом...

Он рассеянно обернулся. Позади стоял человек в тенниске навыпуск. Скользя по нему взглядом, почтарь повторил:

— Совсем рядом скала...

Между тем инженер установил, наконец, связь с водолазной базой. Несколько минут разговора, и он с досадой отодвинул микрофон передатчика. Все специальные суда были заняты на срочных работах в порту. Только завтра одно из них освободится и будет направлено к месту аварии.

— Завтра направят, — пробормотал инженер. — А им еще тащиться на своей лайбе семьдесят километров!..

Фируз просунул голову в дверь рубки.

— Павел Ильич, водолаз есть на месте. Водолазный катер тоже!

— Поменьше болтай, — сказал инженер.

— Он не болтает, — Джафар подошел к двери. — Если позволите, могу попробовать.

— Джафар Нагиев? — Инженер был озадачен. — У тебя есть м-м... водолазные принадлежности?

— Да, акваланг.

Человек в тенниске навыпуск приблизился, стал за спиной Джафара.

Теймур-дан, растолкав людей, вошел в рубку, сел рядом с инженером.

— Очень хорошо ныряет Джафар со своим аппаратом, —

сказал почтарь. — Я сам видел. И они видели. — Старик показал на собравшихся возле рубки нефтяников.

За дверью зашумели. В поселке многие знали об увлечении Джафара.

— А катер — мой! — Фируз заслонил спиной приятеля.

В динамике раздался голос старшины кирджима.

— Высадил бригаду, Павел Ильич, — весело доложил он. — Кранцы сорвал, разбил фальшборт, но заведующий и бригада — на двадцать четвертой! Разворачиваюсь и вместе с баркасом иду назад. Людей с острова буду снимать вечером, когда станет потише. Так приказал заведующий. Ты понял меня, Павел Ильич?

— Понял. Давай к берегу!

Инженер выключил радиостанцию и закурил — впервые за последние часы.

— Хорошо! — Фируз потер ладони. — Теперь наша очередь. Беги за аквалангом, Джафар.

— В море не пушу, — сказал инженер. — Рискованно.

— А высаживаться на двадцать четвертую было не рискованно?

— Это разные вещи... В общем без заведующего не решаю.

— А он в море, — воскликнул Фируз, — связи с ним нет. Вернется вечером!

— Будем ждать...

— Сутки теряем, — сказал Джафар. — Это полтораста тонн нефти, Павел Ильич!

— Тебя, Павел-киши, считали смелым человеком... — Теймур-даи укоризненно покачал головой. — Хочешь, сам с ними пойду на катере?

— Этого еще недоставало, — воскликнул инженер. — Да чтобы я пустил в море этакую старую песочницу!

Человек в тенниске взял Джафара за руку.

— Я от Белова, — шепнул он. — Лейтенант Сушков...

Джафар понимающе кивнул.

— Настаивай, — сказал Сушков, — нельзя терять столько нефти.

Показав на инженера, Джафар развел руками.

Почтарь продолжал спорить. Многие из тех, что собрались на пристани, поддерживали идею Фируза и Джафара, тоже вступили в разговор.

— Ну хорошо, — сказал инженер. — Допустим, нырнул Джафар, убедился, что нефтепровод лопнул. А что дальше?

— Может, не лопнула труба — дала трещину, — неуверенно проговорил Фируз. — Джафар обмотает ее брезентом, резиной, прикрутит проволокой. Это же временно, пока придут водолазы.

— Чепуха! — воскликнул инженер. — Сами же слышали: нефть бьет так, что море бурлит. Трещина? Как бы не так! Труба, конечно, лопнула. Что вы там будете делать со своим аквалангом?

Наступило молчание. Инженер был прав. В самом деле, как действовать на дне моря? Специалисты по подводным работам имеют особое оборудование, инструменты. Например, свароч-

ные аппараты, которыми легко обрезать негодный кусок трубы и наварить новый.

Помощник Белова потянул в сторону Джафара.

— А это не подойдет? — Он показал на толстый шланг, лежащий в куче бурового оборудования на грузовой площадке пристани.

Джафар оценил совет. Шланг, по которому в бурящуюся скважину закачивают глинистый раствор, достаточно прочен: слои корда перемежаются с прокладками из резины и брезента, и все это стянуто толстой стальной проволокой. Соединить таким шлангом концы лопнувшей трубы нефтепровода да как следует закрепить стыки — и все будет в порядке.

— Спасибо! — Джафар стиснул руку Сушкову.

— Вместе пойдем в море, — сказал тот.

— А... здесь как же?

— Останутся другие.

Видя, что Джафар колеблется, Сушков сказал:

— Так надо...

Катер стоял на якоре. Ветер почти совсем стих, однако по морю еще катились гряды больших пологих волн. И каждая, достигнув катера, швыряла его вверх. Катер задирает нос, дыбился, а в следующую секунду устремлялся с кручи в глубокий пенный провал.

— Невесомость, — кричал Фируз, когда судно падало с водяной горы, — как в ракете, а?

Сушков сидел на корме и молча улыбался. Это был жилистый загорелый человек лет тридцати. Он очень быстро получил разрешение отправиться к месту аварии нефтепровода: пошел вместе с Джафаром к инженеру, шепнул несколько слов, и тот согласился...

Недалеко от катера прыгал на волнах бело-красный буй. Возле него появилась голова Джафара в резиновой маске.

— Нашел? — крикнул Фируз.

Пловец отрицательно помахал рукой, снова нырнул.

Он погружался в четвертый раз, а все не мог отыскать трубопровод. Конечно, проще было бы вести поиск с аквалангом. Но запас сжатого воздуха в баллонах не безграничен. Здесь, на глубинах до пятнадцати метров, его хватит минут на сорок. Поэтому Джафар решил сперва понырять без акваланга, осмотреть повреждение и наметить план действий. А уж потом он наденет баллоны и приступит к ремонту трубы.

Но оказалось, что не так-то просто найти трубопровод. Шторм поднял со дна ил и песок. Под водой было видно всего на метр-полтора.

Вот Джафар снова всплыл, вырвал изо рта загубник дыхательной трубки.

— Заметь место, — донеслось до катера.

Фируз вскочил на ноги. Он провел мысленную линию от буйка к голове пловца и дальше — на берег. Линия уперлась в остроконечную вершину, торчавшую над цепью прибрежных гор.

— Есть пеленг!

Несколько взмахов руками, и Джафар оказался у борта ка-

тера. Его подняли, усадили на корме. Толстым рубчатым полотенцем Фируз докрасна растер товарищу плечи и грудь.

На листе бумаги Джафар набросал схему. Ровная линия, обозначающая дно, прерывалась зигзагом — глубокой выемкой. Затем над грунтом протянулась нитка нефтепровода. Карандаш довел его до выемки, сместил вниз и оборвал.

— Понятно, — сказал Фируз. — Большой разрыв?

— Около метра.

— Но как это получилось?

— Думаю, волны и штормовое течение вымыли грунт из-под части трубопровода. Труба потеряла опору, провисла. А дальше: удары волн, вибрация...

— Что будешь делать?

Джафар с благодарностью взглянул на Сушкова. Взяв карандаш, он нарисовал шланг и «надел» его на разорванную нитку нефтепровода.

— Надо, чтобы средняя часть шланга легла на дно впадины. Тогда шланг примет значительную часть нагрузки.

— Поглубже надвинь его на концы трубы, — сказал Фируз. — Надежнее будет.

Они оценивающе оглядели толстый шланг, широкими кольцами уложенный на дне катера.

— Думаю, хватит, — сказал Джафар. — В куске метров пятнадцать, если не больше. Переставь катер!

Фируз поднял якорь и, сообразуясь с ориентирами, перевел судно.

Все это время Сушков сидел на своем месте, у люка в кубрик, и курил сигарету. С момента отхода катера третий член экипажа не проронил ни слова.

Фируз, не посвященный в ночной телефонный разговор, был в недоумении. А Джафар думал только о предстоящей работе под водой.

Тяжелый грязевой шланг перевалили через борт и спустили на дно. В прочную веревочную рачню, где уже покоилась пудовая балластина, уложили листы резины, нарезанный кусками брезент, большой моток мягкой железной проволоки и две ножовки. На прочном тросе рачня отправилась под воду.

Джафар стал одеваться для работы на дне: натянул свитер, зашелкнул на талии пояс со свинцовыми пластинами, прицепил к поясу нож, кусачки и плоскогубцы. Фируз помог надеть акваланг, подал маску и дыхательную трубку.

— Свитер зачем? — вдруг спросил Сушков.

Фируз, отвертывавший вентили баллонов, вздрогнул от неожиданности.

Джафар объяснил: вода в свитере нагреется теплом пловца, защитит человека от прямого соприкосновения с «внешней» водой — более холодной.

Сушков кивнул и достал новую сигарету.

— Готовы вентили, — сказал Фируз.

Джафар сел на борт, свесил ноги в воду. Надевая маску, оглядел рифы — до них было рукой подать. Странно: над оконечностью двугорбой скалы, обращенной к открытому морю, как будто курился дымок.

— Фируз!

Катерник поднял голову.

— Ну-ка! — Джафар рукой показал на рифы.

— Что? — Фируз посмотрел. — Не вижу...

— Да ничего там нет, — сказал Сушков. — Так, дрожит воздух над скалами...

Дымка уже не было.

Еще несколько секунд Джафар медлил. Потом надвинул на глаза маску, сунул в рот загубник воздухопровода и боком свалился в воду.

Стоя на дне, Джафар ножовкой отпиливал заусеницы на изломе трубы: острые края лопнувшего нефтепровода очень быстро проткнули бы грязевой шланг.

Пилить сталь трудно даже в мастерской, когда обрабатываемая деталь зажата в тисках, действуешь обеими руками. Здесь же, под водой, это была адова работа.

Подумав, он сел на дно, ногой придавил пружинящую трубу. Дело пошло веселее.

— Бам-м!..

Резкий протяжный звук ударил по ушам. Это был сигнал. Каждые пять минут Фируз должен был опускать под воду длинный стальной стержень, бить им по валу винта, чтобы Джафар ориентировался во времени.

Итак, прозвучал первый сигнал, а убраны только две заусеницы. Всего их пять.

Пилить надо быстрее. Но спешка увеличит расход сжатого воздуха. Джафару же необходимо экономить содержимое баллонов, чтобы дольше пробыть под водой, успеть закончить ремонт трубопровода.

Выход один — дышать реже, подольше задерживать воздух в легких. Он понимал, что это опасно: в крови накапливается углекислота, отравляя организм. Однако надеялся, что обойдется.

Полотно ножовки со скрежетом врезалось в металл. Сверкающие опилки медленно опускались на дно. В белой от мути воде они казались царпинками на матовом стекле.

Работая, он пытался представить себе все то, что должно произойти в ближайшие часы. Преступники высаживаются на берег, из засады появляются офицеры милиции с пистолетами наготове, «зубастик» и его товарищи поднимают трясущиеся от страха руки... А потом из пиратской моторки выгружают икру, туши осетров.

И еще он думал о дымке над оконечностью двугорбой скалы. Фируз и этот... Сушков ничего не заметили. Но дымок все же был. Был и исчез... Люди на скале? Да нет, чепуха! До скалы совсем близко, он бы увидел людей, если... Если они не прячутся!

Мысль эта была столь неожиданна, что Джафар даже преврал работу.

«Вот как разыгралось воображение! — Он покрутил головой. — Перенервничал, мерещится всякая чертовщина...»

Скорее бы закончить, выйти наверх!

Пятая заусеница отвалилась и бесшумно упала на дно после того, как Фируз двойным ударом железного стержня предупредил, что миновало десять минут.

Джафар отбросил ненужную теперь ножовку, встал на ноги и, поднатужившись, надел на трубу конец тяжелого шланга. Потом он спланировал к другому концу лопнувшего нефтепровода и все повторил.

Получилось хорошо. Средняя часть толстой кишки смутно темнела на дне ложбины, а приподнятые края были метра на два надвинуты на концы нефтепровода.

Предстояло так укрепить стыки, чтобы отремонтированный участок выдержал давление горючего.

Снова просигналили с катера.

Джафар взял из рачни большой кусок брезента, обмотал им стык шланга и трубы, по всей длине обкрутил проволокой.

Теперь следовало наложить слой резины. Это оказалось труднее — толстый упругий лист скользил в пальцах, пружинил. Прошла уйма времени, прежде чем удалось намертво закрепить его проволокой.

Работа продолжалась. Навалившись всем телом на трубу, он обернул ее новым листом резины, потянулся за мотком проволоки в рачне, да так и застыл с протянутой к ней рукой. Большая веревочная рачня, загроможденная резиной и брезентом, рачня с тяжелой балластной на доньшке, медленно ползла по песку. Она уже пропахала метровую борозду!

В следующий миг заработал мотор катера.

Джафар рванул аварийный замок пояса, сбросил грузы и устремился к поверхности.

В тот момент, когда голова его появилась из-под воды, на нее обрушился удар. Джафар потерял сознание, стал погружаться.

Он медленно опускался ко дну. От рассеченного лба тянулась полоса рыжей мути. Сведенный судорогой рот все еще держал загубник воздухопровода.

Еще несколько секунд, и Джафар коснулся песка — сперва безвольно простертой рукой, потом всем туловищем.

Появился косяк кефалей, скользнул над неподвижным телом и растаял в белом тумане.

Второй косяк подплыл к лежащему. Внезапно шархнул и исчез. У человека шевельнулась рука. Пришли в движение ступни. Из-за затылка вырвалась гроздь пузырей воздуха...

Когда Джафар вновь появился на поверхности моря, катера не было.

Акваланг, только что спасший ему жизнь, стал помехой: под водой баллоны почти не весят, теперь же они давили на плечи, отнимали последние силы. Да и воздуха в них почти не осталось.

Джафар сбросил баллоны.

В голове пульсировала боль. Сознание работало вяло. Он был словно во сне, никак не мог собрать мысли. Только бы выдержаться, достичь скал, отдышаться!..

С каждым взмахом руки он приближался к цели. Вот она, двугорбая скала. До нее метры!

Вдруг он услышал звук мотора. Мотор работал где-то за скалой, совсем недалеко.

Звук нарастал. Из-за камней вырвался катер, сделал крутой поворот, умчался на рифы.

Джафар успел разглядеть людей на палубе. Катером управлял «таксист». Рядом стоял еще кто-то. А на корме расположился... Сушков!

Фируза на катере не было.

Волны били Джафара, грозили швырнуть на камни. Отчаянно работая ластами, он отплыл в сторону, улучил миг и скользнул в бухту.

Первое, что он увидел, была разбитая моторка. Ее носовая часть затонула. Из воды торчала корма «Фархада» с двумя подвесными моторами.

Джафар выбрался из воды, стал карабкаться на горб островка, едва не плача от боли в коленях, которые обдирал об острые выступы, от сознания своей беспомощности, от ярости, бешенства.

Наконец-то вершина острова.

Он сразу увидел петляющий между скалами катер.

А от берега, с противоположной стороны, к рифам спешил киржим.

Джафар вскинул руки над головой, закричал.

Его заметили. На киржиге завывла сирена. Судно прибавило скорость, стало огибать двугорбую скалу.

Вот оно зашло с подветренной стороны и застопорило машины. Раздались короткие частые гудки. Джафара вызывали на борт.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Фируз попытался пошевелить руками, ослабить веревки. Не получилось — связали крепко. И ноги стянуты так, что стали отекают.

Но если бы и удалось освободиться от веревок — что толку? Из тесного кубрика выбраться можно только ползком. Высунешь голову в люк — и попадешь к тем, что захватили катер.

Сколько их? Судя по голосам, трое...

Он стал перебирать в сознании все то, что произошло... Взял стержень, чтобы подать Джафару очередной сигнал, перегнулся через борт... Очнулся в кубрике связанный, когда на катере уже включили мотор. Катер прошел немного и встал. Тогда-то и раздались новые голоса: Сушков принимал пассажиров. Оказывается, те ждали на рифах.

А Джафар остался под водой... Впрочем, как только заработал мотор, он, конечно, всплыл. Наверное, плывет к поселку за помощью. Да и на берегу уже подняли тревогу: с пристани видно место, где стоял на якоре катер... Словом, в беде не оставят.

Он снова заворочался на дне кубрика. Удалось повернуться на бок. Теперь перед глазами был крохотный иллюминатор. За толстым стеклом мелькали скалы.

«В рифах рыщут, прячутся, — подумал Фируз. — Знают, что катер будут искать».

Кисти были стянуты за спиной. Он пошевелил ими, стал шагать по настилу, на котором лежал. Но под пальцами были только доски.

С трудом приподнял голову, осмотрел кубрик. Ничего подходящего. Надо же: лишь вчера произвел генеральную приборку, выбросил в море весь хлам. Осталось только зеркальце — вон оно болтается на гвозде под иллюминатором. Смотришь в него, горе-моряк, проворонивший свой катер!

А если разбить зеркало?.. Фируз вспотел от волнения. Он с опаской посмотрел на задвинутый люк, медленно поднял связанные ноги, коснулся ими потолка кубрика. Упираясь ступнями в потолок, повернулся. Теперь колени были возле иллюминатора. Еще усилие, и они надавили на зеркало. Стекло хрустнуло.

Долгие минуты ушли на то, чтобы вновь перевернуться на спину, нащупать пальцами острый осколок. Фируз воткнул его в щель в настиле кубрика и стал перепилывать веревку.

Между тем катер проскочил рифы и вырвался на чистую воду.

Солист уверенно вел судно. Он стоял у штурвала, жадно курил, поминутно оглядывался.

— Теперь куда пойдем? — спросил Сушков.

— К берегу. Катер затопим. Погляди, где у него пробка.

— Нельзя к берегу. Надо подальше уйти. Здесь у поселка угловка ждет. Я же сказал: накололи нас...

— Не брешь? — Солист выхватил пистолет, подбросил на ладони, сунул назад за пазуху. — Темнеть будешь — прикончу!

— Ты о другом думай, — сказал третий бандит, тощий человек в стеганке.

— Не лезь! — Солист обернулся к нему, оскалив зубы. Заросший, с всклокоченными волосами, в порванной грязной одежде, он был страшен.

Но человек в ватнике не испугался.

— Чего там «не лезь»? — он скривил губы. — Сам же виноват, а яришься... Какую тебе ксиву сготовили — права, пуховку, а ты завалился, как жлоб... А моторку я, что ли, угробил? Парня на берег кто посылал? Снова ты! Мол, плаваешь

хорошо, а мы еле гребем на воде. Чем тебе парень не угодил? Ты лодку хотел, он тебе катер пригнал... О деле думай — как концы замести, от уголовки оторваться...

Наступило молчание.

— Про уголовку — старик? — спросил Солист после паузы.

— Кто же еще! — ответил Сушков.

— Выкладывай, как было.

— Ну, приплыл на берег. Кругом темнота. Насилу нашел его хазу. Рассказал, как и что. Думал, базарить будет: «Фархад»-то на его денежки покупали...

— А он?

— Выслушав меня, всплеснул руками и стал благодарить своего аллаха, что так получилось. Дескать, оперативники нагрянули, обложили поселок. А он мечется на берегу, не знает, как нас предупредить, чтобы не приходили...

— Откуда знает старик про оперов?

— Подслушал! На почте по телефону с городом говорили. А у него там второй телефон, в другой комнате. Он и подслушал.

— Худое дело, — пробормотал главарь банды. Он показал на темневший далеко впереди мыс. — Вон там будем высаживаться... Ищите пробку, да поскорее!..

Человек в ватнике приложил козырьком руку к глазам, взгляделся в горизонт.

— На мысу будет сподручно, — сказал он. — Там и дорога недалеко.

— Они нас в поселке встречают, а мы — на шоссе, и концы в воду!

Преступники подняли доски настила, обнажив нижнюю часть шпангоутов и кильсон. Кингстона не было.

— Должно, в кубрике! — крикнул Солист. — А ну, лезьте туда!

Мыс был совсем близко. Следовало торопиться — брошенный у берега катер сразу укажет след. И Сушков приоткрыл люк кубрика.

Здесь все было в порядке. Связанный им человек лежал в той же позе. Он был неподвижен. Вероятно, все еще без сознания. Или смирился со своей участью.

Сушков влез в кубрик, стал шарить по настилу. Широкая медная пробка кингстона оказалась прямо под люком. Он тронул пробку. Та поддавалась.

В люк всунулась голова Солиста.

— Нашел?

— Порядок, — успокоил его Сушков.

— Отвинчивай и вылезай: подходим!

Сушков стал отвертывать пробку. Один поворот. Второй. Третий...

Он стоял на коленях, спиной к связанному.

А Фируз в эти секунды перерезал последнюю прядь одной из веревок. Кисти были в крови, пальцы ломило от боли, но он все водил и водил крепкий, как железо, смоленный трос по осколку стекла в щели настила.

Последний поворот пробки. Давлением воды ее вытолкнуло из кингстона. Невольно Сушков отпрянул.

В тот же миг сзади протянулась рука, схватила его за шею, рванула.

Бандит опрокинулся на настил. Фируз навалился на него, огромной ладонью зажал рот Сушкову.

— Убью, если крикнешь, — прошептал он.

У Фируза была свободна одна рука. Обхватив ею врага, он рвал другую из-под опутывавших ее веревок, извивался, пытаясь освободить ноги.

Между тем вода прибывала. Она почти совсем скрыла лежавшего на настиле преступника.

Наконец-то свободна и вторая рука! Фируз вцепился ею в горло бандита, но получил сильный удар ногой в живот и отлетел к переборке. И тут же на него бросился Сушков. Стиснув друг друга, они катались по настилу тесного кубрика, наносили удары — руками, коленями. Ноги Фируза все еще были связаны, и это давало противнику преимущество.

В кубрике шла борьба, а на палубе уже никого не было. Несколько минут назад катер обогнул мыс, направился к его основанию и, развернувшись кормой к берегу, высадил на мелководье двоих бандитов. Все больше погружаясь в воду, неуправляемое судно медленно поплыло дальше.

Катер намного опередил киржим: тяжелому судну с большой осадкой пришлось далеко обходить рифы, чтобы не напороться на подводные камни.

На носу киржима стояли Джафар и Белов. Первое время они видели в бинокль мелькавший среди скал катер, определили, что тот пересек скальный архипелаг. А затем преследуемое судно затерялось в волнах.

Наконец рифы остались позади. Справа, километрах в трех, был берег, далеко впереди обозначился мыс.

Подошел старшина киржима.

— Не видно их, — сказал он. — Может, к берегу подались?

— Хорошо, если так, — заметил Белов. — Там их ждут...

— Катер, — крикнул матрос, наблюдавший за морем с крыши рубки. — Вот он, огибает мыс!

Он оторвал бинокль от глаз, рукой показал направление.

Джафар навел бинокль на оконечность мыса. В окулярах возникла точка.

— Видишь его? — спросил Белов.

Джафар кивнул.

Старшина подал команду. Киржим на полной скорости понесся к мысу.

— Умные! — сказал старшина. — На мысу камыш как стена. Дивизию можно спрятать. А рядом автомобильная дорога.

— По дороге не пройдут, — заметил Белов. — Там все перекрыто. — Он тронул за плечо старшину. — А за мысом что? Есть еще удобные места для высадки?

— На пять километров тянется голый берег: песок и песок...

— Давайте к мысу. К самому основанию!

— Не подойду. — Старшина покачал головой. — Там очень мелко.

— Ну, сколько сможете! Я высажусь, а вы обойдете мыс — они, может быть, все же пошли дальше...

Старшина пошел в рубку.

Белов обернулся к товарищу. Бледный, с повязкой на голове, сквозь которую проступала кровь, Джафар стоял, наклонившись вперед, не спуская глаз с далекого катера.

— Не нервничай, — тихо проговорил Белов. — Сам подумай: на хвосте у них висим, побоятся тронуть Фируза...

— Я пойду с тобой!

— На ногах едва держишься! В больницу тебя надо, а не...

Белов не договорил. Киржим приблизился к мысу, стал поворачивать.

— Давай! — крикнул старшина, высунувшись из рубки.

Белов вынул пистолет, поднял его над головой и соскочил в воду.

Джафар неподвижно стоял на борту. Он видел, как Белов достиг берега, вошел в камыши. Стена серых стеблей качнулась, поглотив человека, выпрямилась и застыла.

Тогда Джафар бросился в море.

Камыши сомкнулись за спиной Белова, и сразу стало тихо и сумрачно. Пахнуло плесенью. Под ногами запружинила гнилая земля.

Он осторожно раздвигал заросли, шаг за шагом приближаясь к противоположной стороне мыса.

Впереди обозначился просвет. Это была поляна. На ней высилась куча высохшего камыша. Куча шевелилась!

Белов взвел курок пистолета. Раздался щелчок, слишком громкий для тишины камышового царства. Из вороха стеблей появилась морда зверя. Еще миг, и на поляну вышел шакал с добычей в зубах: из пасти почти до земли свешивалась птичья голова на длинной шее.

Зверь постоял, прислушиваясь, скользнул в заросли.

Белов смело перебежал поляну. Шакал — чуткий зверь. Он охотился — значит, вокруг спокойно.

Теперь было недалеко до берега. Десяток-другой шагов, и Белов вышел к воде. Он сразу увидел киржим. Судно разворачивалось к мысу. Это означало, что катера не обнаружили.

Однако, его не видно было и возле мыса. Куда же девался катер?

Белов побежал к основанию мыса. Возле берега плавали в тихой воде принесенные штормом бревна, холмики водорослей. А впереди, где заросший мыс переходил в низкий песчаный берег, на воде что-то чернело.

Тоже бревно или куча водорослей?

Но от этого предмета расходились круги. Он двигался! Двигался и медленно погружался!

Белов бежал, напрягая все силы.

Вдруг из камышей выскочил человек, вбежал в мелкую воду и, высоко поднимая колени, устремился к тонущему катеру. А тот уже был готов скрыться в глубине.

По белой повязке на голове Белов узнал Джафара.

На пути Белова оказалось нагромождение промазанных досок, водорослей. Пришлось войти в камыши, чтобы обогнуть препятствие.

Когда он вновь появился из зарослей, Джафар плыл назад, поддерживая на воде Фируза.

— Жив? — крикнул Белов.

Джафар не ответил.

Белов вбежал в воду, принял Фируза. Тот был без сознания.

— Откачивай, — тяжело дыша, проговорил Джафар. — Скорее!

И он снова поплыл к катеру.

Через несколько минут Джафар вынес на берег Сушкова.

Подошел киржим, отдал якорь. Все, кто был на борту, прыгнули в воду, поспешили на помощь.

Где-то на берегу грохнул выстрел.

— Беги, Володя! — крикнул Джафар.

Белов кинулся на звук выстрела.

За мысом начинался крутой каменистый холм. Вновь прозвучал выстрел — теперь уже на вершине холма, затем еще один.

Перескакивая с камня на камень, Белов карабкался по крутому откосу.

Первым, кого он обнаружил на холме, был Солист. Бандит лежал за обломком камня и, вытянув руку с пистолетом, готовился выстрелить. Другой рукой он опирался на камень: растопыренные толстые пальцы, широкое серебряное кольцо на одном из них.

Преследователя он не видел.

Белов подполз, рванул в сторону руку преступника с пистолетом. Грянул выстрел. Пуля ударила в камень, с воем умчалась в небо.

Он вложил в удар все то, что накопело на сердце за эти недели. Бандит опрокинулся на спину и потерял сознание.

Послышались голоса. Белов встал. Он увидел: у подножья холма милиционер ведет второго преступника; двое оперативников карабкаются по склону.

Белов подождал их, указал на лежащего и пошел назад, к мысу.

Фируз и его противник были там, где их вытащили из воды. Оба уже очнулись.

Джафар хлопотал возле друга, бинтовал обезображенные кисти Фируза, что-то говорил ему, улыбался...

Белов подсел, достал сигарету.

— Четвертого не упустите, — морщась от боли, сказал Фируз.

— Поселковый почтарь, — вставил Джафар. — Оказывается, он хозяин «Фархада»... Подслушал наш с тобой разговор!..

Помолчали. Потом Белов поднялся на ноги.

— Я подгоню машину. Отвезу вас в поселок.

Фируз покачал головой, поглядел на лагуну, где затонул катер.

— Быстрее же будет, — настаивал Белов. — Тебе к врачу надо!

— Куда он уйдет от своего катера? — сказал Джафар. Он тоже встал, тронул Белова за плечо. — Ты поезжай, Володя, не теряй времени...

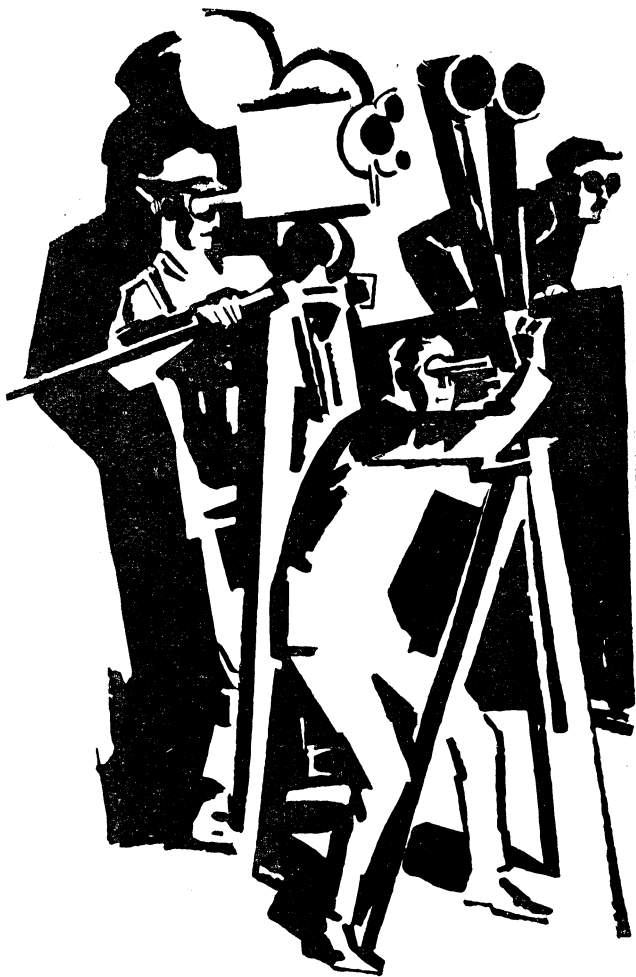

Рисунок Н. ГРИШИНА

Станислав ЛЕМ

Правда

Фантазия

Я сижу в закрытой комнате, сижу и пишу. Дверь комнаты без ручки, окно не открывается. Стекло в окне небьющееся. Я проверял. Не потому, что хотел убежать и не в приступе ярости, просто я хотел убедиться. Пишу я на деревянном ореховом столе. Бумаги у меня достаточно. Писать можно. Впрочем, никто этого не читает. Но я все равно пишу. Мне не хочется быть одному, а читать я не могу. Все, что мне дают для чтения, — неправда. Буквы начинают прыгать перед глазами, и я теряю терпение.

С тех пор как я узнал правду, меня все это не касается. Обо мне очень заботятся. Утром ванна, теплая или комнатной температуры, с тонким ароматом. Я открыл, чем отличаются друг от друга дни недели: во вторник и субботу вода пахнет лавандой, в остальные дни — хвоей. Потом завтрак и посещение врача. Один из молодых врачей (имени его я не помню — у меня все в порядке с памятью, просто теперь я стараюсь не запоминать несущественные вещи) интересовался моей историей. Я ему дважды рассказывал ее целиком, а он записывал на магнитофоне. Вероятно, вторая запись понадобилась ему для того, чтобы сравнить оба рассказа и таким образом установить, что остается в них неизменным. Я сказал ему об этом, так же как и о том, что подробности несущественны.

Я спросил, намерен ли он обработать мою историю в качестве так называемого клинического случая, чтобы обратиться на себя внимание медицинского мира. Он немного смутился. Может быть, это мне только показалось, как бы то ни было, с тех пор он перестал проявлять ко мне интерес.

Однако все это не имеет значения. То, к чему я пришел отчасти случайно, отчасти благодаря другим обстоятельствам, в некотором (тривиальном) смысле также не имеет значения.

Существует два рода фактов. Одни могут быть использованы практически, например, тот факт, что вода кипит при ста градусах и превращается в пар, подчиняющийся закону Бойля — Мариотта и Гей — Люссака; благодаря этому оказалось возможным построить паровую машину. Другие факты не имеют такого значения, ибо они относятся ко всему и от них никуда не денешься. Они не знают ни исключений, ни применений, и в этом смысле ни на что не годны. Иногда они могут иметь неприятные для кого-нибудь следствия.

Я солгал бы, утверждая, что доволен своим нынешним положением и что мне безразлично, какой диагноз записан в моей истории болезни. Но поскольку я знаю, что единственная моя болезнь — мое существование и что в результате этого, всегда однозначно кончающегося заболевания я установил правду, я испытываю чувство мелочного удовлетворения, как каждый, кто прав в споре с большинством. В моем случае спор со всем миром.

Я могу сказать так, потому что Маартенса и Ганимальди нет в живых. Правда, которую мы вместе узнали, убила их. Переведенные на язык большинства, эти слова означали только одно — произошел несчастный случай. Он действительно произошел, но гораздо раньше, несколько миллиардов лет назад, когда обрывки содранного с Солнца огня начали сворачиваться в шар. Это была агония, а все остальное, вместе с этими темными канадскими елями за окном, щебетанием медсестер и моей писаниной — все это только загробная жизнь. Знаете, чья? Действительно не знаете?

А ведь вы любите смотреть на огонь. Если не любите, то от рассудочности или упрямства. А вы попробуйте сесть у огня и отвернуться от него, и сразу же убедитесь, как он

притягивает. Всему, что происходит в пламени (а происходит там очень многое), мы не сумели бы даже найти названия. У нас есть для этого полтора десятка ничего не говорящих определений. Я тоже не имел об этом понятия, как и каждый из вас. И, несмотря на мое открытие, я не стал огнепоклонником, подобно тому, как материалисты не становятся, во всяком случае, не должны становиться, материепоклонниками.

Впрочем, огонь... Он только намек. Напоминание. Поэтому мне хочется смеяться, слыша, как добрая доктор Меррих иногда рассказывает кому-то постороннему (это, наверно, какой-нибудь врач, знакомящийся с нашим образцовым поведением), что тот человек, вон тот худой, который греется на солнце, — пиропараноик. Забавное слово, не правда ли? Пиропараноик. Это означает, что моя противоречащая реальности система имеет в основании огонь. Как будто я верю в «огненную жизнь» (слова милейшей доктора Меррих). Разумеется, в этом нет ни слова правды. Огонь, на который мы любим смотреть, живой не более, чем фотографии давно умерших дорогих нам людей. Можно изучать его всю жизнь, но так ничего и не понять. Действительность, как всегда, гораздо сложнее, но и менее жестока.

Написал я уже порядочно, а рассказать почти ничего не успел. Но это главным образом оттого, что у меня много времени. Я ведь знаю — стоит мне дойти до важных вещей, стоит рассказать о них до конца, и тогда меня действительно может охватить отчаяние. До того самого момента, когда я уничтожу эти записки и смогу приняться за новые. Я не пишу каждый раз совершенно одинаково. Я не грампластинная пластинка.

Мне хотелось бы, чтобы солнце заглянуло в комнату, но в это время года его визита можно ожидать только около четырех, да и то ненадолго. Хотелось бы понаблюдать его с помощью какого-нибудь большого, хорошего инструмента, например, того, который Хэмфри Филд установил на Маунт Вилсон четыре года назад, с полным комплектом поглотителей избыточной энергии, так что можно спокойно целыми часами вглядываться в рябое лицо нашего отца. Я неверно выразился — это не отец. Отец дает жизнь, а Солнце постепенно умирает, так же как и многие миллиарды других солнц.

Наверное, уже пора открыть вам и ту правду, которую я постиг благодаря случаю и пытливости. Я был тогда физиком. Специалистом по высоким температурам. Люди этой профессии занимаются огнем так же, как могильщик человеком. Втроем — Маартенс, Ганимальди и я — мы работали на большом боулдерском плазматроне. Прежде наука находилась на гораздо более низком уровне — пробирок, реторт, штативов, — и результаты были соответственно мельче. Мы брали с промежуточной накопительной шины энергию в миллиард ватт, загоняли ее в брюхо электромагнита, одна секция которого весила семьдесят тонн, а в фокусе магнитного поля помещали большую кварцевую трубу.

Электрический разряд шел через трубу, от одного элек-

трода к другому, а его мощность была такова, что сдирала с атомов электронные оболочки и оставалась только каша из раскаленных ядер, вырожденный ядерный газ, или плазма. Если бы не магнитное поле, она взорвалась бы в одну стомиллиардную долю секунды и превратила бы нас, защиту, кварц, электромагниты с их бетонным основанием, стены здания и его сверкающий издали купол в грибовидную тучу, и все это произошло бы гораздо быстрее, чем могла бы возникнуть мысль о возможности такой катастрофы.

Поле сжимало разряд, скручивало из него что-то вроде пульсирующего огненного шнура, тонкую нить, разбрызгивающую жесткое излучение, растянутую от электрода к электроду, вибрирующую внутри заключенной в кварц пустоты. Магнитное поле не позволяло обнаженным ядерным частицам (с температурой около миллиона градусов) приблизиться к стенкам трубы, оберегая нас и наш эксперимент. Но все это, рассказанное языком возвышенной популяризации, вы найдете в какой-нибудь книге, и я неумело повторяю это только для порядка, нужно же с чего-то начать, а считать началом этой истории дверь без ручки или полотняный мешок с очень длинными рукавами все-таки трудно. Честно говоря, здесь я перехватил, потому что таких мешков, таких рубашек уже не применяют. В них нет необходимости, коль скоро открыт один сильнодействующий успокаивающий препарат. Но не будем об этом.

Итак, мы изучали плазму, занимались проблемой плазмы, как полагалось физикам: теоретически, математически, священнодействуя возвышенно и таинственно, — по крайней мере в том смысле, что презрительно отвергали все претензии наших не разбиравшихся в науке нетерпеливых финансовых опекунов, которые требовали результатов, пригодных для конкретного применения. В то время было очень модно говорить о таких результатах или по крайней мере об их вероятности. В данном случае предполагалось создать спроектированный пока только на бумаге плазменный ракетный двигатель, кроме того, был очень нужен плазменный взрыватель для водородных бомб — тех самых «чистых», и даже требовалось теоретически рассчитать водородный реактор или термоядерный элемент, работающий на базе плазменного шнура. Одним словом, будущее, если не мира, то по меньшей мере его энергетики и транспорта, все видели в плазме. Плазма, как я уже говорил, была модной, заниматься ее изучением считалось признаком хорошего тона, а мы были молоды, хотели делать то, что важнее всего и что может принести известность, славу... А впрочем, кто знает...

Сведенные к первоначальным мотивам человеческие поступки становятся набором тривиальностей; благоразумие и чувство меры, а также утонченность анализа состоят в том, чтобы поперечное сечение и фиксация производились в месте максимальной сложности, а не истоков; ведь каждый знает, как мало привлекательны истоки даже Миссисипи, и каждый может их перепрыгнуть. Отсюда и полное пренебрежение к истокам. Но, по-моему, я устоял от темы.

И мы и сотни других плазменников, проводя свои исследования, в результате которых должны были осуществиться великие планы, через некоторое время столкнулись с рядом явлений, настолько же необъяснимых, насколько и неприятных. До определенной границы — границы средних температур (средних в космическом понимании, то есть таких, какие господствуют на поверхности звезд) — плазма вела себя спокойно и солидно. Если ее опутывали надлежащими узлами типа того же магнитного поля или применяли кое-какие изошренные фокусы, основанные на индукционном принципе, она позволяла впрягать себя в работу, и ее энергию, казалось бы, можно было использовать. Но это только казалось, потому что на поддержание плазменного шнура затрачивалось больше энергии, чем он отдавал; разница шла на излучение, ну и на возрастание энтропии. Но пока баланс не имел значения, так как из теории следовало, что при более высоких температурах затраты автоматически уменьшатся. И уже возник некий реальный прототип ракетного двигателя и даже генератор чрезвычайно жесткого гамма-излучения, но одновременно множество возложенных на нее надежд плазма обманула. Небольшой плазменный двигатель работал, а аналогичные устройства, спроектированные на большую мощность, взрывались либо выходили из повиновения. Выяснилось, что плазма в некотором диапазоне термического или электродинамического возбуждения ведет себя не так, как предсказывала теория; это всех возмутило, поскольку теория с математической точки зрения была необыкновенно изящной и совершенно новой.

Такие вещи время от времени случаются, больше того, они должны случаться. Поэтому, не смущаясь непокорностью явления, многочисленные теоретики, а среди них и наша тройка, принялись за изучение плазмы там, где она была наиболее строптивой.

Плазма — это сыграло во всей истории определенную роль — выглядит довольно привлекательно. Попросту говоря, она напоминает кусочек солнца, причем взятый скорее из центральных областей, а не из прохладной атмосферы. По яркости она не уступает солнцу и даже превосходит его. Она не имеет ничего общего ни с бледно-золотым танцем той вторичной, окончательной агонии, который мы наблюдаем, когда в камине дрова соединяются с кислородом, ни с бледно-лиловым свистящим конусом сопла горелки, где фтор реагирует с кислородом, чтобы дать наивысшую, достижимую химическим способом температуру, ни, наконец, с вольтовой дугой, изогнутым между кратерами двух углей пламенем, хотя при желании и достаточном терпении исследователь может отыскать области с температурой больше трех тысяч градусов. То же относится и к температурам, какие можно получить, если вогнать что-нибудь около миллиона ампер в не слишком толстый электрический проводник, который становится при этом довольно теплым облачком, либо в результате термического эффекта ударной волны при кумулятивном взрыве — все это плазма оставляет далеко позади. В сравнении с ней подобные реакции прихо-

дится признать холодными — вернее, прохладными, и мы не думаем так только потому, что случайно возникли из веществ уже совершенно застывших, омертвевших вблизи абсолютного нуля: наше бодрое существование отделяет от него едва триста градусов абсолютной шкалы Кельвина, в то время как вверх столб этой шкалы простирается на миллиарды градусов. Так что можно без всякого преувеличения говорить о самом горячем пламени, которое мы умеем разжигать в лабораториях, как о явлениях вечного теплового безмолвия.

Первые плазменные цветки, распустившиеся в лабораториях, тоже были не слишком горячими — двести тысяч градусов считались тогда температурой, заслуживающей уважения, а миллион был невиданным достижением. Однако математика, та примитивная и приближенная математика, которая возникла из знания явлений зоны холода, сулила осуществление вложенных в плазму надежд при значительном подъеме по температурной шкале; она требовала по-настоящему высоких температур, почти звездных: я имею в виду внутренность звезд. Должно быть, это необыкновенно интересные места, хотя человек, вероятно, еще не скоро сумеет там побывать.

Итак, нужны были температуры в миллионы градусов. К ним уже начали подбираться; мы тоже работали над этим, и вот что выяснилось.

По мере роста температуры скорость изменений, безразлично каких, увеличивается; при скромных возможностях нашего глаза, маленькой жидкой капельки, связанной с другой каплей больше — нашим мозгом, даже пламя обычной свечи оказывается областью совершенно незаметных, из-за их скорости, процессов, что же говорить о бешеной пляске плазменного огня! Пришлось использовать другие методы: плазменные разряды фотографировались, и мы тоже занимались этим. Наконец Маартенс с помощью нескольких знакомых оптиков и инженеров-механиков смастерил великолепную кинокамеру, снимавшую миллионы кадров в секунду. Ее конструкция, очень остроумная и свидетельствующая о нашем достойном похвалы усердии, не имеет значения. В общем мы испортили километры пленки, а в результате получили несколько сотен метров, заслуживающих внимания, и прокручивали их, уменьшив скорость в тысячу, а потом и в десять тысяч раз. Мы не заметили ничего особенного, кроме того, что определенного вида вспышки, поначалу воспринимавшиеся как элементарное явление, оказались сгустками, возникающими в результате взаимного наложения множества чрезвычайно быстрых процессов, но и с ними в конце концов удалось справиться с помощью нашей примитивной математики.

Чудо свалилось на нас только тогда, когда однажды, из-за не установленного до сих пор недосмотра или какой-то случайной причины, произошел взрыв. Собственно, это был не настоящий взрыв, тогда бы мы, конечно, погибли, просто плазма в апокалиптически короткую долю секунды разорвала сжимавшее ее со всех сторон невидимое магнитное поле

и разнесла толстостенную кварцевую трубу, в которую была заключена.

Вследствие удачного стечения обстоятельств камера, снимающая эксперимент, уцелела вместе с заряженной в нее пленкой. Сам взрыв длился точно три миллионные доли секунды, а потом еще некоторое время во все стороны разлетались капли жидкого стекла и металла. То, что за эти микросекунды оказалось заснятым на пленку, я буду поминать всю жизнь.

Перед самым взрывом на почти однородном до тех пор шнуре плазменного огня появились перемычки, словно на вибрирующей струне; затем он, распавшись на цепочку круглых зерен, перестал существовать как единое целое. Каждое из зерен росло и преобразовалось, границы этих капелек атомного огня расплылись, наружу высунулись отростки, из которых возникло следующее поколение капелек, потом все капельки собрались в центре и образовали приплюснутый шар, он как будто дышал, сжимаясь и разбухая, и одновременно выбрасывал во все стороны что-то вроде огненных, дрожащих на концах щупалец, потом, на этот раз и на снятых нами кадрах, произошел мгновенный распад, исчезновение всякой организации, виден был только ливень огненных брызг, полосующих экран, и, наконец, все утонуло в полном хаосе.

Я не преувеличу, если скажу, что эту пленку мы просмотрели раз сто. Потом — признаюсь, это была моя идея — мы пригласили к нам, не в лабораторию, а домой, к Ганимальди, одного известного и весьма уважаемого биолога. Ничего предварительного не объясняя нашему почтенному гостю, ни о чем его не предупредив, мы прокрутили в его присутствии среднюю часть удивительного фильма на нормальном аппарате. Правда, мы надели на аппарат темный фильтр, и то, что на пленке было пламенем, побледнело и стало выглядеть просто как объект, снятый в сильном падающем свете.

Профессор просмотрел наш фильм и, когда зажегся свет, выразил вежливо удивление тем, что мы, физики, занимаемся такими далекими от нас делами, как жизнь инфузорий. Я спросил его, уверен ли он, что видел действительно колонию инфузорий.

Я помню его улыбку, как будто все это произошло сегодня.

— Кадры были недостаточно резкими, — объяснил он, не переставая улыбаться, — и я, конечно, понимаю, что съемку вели не специалисты, но могу вас уверить, что это не артефакт...

— Что вы подразумеваете под артефактом? — спросил я.

— *Arte factum*, то есть нечто, созданное искусственно. Еще во времена Швамма забавлялись имитацией живых форм, пуская в оливковое масло капли хлороформа: такие капли двигаются подобно амебам, ползут по дну сосуда и даже делятся при изменении осмотического давления у полюсов, но это чисто внешнее, примитивное подобие, имеющее с жизнью столько же общего, сколько имеет вы-

ставленный в витрине манекен с человеком. Ведь решающим является внутреннее строение, микроструктура. В вашем фильме видно, хотя и не четко, как происходит деление этих одноклеточных. Я не могу определить вида и не поручился бы, что это не просто клетки животной ткани, длительное время выращивавшиеся на искусственной питательной среде и обработанные гиалуронидазой, чтобы их разъединить, расклетить; во всяком случае, это клетки — они имеют хромосомный аппарат, хотя и дефектный. Может быть, среда подвергалась воздействию какого-нибудь канцерогенного вещества?..

Мы не смотрели друг на друга. Старались не отвечать на все более многочисленные вопросы профессора. Ганимальди попросил, чтобы гость еще раз просмотрел пленку, но из этого ничего не вышло, не помню уж, по какой причине, возможно, профессор спешил, а может быть, подумал, что за нашей сдержанностью кроется какая-нибудь проделка. Я действительно не помню. Во всяком случае, мы остались одни, и только тогда, когда за приглашенным авторитетом захлопнулась дверь, переглянулись в полном ошеломлении.

— Послушайте, — сказал я, прежде чем кто-нибудь успел открыть рот, — я считаю, что мы должны пригласить другого специалиста и показать ему фильм целиком. Теперь, когда мы знаем, насколько высока ставка, нам нужен настоящий специалист — именно по одноклеточным.

Маартенс предложил кандидатуру одного из своих университетских приятелей, который жил неподалеку. Но его не оказалось дома, он вернулся только через неделю и пришел к нам на тщательно подготовленный сеанс. Ганимальди не решился сказать ему правды. Он просто показал ему весь фильм целиком, кроме начала, так как картина превращения, то место, где плазменный шнур распадался на отдельные, лихорадочно дрожащие капли, могла дать слишком много пищи для размышлений. Зато на этот раз мы показали конец, последнюю фазу существования плазменной амебы, которая разлеталась словно заряд взрывчатого вещества.

Этот, второй специалист, тоже биолог, был гораздо моложе первого, поэтому он держался не так самоуверенно и, кажется, лучше относился к Маартенсу.

— Это какие-то глубоководные амебы, — сказал он. — Их разорвало внутреннее давление в момент, когда наружное начало падать. Так же, как это происходит с глубоководными рыбами. Невозможно достать их живыми со дна океана — они всегда погибают, разорванные изнутри. Но откуда у вас такая пленка? Вы что, занимались подводными съемками?

Он смотрел на нас с растущим подозрением.

— Снято не резко, правда? — заметил Маартенс.

— Да, немного есть, но все равно очень любопытно. Кроме того, процесс деления проходит как-то ненормально. Я не очень хорошо разглядел очередность фаз. Прокрутите-ка еще раз, но помедленней...

Мы пустили аппарат на предельно низкой скорости, но это не помогло — молодой биолог остался недоволен.

— Нельзя ли еще медленнее?

— Нет.

— Почему же вы не делали ускоренной съемки?

У меня было огромное желание спросить его, разве он не считает пять миллионов кадров в секунду несколько ускоренной съемкой, но я вовремя прикусил язык. В конце концов дело было нештучным.

— Да, деление идет аномально, — сказал он, посмотрев фильм третий раз. — Кроме того, создается впечатление, что все это происходило в среде более густой, чем вода... И вдобавок в большинстве клеток второго поколения проявляются усиливающиеся дефекты развития, митоз какой-то запутанный... и зачем они сливаются вместе? Очень странно... А может быть, это делалось на материале простейших в радиоактивной среде? — спросил он вдруг.

Я понял, о чем он подумал. В то время часто говорили, что захоронение радиоактивных отходов, образующихся при работе ядерных реакторов путем затопления их в герметических контейнерах на океанском дне слишком рискованный способ и может привести к заражению морской воды.

Мы уверяли его, что он ошибается, что это не имеет ничего общего с радиоактивностью, но он, нахмурившись и рассматривая нас поочередно, задавал все больше и больше вопросов, на которые никто не хотел отвечать — мы заранее так договорились. Отделаться от него было нелегко. Речь шла о слишком странных и слишком значительных вещах, чтобы можно было довериться постороннему, даже приятелю Маартенса.

— Теперь, мои дорогие, мы должны серьезно подумать, как нам быть, — сказал Маартенс, когда мы остались одни после этой второй консультации.

— Твой биолог решил, что «амеб» разорвало из-за понижения давления, а в действительности это было резкое падение напряженности магнитного поля... — сказал я Маартенсу.

Молчавший до этого момента Ганимальди, как всегда, оказался наиболее рассудительным.

— Я думаю, — сказал он, — что мы должны проводить дальнейшие исследования.

Мы отдавали себе отчет в том, на какой идем риск. Было уже известно, что плазма, относительно спокойная и позволяющая укрощать себя при температурах до миллиона градусов, где-то выше этой границы переходит в неустойчивое состояние и кончает свое эфемерное существование взрывом, вроде того, что уже произошел в нашей лаборатории. Усиление магнитного поля приводило лишь к задержке взрыва, участь которую было почти невозможно. Большинство физиков считало, что значение некоторых параметров изменяется скачкообразно и что понадобится совершенно новая теория «горячего нуклеарного газа». Впрочем, гипотез, претендующих на объяснение феномена, появилось уже достаточно много.

Во всяком случае, не стоило даже думать об использовании горячей плазмы в двигателях ракет или в реакторах. Этот путь был признан ошибочным, ведущим в тупик. Исследователи, особенно те, кто интересовался конкретными результатами, вернулись к низким температурам. Такой более или менее представлялась ситуация, когда мы приступили к дальнейшим исследованиям.

При температуре выше миллиона градусов плазма превращалась в вещество, по сравнению с которым вагон нитроглицерина казался детской погремушкой. Но эта опасность не остановила бы нас. Мы были слишком заинтригованы сенсационностью открытия и готовы на все. Но мы, конечно, понимали, сколько впереди сложнейших препятствий. Дорога, проложенная математикой в глубь пышущей жаром плазмы, исчезала где-то около полутора миллионов градуссв. Дальше вычислениям верить было нельзя, из них следовала абсолютная ерунда.

Оставался, следовательно, старый метод проб и ошибок или экспериментирования вслепую, во всяком случае, на первых этапах. Но как защититься от неизбежных взрывов? Блоки железобетона, самые толстые стальные щиты, любые экраны — все это в качестве защиты от капельки разогретой до миллиона градусов материи стоило ровно столько же, сколько клочок папиросной бумаги.

— Вообразите себе, — сказал я Маартенсу и Ганимальди, — что где-то в космической пустоте, вблизи абсолютного нуля обитают существа, не похожие на нас, скажем, какие-нибудь металлические организмы, которые проводят различные эксперименты. И кроме всего прочего, им удается — сейчас неважно как, — достаточно того, что удастся, синтезировать живую белковую клетку. Одну амебу. Что с ней произойдет? Очевидно, едва возникнув, она немедленно распадется, взорвется, а остатки ее замерзнут — ведь в пустоте закипит и мгновенно превратится в пар содержащаяся в ней вода, теплота же белкового обмена тотчас же излучится в пространство. Только снимая созданную ими клетку киноаппаратом, подобным нашему, эти экспериментаторы смогут ее увидеть на какую-нибудь долю секунды... А для того чтобы поддержать ее существование, им пришлось бы создать для нее соответствующую среду...

— Ты действительно считаешь, что наша плазма породила «живую амэбу»? — спросил Ганимальди. — Что такое жизнь, созданная из огня?

— Что такое жизнь? — повторил я, почти как Понтий Пилат, когда он спрашивал «что такое правда?». — Я ничего не утверждаю. Одно, во всяком случае, неоспоримо: космическая пустота и космический холод гораздо более подходящие условия для существования амэбы, чем земные условия для существования плазмы. Есть только одна среда, где при температуре выше миллиона градусов она не погибла бы...

— Понимаю. Звезда. Внутри звезды, — сказал Ганимальди. — Ты хочешь создать ее в лаборатории, вокруг

трубки с плазмой? Конечно, нет ничего проще... Но для этого нам пришлось бы зажечь весь водород океанов...

— Это не обязательно. Попробуем сделать как-нибудь по-другому.

— Можно поступить иначе, — заметил Маартенс. — Взорвать заряд и в область взрыва ввести плазму...

— Это невозможно, ты сам об этом знаешь. Во-первых, никто не позволит тебе осуществить водородный взрыв, а если бы даже позволили, все равно нет никакого способа ввести плазму в очаг взрыва. Впрочем, эта область существует лишь до тех пор, пока извне вводятся свежие порции трития.

После этого разговора мы разошлись в отвратительном настроении, казалось, что дело обстоит безнадежно. Но потом снова начались бесконечные дискуссии, и, наконец, мы нашли кое-какие возможности, которые давали определенные шансы на успех, во всяком случае, какой-то неясный намек на него. Нам нужно было магнитное поле необыкновенно большой напряженности и звездная температура. Так мы надеялись получить «питательную среду» плазмы. Ее «естественную» среду. Мы решили осуществить эксперимент в поле обычной напряженности и увеличить ее мгновенным скачком десятикратно. Из расчетов следовало, что аппаратура, наше магнитное восьмисоттонное чудовище, разлетится, а уж обмотка-то перегорит в любом случае, но до этого в момент короткого замыкания мы получим нужное поле на две, а может, и на три стотысячные секунды. Учитывая скорость происходящих в плазме процессов, это был достаточно длительный отрезок времени. Весь проект имел явно криминальный характер, и, конечно, нам бы никто не позволил его реализовать. Но это нас мало беспокоило. Для нас имела значение только регистрация явлений, которые произойдут в момент замыкания и последующей детонации.

Если бы мы разрушили аппаратуру и не получили ни метра пленки, ни одного кадра, наши действия были бы простым актом уничтожения. К счастью, здание лаборатории находилось в полутора десятках миль от города, среди отлогих, поросших травой холмов. На вершине одного из них мы оборудовали себе наблюдательный пункт с кинокамерой, телеобъективами и всякими электронными игрушками, защищенный плитой очень прозрачного бронестекла. Потом мы сняли несколько пробных кадров, используя все более мощные телеобъективы, пока, наконец, не остановились на таком, который давал восьмидесятикратное приближение. Он имел очень маленькую светосилу, но поскольку плазма пылает ярче солнца, это было несущественно. В те дни мы работали скорее как заговорщики, чем как ученые. Мы пользовались тем, что были каникулы и никто, кроме нас, не появлялся в лаборатории. В нашем распоряжении оставалось около двух недель. За это время мы должны были успеть все. Мы понимали, что не обойдется без шума, а скорее всего без крупных неприятностей, придется же как-то объяснить катастрофу — мы даже придумали

несколько вариантов довольно солидно звучащих оправданий для подтверждения нашей мнимой невинности. Мы не знали, даст ли этот сумасшедший проект вообще какие-нибудь результаты, ясно было только, что вся лаборатория после взрыва перестанет существовать. Рассчитывать мы могли только на нее. Мы вынули рамы из той стены здания, которая смотрела на вершину холма; предстояло еще демонтировать и вынести наружу защитные экраны из зала электромагнита, так, чтобы источник плазмы хорошо просматривался с нашего наблюдательного пункта.

Мы сделали это 6 августа в семь двадцать утра, под безоблачным, залитым солнцем, знойным небом. В склоне холма, у самой вершины был выкопан глубокий окоп, из которого Маартенс с помощью маленького переносного пульта и кабелей, тянувшихся к зданию, управлял процессами, происходящими в лаборатории. Ганимальди занимался кинокамерой, а я стоял рядом с ним и, высунув голову над бруствером, сквозь бронестекло разглядывал в установленную на треноге стереотрубу темный квадрат вытаращившегося окна, ожидая того, что должно было произойти там, внутри.

— Минус двадцать один... минус двадцать... минус девятнадцать... — повторял монотонным голосом сидящий за моей спиной над путаницей кабелей и переключателей Маартенс.

Поле зрения стереотрубы заливала абсолютная чернота, в центре которой дрожала и лениво изгибалась ртутная жилка разогревающейся плазмы. Я не видел ни залитых солнцем холмов, ни травы, усыпанной белыми и желтыми цветами, ни августовского неба над куполом здания: стекла были тщательно зачернены. Когда плазменная жилка начала распухать в середине, я испугался, что она разорвет трубу раньше, чем Маартенс скачком усилит напряженность поля. Я уже открыл рот, чтобы крикнуть, но в этот самый момент Маартенс произнес:

— Нуль!

Нет, земля не всколыхнулась, мы не услышали грохота, только тьма, в которую я всматривался, непроглядная черная ночь посерела. Отверстие в стене лаборатории затянуло оранжевый туман, оно превратилось в квадратное солнце, в самом центре что-то ослепительно сверкнуло, потом все поглотил огненный вихрь; отверстие в стене увеличилось, выстрелило ветвистыми линиями трещин, плюющихся дымом и огнем, и с протяжным громом, залившим всю округу, купол осел в падающие стены. Больше в стереотрубу ничего нельзя было разглядеть, я отвел глаза от окуляров и увидел бьющий в небо столб дыма. Ганимальди что-то кричал, быстро шевеля губами, но гром еще гремел, перекатывался над нами, и я ничего не слышал, словно уши мои были заткнуты ватой. Маартенс вскочил с колен и втиснулся между нами, чтобы взглянуть вниз, — до сих пор он был занят за пультом. Грохот стих. И тут мы закричали, кажется, все сразу.

Туча, отброшенная силой взрыва, поднималась уже вы-

соко над развалинами, которые все медленнее рушились в облаке известковой пыли. Из клубов пыли вынырнуло ослепляющее продолговатое пламя, окруженное лучистым ореолом, — я бы сказал, второе солнце, но приплюснутое и удлиненное, похожее на червяка. С секунду червяк висел почти неподвижно над дымящимися руинами, сжимаясь и растягиваясь, потом спустился к земле. У меня в глазах уже плавали черные и красные круги, это пламя или это существо пылало, как солнце, но когда червяк опускался, я еще успел заметить, как, дымясь, мгновенно исчезает высокая трава на его пути, а он двигался к нам не то ползком, не то подпрыгивая, причем окружающий его ореол увеличивался, и он постепенно становился ядром огненного пузыря. Сквозь бронестекло рвался опаляющий жар, огненный червь исчез из глаз, но по дрожанию воздуха над склоном, по клубам пара и снопам трескучих искр, в которых превращались кусты, мы поняли, что он движется к вершине холма. Отталкивая друг друга во внезапном приступе паники, мы бросились бежать. Я мчался, чувствуя, как мои плечи, шею, спину обжигает невидимый огонь, казалось, он гнался за мной. Я не видел ни Маартенса, ни Ганимальди; я вслепую летел вперед, наконец, споткнулся о подвернувшийся бугорок и рухнул на дно какой-то ямы в еще мокрую от ночной росы траву. Задыхаясь, я изо всех сил жмурил веки и уткнулся лицом в траву, но, несмотря на это, передо мной вдруг вспыхнул яркий красноватый свет, как бывает, если солнце светит прямо в закрытые глаза. Но, честно говоря, я не совсем в этом уверен.

Тут в моей памяти появляется провал. Понятия не имею, долго ли я так провалился. Я очнулся с таким ощущением, как будто просто спал. Я по-прежнему лежал, уткнувшись лицом в высокую траву. Когда я пошевелился, шею и плечи пронзила страшная боль; довольно долго я не осмеливался даже поднять голову. Наконец я заставил себя сделать это. Я находился на дне котловины, окруженной низкими буграми; вокруг мягко волновалась под ветром трава, на ней поблескивали последние капли росы, быстро испарявшиеся на солнце. Его тепло досаждало мне, я понял это, лишь осторожно коснувшись шеи и почувствовав под пальцами большие пузыри от ожогов. Тогда я встал и, оглядевшись, отыскал холм, на котором находился наш наблюдательный пункт. Довольно долго я не мог решиться, я боялся идти туда. Перед глазами у меня все еще стояли кошмарные судороги этого солнечного червя.

— Маартенс! — крикнул я. — Ганимальди!!!

Машинально я взглянул на часы: было пять минут девятого. Я приложил часы к уху — они шли. Взрыв произошел в семь двадцать, все остальное длилось, может быть, с полминуты; почти три четверти часа я лежал без сознания.

Я пошел вверх по склону. В каких-нибудь тридцати метрах от вершины холма я наткнулся на первые проплешины выгоревшей земли. Они были покрыты синеватым, уже почти остывшим пеплом, совсем как след разведенного кем-то костра, но это был очень странный двигающийся костер.

От этого обгоревшего места тянулась волнистая полоса выжженной земли шириной метра в полтора, по обе стороны от нее трава обуглилась, а дальше только пожелтела и увяла. Эта полоса кончалась за следующим кольцом спальной земли. Рядом лицом вниз, подтянув одно колено почти под самую грудь, лежал человек. Еще не притронувшись к нему, я знал, что он мертв. Казавшаяся целой одежда стала серебристо-серой; его шея была того же невероятного цвета, и, когда я наклонился над ним, он начал рассыпаться от моего дыхания.

Я отскочил, вскрикнув от ужаса, но передо мной была уже искореженная пепельно-черная фигура, лишь отдаленно напоминающая человеческое тело. Я не знал, Маартенс это или Ганимальди, и у меня не хватало смелости дотронуться до него, я догадывался, что у него уже нет лица. Я бросился большими скачками на вершину, но уже не звал друзей. Снова наткнулся на огненный след, извилистую обуглившуюся черную тропку, местами расширяющуюся до нескольких метров.

Я приготовился увидеть второй труп, но не нашел его. Спустился с вершины туда, где был наш окоп; от бронестекла осталась растекшаяся по склону тонкая пленка, похожая на застывшую лужицу. Все остальное — приборы, кинокамеры, пульт, оптика — перестало существовать, а сам окоп развалился, как будто сверху его придавило что-то очень тяжелое, и только кусочки расплавленного металла поблескивали среди камней. Я посмотрел в сторону лаборатории. Она выглядела словно после взрыва мощной авиабомбы. Между обломками стен плясали едва заметные на солнце языки догорающего пожара. Я почти не видел всего этого, стараясь припомнить, в какую сторону побежали мои товарищи, когда мы все вместе выскочили из окопа. Маартенс был слева от меня, значит это, вероятно, его тело я нашел, а Ганимальди?..

Я начал искать его следы — напрасно, за пределами выгоревшей площадки трава уже поднялась. Я метался по холму, пока, наконец, не наткнулся на другую выжженную полосу, начал спускаться по ней, как по тропинке, под ногами поскрипывал пепел... и замер. Пепелище расширялось; мертвая трава окружала неправильной формы площадку размером не больше двух метров. С одной стороны площадка была узкой, с другой — раздваивалась... Она напоминала деформированный расплющенный крест, покрытый довольно толстым слоем черноватого пепла, словно тут долго горела упавшая навзничь деревянная фигура с раскинутыми руками... Но, возможно, это мне только почудилось. Не знаю.

Уже некоторое время мне казалось, что я слышу далекий протяжный вой, но я не обращал на это внимания. Потом донеслись человеческие голоса, но и они меня не интересовали. Вдруг я увидел маленькие фигурки людей, бегущих ко мне; в первый момент я припал к земле, как будто хотел спрятаться, даже отполз от пепелища и прыгнул в сторону. Когда я бежал по другому склону, люди снова вне-

запно появились, они обходили меня с двух сторон. Я почувствовал, что ноги отказываются слушаться, впрочем, мне было все равно.

Я, собственно, не знал, зачем убегаю, если это было бегство. Я сел на траву, а они окружили меня, один наклонился надо мной, что-то говорил, я сказал, чтобы он отвязался от меня, что нужно искать Ганимальди, что со мной ничего не случилось. Они хотели меня поднять, я начал отбиваться, тогда кто-то схватил меня за плечо. Я вскрикнул от боли. Потом почувствовал укол и потерял сознание. Очнулся я в больнице.

Я все отлично помнил. Только не знал, сколько времени прошло с момента катастрофы. Я был забинтован с головой, ожоги давали о себе знать болью, усиливающейся при каждом движении, и я старался лежать как можно спокойнее. Впрочем, все эти мои больничные переживания, трансплантации кожи, которые мне делали целый месяц, не имеют значения, так же как и то, что произошло потом. Да ничего другого и не могло произойти. Лишь через много недель я прочитал в газетах официальную версию катастрофы. Объяснение нашлось простое, собственно говоря, оно само напрашивалось. Лабораторию разрушил взрыв плазмы; трое людей, охваченные огнем, пытались спастись; один из них, Ганимальди, погиб в здании, под обломками, Маартенс умер, добежав до вершины холма в пылающей одежде, а я вышел из катастрофы обожженный, в состоянии тяжелого шока. На выгоревшие полосы травы вообще не обратили внимания, так как прежде всего занимались развалинами лаборатории. Правда, кто-то утверждал, что трава загорелась от пылающего Маартенса, который катался по ней, пытаясь сбить огонь. И так далее.

Я считал своим долгом рассказать правду, не считаясь с последствиями, теперь уже хотя бы из-за Маартенса и Ганимальди. Мне очень осторожно дали понять, что моя версия событий является результатом шока, так называемой остаточной галлюцинацией. Я еще был немногим не в себе: начал бурно протестовать — мое возбуждение сочли симптомом, подтверждающим диагноз. Примерно неделю спустя со мной беседовали снова.

На этот раз я старался говорить как можно спокойнее, рассказал о нашем первом фильме, который находился в квартире Маартенса; однако поиски не дали результата. Я догадался, что Маартенс сделал то, о чем как-то мимоходом упоминал, — спрятал пленку в банковский сейф. Все, что было при нем, погибло, естественно, та же участь постигла ключ от сейфа и квитанцию. Эта пленка до сегодняшнего дня так и лежит в каком-нибудь банке. Итак, я проиграл и здесь; но не уступал, и благодаря моим настойчивым требованиям был произведен осмотр места происшествия. Я обещал там доказать свои слова, а врачи надеялись, что, когда я окажусь там, возможно, у меня восстановится память о «действительных» событиях. Я хотел показать им кабели, протянутые нами на вершину холма, в окоп. Но и кабелей не было. Раз их нет, доказывал

я, значит, их убрали позднее, может быть, команды, борющиеся с пожаром. Мне сказали, что я ошибаюсь — никто не убирал никаких кабелей, так как они вообще существовали только в моем воображении.

Только тогда, там, среди холмов, под голубым небом, рядом с почерневшими и словно уменьшившимися развалинами лаборатории я понял, почему все так произошло. Огненный червь не убил нас. Не хотел нас убить. Он ничего о нас не знал, мы его не интересовали. Созданный взрывом, выползший из него, он выхватил из окружающей среды ритм сигналов, все еще пульсировавших в кабелях, так как Маартенс не выключил управляющего устройства. Это к их источнику, к источнику электрических импульсов поползло огненное создание, не какое-то разумное существо, а солнечный червь, цилиндрический сгусток организованного огня, которому оставалось жить всего несколько десятков секунд. Об этом свидетельствовал его растущий ореол; дающая ему возможность существовать температура падала, каждое мгновение ему приходилось терять огромное количество энергии, он излучал ее, и ниоткуда не мог ее черпать, поэтому он спазматически извивался вдоль кабелей, несущих электричество, одновременно превращая их в пар, в газ. Маартенс и Ганимальди оказались на его пути случайно, впрочем, он, наверное, не приближался к ним. Они убежали; Маартенс в нескольких десятках шагов от вершины настиг термический удар; Ганимальди, возможно совершенно ослепленный, перестал ориентироваться и попал прямо в бездну пылающей агонии.

Да, огненное существо умирало там, на вершине холма, бессмысленно корчась в траве, в судорожных и напрасных поисках источника энергии, которая вытекала из него, словно кровь из жил. Он убил их обоих, даже не зная об этом. И трава уже скрыла сожженную землю.

Когда мы приехали туда с двумя врачами, каким-то посторонним человеком, кажется из полиции, и профессором Гилшем, уже невозможно было найти следов, хотя с момента катастрофы прошло едва три месяца. Все заросло травой, и то место, похожее на тень распятого человека, тоже. Там поднялась особенно густая трава. Все как будто сговорилось против меня. Окоп, правда, остался, но кто-то сделал из него свалку. На дне валялись только куски ржавого железа и пустые консервные банки. Я доказывал, что под ними должны быть остатки расплавленного бронестекла. Мы порылись в этих отбросах, но стекла не обнаружили. Вернее, мы нашли несколько осколков, и даже оплавленных, но мои спутники решили, что это остатки обычных бутылок, которые кто-то разбил и расплавил в печи центрального отопления, чтобы они занимали поменьше места в мусорном баке. Я попросил сделать анализ стекла, но на это никто не согласился. У меня остался только один козырь — молодой биолог и профессор, ведь они оба видели наш фильм. Профессор находился в Японии и должен был вернуться только весной, а приятель Маартенса признал, что мы действительно показывали ему такой фильм, но это

были съемки глубоководных амёб, а не ядерной плазмы. Он уверял, что Маартенс при нем категорически отказывался от любой другой версии.

И это было правдой, Маартенс говорил так — мы же хотели сохранить все в тайне. На том дело и кончилось.

А что случилось с солнечным червем? Может, он взорвался, когда я лежал без сознания, а может, кончил свое мимолетное существование тихо; и то и другое одинаково правдоподобно.

С этим меня бы, наверное, и отпустили, как не представляющего опасности для окружающих, но я оказался упрямым. Катастрофа, поглотившая Маартенса и Ганималди, объявляла меня. Постепенно я выздоравливал. Все время я проводил за чтением книг, которые мне безотказно доставляли по моему требованию. Я изучил всю литературу о Солнце, узнал все, что было известно о солнечных протуберанцах и шаровых молниях. Огненный червь имел что-то общее с такими молниями, на эту мысль меня натолкнуло некоторое сходство в их поведении. Шаровые молнии, явления до сих пор не объясненные и загадочные для физиков, возникают в условиях мощных электрических разрядов во время грозы. Эти образования, напоминающие раскаленные шары или жемчужины, свободно плавают в воздухе, иногда подчиняясь его течениям, потокам, ветрам, иногда двигаясь против течения; их притягивают металлические предметы и электромагнитные волны, особенно очень короткие, — их тянет туда, где воздух ионизирован. Охотнее всего они висят около проводов, несущих электричество. Они как бы стараются выпить его. Однако это им не удается. Зато весьма вероятно — во всяком случае по утверждению некоторых специалистов, — что они «питаются» дециметровыми волнами через каналы ионизированного воздуха, созданные породившими их молниями.

Но и в этом случае утечка энергии превышает поглощения, и поэтому существование шаровых молний длится едва десятки секунд. Некоторое время они нерешительно кружатся, излучая голубовато-желтое сияние, а потом либо внезапно взрываются, либо растворяются и гаснут почти беззвучно. Конечно, это не живые существа; с жизнью у них ровно столько же общего, сколько у тех капель хлороформа, накопанных в масло, о которых рассказывал нам профессор.

Ну, а огненный червь, созданный нами, был живым? Тому, кто задаст мне такой вопрос не для того, чтобы подразнить сумасшедшего, — а я вовсе не сумасшедший, — я отвечу вежливо: не знаю. Но сама неуверенность, само это незнание скрывает в себе возможность переворота нашего познания, которая никому не мерещилась даже в бреду.

Существует, говорят мне, лишь один вид жизни, известная нам белковая жизнь, разделенная на царства растений и животных. При температурах, отдаленных на каких-нибудь триста шажков от абсолютного нуля, возникает эволюция и ее венец — человек. Только он и ему подобные

могут противостоять господствующей во всей вселенной тенденции возрастания хаоса. Да, согласно этому мнению все является хаосом и беспорядком — страшный жар внутри звезд, огненные стены раскаляющихся от взаимного проникновения галактик, газовые шары солнц: ведь никакая система — говорят эти трезвые, разумные, а поэтому несомненно правые люди, — ни один вид организации, даже намеки на нее не может возникнуть в океанах кипящего огня. Солнца — это слепые вулканы, извергающие планеты, которые исключительно редко создают иногда человека, все остальное — это мертвая ярость выродившихся ядерных газов, муравейник потрясенных протуберанцами апокалиптических огней.

Я улыбаюсь, слушая эту автоапологетическую лекцию, результат ослепляющей мегаломании. Существует, говорю я, два уровня Жизни. Одна могучая и огромная охватила весь видимый космос. То, что нас пугает и угрожает нам уничтожением, — звездная жара, гигантские поля магнитных потенциалов, чудовищные извержения пламени, — для этой формы жизни всего лишь комплекс дружелюбных и благоприятных, более того — необходимых условий.

Хаос — говорите вы? Водоворот мертвого огня. Почему же такое просто неисчислимо множество регулярных, хотя и необъяснимых, явлений демонстрирует наблюдаемая астрономами поверхность Солнца? Почему магнитные вихри так поразительно правильны? Почему существуют ритмичные циклы активности звезды, точно так же, как существуют циклы обмена веществ у каждого живого организма? Человек знает суточный и месячный ритмы, кроме того, на протяжении жизни в нем борются противостоящие силы роста и умирания. Солнце имеет одиннадцатилетний цикл, каждые четверть миллиарда лет переживает «депрессию», свой климактерий, вызывающий земные ледниковые периоды. Человек рождается, стареет и умирает, так же как звезда.

Вы слушаете, но не верите. И вам хочется смеяться. Вы испытываете желание спросить меня, теперь уже только в насмешку, верю ли я в разум звезд. Думаю ли, что они мыслят. И этого я не знаю. Но стоит ли так беспечно осуждать мое сумасшествие, лучше приглядитесь к протуберанцам. Попробуйте один раз посмотреть фильм, снятый во время солнечного затмения, когда выныривают эти огненные черви и разбегаются на сотни тысяч, на миллионы километров от своей колыбели, чтобы в странных и непонятных эволюциях, растягиваясь и извиваясь, образуя все новые формы, наконец, развеяться и исчезнуть в пространстве или вернуться в раскаленный океан, породивший их. Я не утверждаю, что это пальцы Солнца. С тем же успехом они могли бы быть его паразитами.

Пусть будет так — скажете вы для пользы дискуссии, не желая слишком быстро прерывать этот оригинальный, хотя и слишком абсурдный, а потому рискованный разговор, — мы хотим узнать еще кое-что. Почему же мы не пробуем найти общий язык с Солнцем? Мы ведь бомбар-

дируем его радиоволнами. Может, оно ответит?.. А если нет, твой тезис несостоятелен...

Любопытно, о чем бы мы могли говорить с Солнцем? Какие существуют общие для него и для нас проблемы, понятия, вопросы? Вспомните, что показал наш первый фильм. Огненная амеба в миллионную долю секунды превратилась в два следующих поколения. Разница темпа также имеет определенное значение. Сначала найдите общий язык с бактериями ваших тел, с кустами ваших садов, с пчелами и их цветами, а тогда можно подумать о методах информационного контакта с Солнцем.

— Если так, — скажут наиболее добродушные из скептиков, — все это оказывается только... несколько оригинальной точкой зрения. Твои взгляды никак не изменяют существующего мира ни теперь, ни в будущем. Вопрос, является ли звезда существом, «живет» ли она, становится делом договоренности, согласием на принятие такого термина, и ничем больше. Словом, ты рассказал нам сказку...

— Нет, — отвечаю я вам. — Вы ошибаетесь. Вы считаете, что Земля — это капелька жизни в океане небытия. Что человек одинок и звезды, туманности, галактики — его противники, враги. Что можно добыть только то знание, которым обладает и еще будет обладать он, творец Порядка, подвергающегося непрерывной опасности среди половодья бесконечности, усеянного далекими сверкающими точками. Но это не так. Иерархия активного существования всеобъемлюща. Кто хочет, может назвать ее жизнью. На вершинах ее, на высотах энергетического возбуждения существуют огненные организмы. У самого края, вблизи абсолютного нуля, в стране тьмы и последнего остывающего дыхания, жизнь появилась еще раз как слабый отсвет той, как ее бледное догорающее напоминание — это мы. Примите эту точку зрения, научитесь смирению и одновременно надежде, что когда-нибудь Солнце станет Новой и примет нас в милостивые объятия пожара, и тогда, вернувшись в вечный круговорот жизни, став частичкой ее величия, мы получим знание более глубокое, чем то, которое может быть уделом обитателей зоны оледенения. Вы не верите мне. Я знал это. Теперь я соберу эти исписанные странички, чтобы уничтожить их, но завтра или послезавтра снова сяду за пустой стол и начну писать правду.

**Авторизованный перевод
с польского Дм. БРУСКИНА**

Борис КОЛОКОВ

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ

Рассказ

Шаманят! — произнес Мунов. Он сердито повернулся в кровати, поднял плечи, прислушался. Глухая тишина таежной ночи простиралась над селением. Ночь давила на землю всей своей тяжестью. В самом доме чувствовалось, что за окном пасмурная, тяжелая снеговая темень. Там, возможно, даже крупа сып-

лет. Но только не все спало в ночи. Кроме тупых ударов в бубен, Мунов уловил шорохи возни своих собак на крыльце. В вершинах леса прогудел ветер. Потом он еще отыскал один стук — отдаленный, прерывистый. Мунову показалось, будто он разобрал голос: «Гая, пусти! Слышь, Гая! Пусти...» — «Негодник, — выругался Мунов. — Сейчас я тебя пушу», — сказал он и, соскочив с постели на холодный пол босыми ногами, принялся одеваться.

Собаки хотели идти с ним, но он не взял их с собой, а впустил их в сенцы.

— Ступайте погрейтесь, — сказал он строго, заталкивая собак ногой в дверь. — Без вас обойдется.

Он шел тихо, осторожно, под ногами ни разу не скрипнул снег. Но там, где тукал бубен, были люди, тоже наделенные чутьем. Лесная жизнь ко многому приучает, к тому, что для городского жителя показалось бы почти сверхъестественным. А здесь без многих таких качеств не проживешь. Вот хотя бы слух, слух лесного человека должен воспринимать любой шорох, шепот, шелест и сразу определить, кому, чему он принадлежит. Там тоже были люди не повесь ухо. Мунов нехотя ухмыльнулся, они услышали его шаги. Притих бубен. Мунов отчетливо видел и во тьме, что происходит в домишке, присевшем в снег. Там, в углу, на кабаньих шкурах сидят кружком люди, во тьме мерцает зажженная соломка, а тот старый дурак с бубном в одной руке, с колотушкой из хвоста выдры в другой руке страшает людей гримасами, разрисованной мордой, дергается весь, как повешенный, в судорогах. Войди к ним сейчас, ничего этого не застанешь, все притворятся спящими. И шаман с бубном точно растворится, его моментально спрячут в сараюшке. Пока к избе подходишь, он тем мгновением, как тень, шмыгнет за сугробы. И все шито-крыто.

Мунов все-таки подождал, не повторится ли звук бубна. К нему подбежали чужие собаки. Он сказал им тихо, повелительно: «Та, та, та!» — что означало по-удэгейски «молчите». «Нет, теперь не подберешься, — подумал Мунов, — за мной следят. Надо будет как-нибудь из леса зайти, с вечера засесть и подождать в лесу.... Вот и пойми человека, — продолжал он размышлять, — его к культуре тянешь, а он свое, за старинку хватается. Ведь все это даже нельзя назвать суеверием, в шамана давным-давно никто не верит. Просто он шут своего рода, но шут такой, что от его проделок при зажженной соломке, при сверкании подведенных глазниц, при шарканье его жестянок на поясе, от его невнятного бормотания и судорожных, как будто обломанных жестов у людей мурашки разбегаются по коже. Это щекочет нервы. Человек, видимо, должен быть весь захвачен зрелищем, должен переживать, волноваться. А вот взять наше кино, оно скользит по глазам. Тут как-то про жизнь охотников показали картину — так люди обсмеялись. Стыдно. Мне как председателю артели стыдно, — думал Мунов. — Ведь они смеются и на меня обращаются, точно я этакую дрянь наснимал. Эх, братцы, братцы, не умеем мы еще пророщивать в человеке новое зернышко. Ему врать про жизнь нельзя. Врать про жизнь нельзя!» — в гневе повторил Мунов.

Он прошел несколько шагов вперед и воротился. Второй стук в окно фельдшерочки тоже больше не повторился. Значит, и там его учуяли. «Ну, хорошо, — сказал себе Мунов. — С тобой-то я разберусь». Он видел, с кем разговаривает.

Не таясь, полной ступней, Мунов пошел к своему дому. Пусть слышат, пусть знают, что он не поленится еще раз встать с кровати. Он уже подходил к дверям, когда до слуха с реки донесло новые голоса. Эти ни от кого не пряталось. Они звучали громко, настойчиво, в них торжество слышалось. Кто-то по Бикину, по льду погонял собак. Собаки чуяли дом, они взвизгивали, тявкали на бегу, рвались из постромок. Мунов улынулся — до того знакомой ему была радость возвращения в поселок с собольей охоты. Ведь там не один месяц в тайге находишься. Вдвоем с бабенкой да вот с собаками. В палаточке на снегу, в обществе жестяной печки. Возрадуешься дому. От самого вида изб колотится сердце. Он так и не притронулся к скобке своей двери, а пошел туда, на берег, повстречать упряжку. Кто хоть в ней возвращается-то!

От реки громко доносило голос.

— Кела! Кела! Зулейхи, зулейхи! — голосил охотник. — Вперед, вперед, Чайка!

О, да это никак Лянсо Кукченка! Долгонько он нынче в тайге пробыл. Сразу после ноябрьских праздников ушел. А теперь февраль на исходе — вон он сколько там скитался. Небось с хорошей добычей возвращается.

Собаки тянули нарты наискосок в кручу берега. И сам Лянсо и жена его палками толкали нарты, помогали собакам одолеть подъем. Мунов дальше не пошел, он остался по колени в снегу ждать, когда упряжка возьмет крутизну. А как только собаки вынесли нарты наверх, его обдало их жарким дыханием, он выступил навстречу охотнику.

— Здравствуй, Лянсо, — сказал Мунов. — Здравствуй, Серафима. С возвращением вас.

Они сошлись в кружок. Собаки клубками повалились в снег, дышат прерывисто, громко, все смотрят горящими глазами на дома, точно не веря тому, что они дотянули тяжелые нарты. А так было трудно тащить эти проклятые нарты! Еще по реке полегче маленько, на ней все-таки ледок, хотя он и скрыт снегом. На Бикине опасны лишь припорошенные снегом полыньи, вот их все время собакам приходилось остерегаться. Выметав из глоток языка, они лежат вповалку — хватают, хватают глотками воздух и вместе с ним сладостный — до того, что слюни бегут, — запах жилища.

— Как поохотились? — спрашивает Мунов. — Без приключений?

— Спасибо, председатель, — отвечает Лянсо. — Для меня прямо неожиданность. Вышел встретить. Спасибо. Серафима говорит, никак Мунов стоит. Я не поверил ей. Ничего, поохотились нормально. Тридцать соболей взял, харза, колонок есть. Девять кабанов завалил. А Серафима медведя. Одна.

— Молодцом Серафима, — говорит Мунов. — Я тут на днях письмо из Ленинграда получил. Один старинный знакомый просит желчь медвежью прислать. Послал. Пусть лечится. Важно, чтобы человек верил в лекарство. Вы-то как, не хворали?

— Какое там, — сказал Лянсо, рассмеявшись. — Некогда было хворать. Все наши воротились?

— Нет, не все еще. Сини Дункай с сыном где-то запропал. Максима Кукчинка дома нет.

— В поселке-то все живы-здоровы?

— Здоровы, Лянсо, здоровы. Да ты трогай, чего я тебя морожу.

— Это не мороз, — сказал Лянсо. — Морозы остались все там, — махнул он рукой назад на Бикин. — Прямо не верится, добрался...

Он криком поднял собак. Топорик с длинной рукояткой у него покоится на спине меховой рубашки в петле, на голове шапочка с накидкой по плечам, все как полагается. Мунов даже позавидовал ему в душе: давненько сам-то он не облачался в охотничий наряд.

Незаметно утро подобралось. Среди заголубевших снегов там и здесь выступили избы. Улиц в Сияне нет. Домишки разбросаны. Кому где понравилось, кто какой овражек, ручей облюбовал, тот там и построился. Но кажущаяся хаотичность не портит села, наоборот, оно выглядит раскинувшимся широко, в нем просторно, есть место для огородов, палисадников, сараев, кладовок. Кладовки тут строены по-таежному — на столбах, как на сваях. От зверья, от мышей на столбах старые чугуны, старые эмалированные тазы приспособлены. Если мышь и доберется по столбу до верха, то с чугунка или таза, одетого на столб — свая, мышь соскользнет. Не попасть ей в сарай за поживой. А тут как раз все самое ценное — кабаньи, козы, медвежьи туши, юкола — вяленая рыба, балыки кеты, симы и нерки. Тут то, без чего ни один дом сутки прожить не может. Если на месяц, на два магазин в селе закроется, никто не пропадет: юкола есть, кабанье мясо тоже не переводится. Мунов и сам живет по тем же законам, никаких излишеств в его доме нет, хотя он и председатель артели. К тому же он коммунист с давних времен партизанской войны. А коммунисту и совсем не положено перед остальными людьми высказывать.

Дома жена уже хлопотала у плиты. И старуха мать ее сидела на низенькой скамеечке с дымящейся трубочкой во рту, катала в руках катыши из белого теста. Она скатает катышек и в кастрюлю его — под пар.

— Дай-ка чего-нибудь пожевать, — сказал Мунов жене.

— Сейчас будет хлеб, — сказала старуха. — Вчера не купили. Это все из-за кино вашего.

— Где это ты пропадал? — спросила жена.

— Лянсо Кукченка встретил.

— Воротился, с Серафимой? Поживу хорошую, поди, привез.

— Куда же денешь ее, Серафиму, — сказал Мунов со смешком. — Полные нарты добра приволок.

— О-о! Ну теперь им хватит на жизнь, — сказала старуха с завистью и пустила разок-другой дым из трубочки на длинном тоненьком черенке. — Молодец Лянсо. Он ведь нам родственником придется. Ты знаешь это, Иван?

— Знаю, знаю, — проворчал Мунов с недовольством. Он прошел в большую комнату, заставленную ящиками с цвета-

ми. Цветов в доме много — фикусы, девичьи сережки, даже пальма растет. Это все жениных рук пестуны. В комнате от них весело, будто отсюда и не уходило лето. Мунов сел за стол, и жена подала ему полную миску картошки с тушеным мясом. От мяса исходил запах, как от острого сыра. В этом-то и есть весь смак. Мунов принялся к блюду и, как острогу в рыбину, с тем же наслаждением вонзил в жаркое вилку.

...В конторе к этому часу полно народа. Тут ведь так — надо не надо все в контору лезут, как в клуб за новостями — кто приехал, да что привез, да скоро ли самолет с почтой навестит, какие новые киноленты ожидаются, да в которой-то избе ночью вроде бы бубен постукивал. Все отлично знают в которой. Этот вопрос задан, между прочим, вскользь, для подогрева беседы.

В кабинетике у Мунова с угла на угол, как флажки праздничные, меховые гирлянды соболей. Он и сидит под этим драгоценным мехом. Тут, наверное, на тысячи богатства. Все, кто заходит в кабинет к Мунову, нагибают голову перед гирляндочками, точно в преклонении перед трудом охотников. А другой зайдет и увидит своих, вспомнит, расскажет, как он гонялся за тем вон «подлецом». «Уж он хитрил, хитрил, — смеется рассказчик, — а попал-таки в мои руки». Мунов слушает такие рассказы с удовольствием, глаз не спустит с рассказчика, и удивительно ярко все видится ему, как и что там в тайге происходило.

Еще по пути сюда, повстречавшись с ребяташками, Мунов сказал им:

— Ну, который из вас побойчее на ногу? Позовите ко мне Тайхея Кинчуга. Небось дрыхнет еще!.. Поднимайте его за ноги.

Теперь он ждал его, Тайхея Кинчугу, поглядывая то на дверь, а то в окошко за спиной. Как и предполагал Мунов,

Тайхей прибежал заспанный. Черная шевелюра его еле умещалась под кепкой. На нем лыжные шаровары и удыгейские ботинки с острым загнутым носочком, на плечах внакидку ватник.

— Вы меня звали, Иван Петрович?

— Так точно. Садись-ка на минутку.

Тайхей осторожно опустился на скамейку. Раскосые темные глаза его искали на лице Мунова ответ, зачем он позван. Но он делал вид, что ничего его не интересует, и старался подчеркнуть свою беспечность. Мунову была противна напускная дурашливость парня.

— Вот что, Тайхей, завтра мы с тобой отправимся в Олон. А там еще чуть подальше — в Красный Яр поедем. Я тебя там оставлю лес валить.

— А почему меня? В поселке без меня народу много.

— Да я знаю... В поселке народу хватает. Я хочу, чтобы ты маленько охладился.

— Почему охладился, товарищ Мунов? У меня температуры нет.

— Ты со мной не спорь, — твердо сказал Мунов. — Ты что, хочешь нас оставить без медицинской помощи? Чего ты девчонке по ночам спать не даешь? Как дятел, до утра ей в окно тюкаешь. Она послушает, послушает и сбежит. В нашу даль потом не скоро человека доищешься. Так любовь не завоевывают, — сердясь, сказал Мунов, — измором. Что, ты забыл, как девчат обхаживают?!

И Тайхей совершенно переменялся, обмяк, запечалился.

— Изюбры еще не так кричат, — вдруг выпалил он, не найдя, что другое ответить Мунову.

— Вон что, значит, ты в изюбра играешь. Так они бьются между собой. Это ты тоже должен знать. Вот я старый изюбр,

Рисунки И. БРУНИ

а ты молодой. И мы с тобой схватились. И я тебе говорю — не смей трогать фельдшерку. Не смей у нее под окнами стоять, в двери скрестись, иначе я об тебя хорошую палку обломаю.

— Не я, так другие будут. Она всем ребятам нравится.

— Вот и пусть она выбирает, который из вас ей по душе. Короче говоря, приказ мой остается в силе — завтра мы с тобой едем в Олон. Запасись продуктами, там придется пожить. Все, Тайхей, ступай.

Мунов посидел, подумал, правильно ли он его отчитал. Он всегда имел привычку пройтись взглядом назад, так еще старики учили, старики удегейцы, эвенки, — не бросай дорогу, по которой прошел, оглянись назад, запомни ее. Он не нашел ничего такого, за что бы следовало себя укорить. Тогда он запер на ключ стол и, нагибаясь под меховыми гирляндами, вышел в соседнюю комнату.

— Клепку возят сегодня? — спросил он у конторщика.

— Возят, — сказал тот. — На трех подводах.

— Я пройду в лес, — сказал Мунов. — Они где теперь валят кедр?

— Чуть подальше Тигрового ключа, — сказал конторщик.

— Ну, так я там буду. Это я на всякий случай.

И он пошел через поселок к лесу, потом свернул на санную дорогу и пошагал по ней неторопливо, оглядывая по краям желтые от неопавшей листвы дубняки, — дубки так и простоят, как лисы, в рыжей листве над снегами до самой весны. Лес был той стихией для Мунова, среди которой он вырос, дожил до старости. В самой запуганной чаще, когда и ствол-то не видно, он мог безошибочно разобраться, где тут актинидия, где лимонник, аралия, клен, где заплелась виноградная лоза. В лесу он всегда отдыхал душой, как другой человек отдыхает дома на своей постели или на диване перед телевизором. А он здесь отдыхал, отдыхал сердцем. Мысли улетучивались из головы, он шел и думал только о том, что видит. Лес заманивал в свою чащу под зеленые шапки кедров. Весенней прелею доносило оттуда из глубин. Потом он услышал стук топоров и приглушенное журчание пил. Но еще раньше он учуял аромат колотой древесины. Он прошел туда по снегу, по разбросанным веткам, к первой группе людей, громко, в голос спросил:

— Где тут Сарди Кинчуга трудится?

— Вон, вон они там с братом, как два медведя, ворочаются.

И Мунов захрустел по веткам, по глубокому снегу.

— Здравствуйте, старики, — сказал Мунов, выйдя из чащцы хвойника на то место, где грудями лежала свежая плаха для бочарных досок — клепка, как ее зовут в Сияне. Рядом лежали напиленные в размер клепки толстые чурбаки кедра. Кедр прекрасно колетса на морозе, как сахар под щипцами. Потом все это добро отвезут на берег Бикина, а весной и летом, когда Бикин потише, клепку сгонят плотами в низовья. Как ни скажи, это тоже копейка, тоже приработок к охоте. А потом ягоды пойдут, грибы, рыба, дикоросы, некоторые отправятся женьшень поискать — вот и жив человек, жив Сиян с Олоном.

— Здравствуй, председатель, здравствуй, — ответили старики, откладывая в сторонку колуны и клинья, которыми ра-

ботали. И оба принялись шарить в карманах свои трубочки. Они присели все трое на свежих плахах, и от трубок их на длинных черенках тонкими ниточками потянулся дымок.

— Я, собственно, к тебе пришел, Сарди, — взглянул Мунов на кривою на один глаз старика. Тот был страшен, жутковат в своем уродстве: прокоптелый до черноты, в морщинах, с запавшими щеками. А усы у него, как мышинные хвостики, торчат из ноздрей. Он недоверчиво сверкнул на Мунова здоровым глазом.

— Ко мне так ко мне, — сказал он, — спорить не будем.

— Ты знаешь, Сарди, какое дело... — заговорил Мунов и помолчал, поглядел на старика... Перед мысленным взором его в это мгновение старик возник в шаманском облачении, в юбке из лент меха, опоясанный ремнем, в жестяках, в высоком колпаке, он скорчил на Мунова страшную рожу, но Мунов не испугался. — Пока ты был на охоте, Сарди, бубен помалкивал. А вот теперь уже которую ночь слышу. Зачем тебе это?

Старик улыбнулся гримасой шамана, пожевал трубочку и весь как-то вдруг озлобился.

— У тебя свой долг, председатель, у меня свой! — сказал он твердо и властно, давая понять Мунову, чтобы тот не забывался. Власть шамана от веков, а его власть откуда?!

— Ты передо мной не кривляйся, — сказал Мунов. — Меня ни дьяволом, ни порчей не запугаешь: я не дам тебе калечить молодежь. Не позволю. И пожилым ни к чему твои кривляния. Отошел твой век, Сарди.

— Ты не торопись, — наставительно, упрямо сказал шаман. — Не торопись. Залетаешь очень. Меня люди просят: пошамань. Приди пошамань маленько. Я должен идти к ним. Ты забыл законы отцов.

— Я ничего не забыл, — сказал Мунов. — Это ты не можешь взять в толк, что времена переменялись, — в тон ему так же сурово сказал Мунов. — Не к тебе теперь идут за исцелением, а к ней, к фельдшеричке. Ты только нервы треплешь людям. Они после твоих спектаклей больные все на другой день.

Шаман помалкивал, покусывал гнилыми зубами трубочку, здоровым глазом косился на Мунова, вторым, должно быть, смотрел на брата.

Нет, он еще и вглубь куда-то смотрел, в землю.

— Скоро я туда отойду, Мунов, — сказал он. — Живите без меня, как знаете.

Мунову вдруг по-человечески жаль стало этот обломок прошлого. Он пересилил в себе безгливость и обнял его за плечи.

— Вот так-то, Сарди, давно бы надо не мешать. Не мешать людям жить по-новому. Ведь ты же видишь, все меняется на глазах. Жили в юртах — теперь в домах живем. Об огородах и понятия не имели. Скоро отсюда выберемся, в Красном Яру город свой поставим. Сколько наших парней, девчат в институтах учится! Люди стремятся к новому. А ты что с ними делаешь? Ты их во мрак толкаешь! Как же ты можешь это делать?! Ведь это твой народ, Сарди, маленький лесной народ. А он хочет быть большим, сильным, вон как этот лес.

Шаман сидел с опущенной головой. Мунову показалось, что

он всхлипнул. Но когда тот поднял лицо, Мунов увидел, что он смеется, — маленьким бесовским смешком. Всеми морщинами лица смеется.

— Учишь? — сказал шаман. — Меня учить не надо. С меня хватит того, что видел за жизнь. Она побольше твоей, Мунов. От твоих институтов порча народу.

— Вот тебе раз! — сказал Мунов. — Это почему же такое — порча? Не ту науку проходят?

— Верно, не ту! Воротится человек, ни на что не гожд. Ему охота в тягость и рыбная ловля не по нему. Я все вижу! — погрозил он кулаком кому-то в лесу.

Мунов курил редко, а папиросы, спички постоянно носил с собой. Теперь он вспомнил о них, пошарил по карманам и задымил. Тем временем он раздумывал, что ответить старику. В его словах была доля истины. Пожив в городах, ребята и девушки приезжают не то что испорченными, это он врет на молодежь. Но и глаза закрывать нечего: они возвращаются избалованными городской жизнью, с трудом втягиваются в лесной быт. Такой грешок есть, это он правильно подметил, размышлял Мунов.

— Что ж по-твоему? — спросил Мунов. — Мы по старинке должны, как звери, жить в юртах? Хватит, и так нажились. Не один век. Пусть хоть нынешняя молодежь этой доли не знает.

— Всем хватило науки от стариков, — зло сказал шаман.

— Вон на что злишься, — с улыбкой сказал Мунов. — Власть от тебя убежала. Так теперь ты ее не догонишь, злись не злись!..

— Ничего! Идут люди. Сами просят.

— Значит, ты их бубном очищаешь?

— Да, очищаю! В них в каждом дьявол сидит. И в тебе он!..

— Ну, поглядим, чья победит, — сказал Мунов, вставая. — Спасибо за беседу, Сарди. Эта наука мне пригодится.

Старики тоже поднялись и стояли молчком. Из их трубок синими струйками тянулся дым. Над головами их с веток хвойной паутинкой свисали мховые борода. Лес стоял вокруг таинственный и, как звери, выказалось Мунову в эту минуту, какой-то чужой. Невдалеке тлел костерок. От него пахло жженой смолой. И снег вокруг топорщился сугробами. Холодная синева обжигала взгляд.

Мунов так и не попрощался, не сказал больше ни единого слова.

Он вернулся в контору расстроенный, почти что злой. И дорога его не успокоила. Он посидел какое-то время в одиночестве и еще раз выкурил папироску. А потом выглянул в дверь, попросил позвать к нему Лянсо Кукченка. «Он ночью вернулся из леса», — сказал Мунов, хотя он отлично знал, что это давно всем известно.

Через четверть часа перед ним вырос Лянсо, как всегда, веселый, улыбающийся.

— Ну как, отошел после лесов? — спросил Мунов.

— А я лес люблю, — сказал Лянсо. — Я в нем чувствую себя превосходно.

— Дело у меня к тебе есть одно. Только давай условимся сразу: то, о чем попрошу, наш с тобой секрет.

— Пожалуйста, — сказал Лянсо.

— Я слышал, ты маленько шаманить умеешь. Это верно?

Лянсо как передернуло от его слов.

— Ты, говорят, нашему шаману подражать умеешь? — спрашивал Мунов. — Это верно?

— Маленько умею, — нехотя сказал Лянсо.

— Так вот вечером сегодня ты нагрей бубен.

— А зачем, товарищ Мунов?

— И подураться маленько перед кино, со сцены. Намажься, все честь честью. Понял ты меня?

— Да понять-то понял, — сказал Лянсо.

— Тогда будем считать, что мы с тобой договорились. И никому ни полслова. Это очень нужно сделать, — сказал Мунов.

Вечером все и свершилось. Еще не был с потолка спущен экран, а залец уже был полон народа, когда на сцену весь разрисованный, в шаманском колпаке выскочил с бубном в руках неузнаваемый Лянсо Кукченка. Его никто вначале не мог узнать. Но рядам пробежали шепот, волнение. Все заглядывались на старика Сарди. Тот словно онемел от неожиданности. В изумлении старик смотрел туда, на сцену, где кружился и лихо бил в бубен Лянсо. И танец у него получался какой-то потешный, точно бы он передразнивал Сарди. Тогда шаман вскочил с места, заверещал, как потревоженный филин, бросился с руганью к двери. И тут разразился ему в спину хохот. Хороший, веселый смех прокатывался по рядам.

В. ФИРСОВ

УЖЕ ТРИДЦАТЬ МИНУТ НА ЛУНЕ...

Научно-фантастический рассказ

1

Солнце, только что заглядывавшее в иллюминатор, вдруг сдвинулось и уплыло в сторону, а на его месте засверкали ослепительные точки звезд, напоминавшие головки серебряных булавок в черном бархате. Где-то под спиной приглушенно взревел двигатель. Андрей почувствовал, как его тело, уже привыкшее к невесомости, стало все сильнее прижиматься к креслу.

Он невольно сжался. Все-таки это была первая в его жизни посадка. Он вспомнил о своих спутниках и подумал, что они тоже волнуются. От этой мысли ему стало немного легче. Говорят, это никогда не проходит — волнение перед посадкой.

Где-то внизу под ними находилась База — основной лунный космодром, расположенный на окраине Центрального залива. Со скоростью двух километров в секунду — нет, пожалуй, уже меньше — лунолет «Рубин» падал на нее, постепенно замедляя свое падение ударами двигателя.

К удивлению Андрея, перегрузки были не такими уж большими. Тем не менее он вздохнул с облегчением, когда ракета, наконец, мягко качнулась на амортизаторах и замерла. Тотчас же смолк глухой шум двигателя, непрерывно нараставший последние минуты. В каюте стало тихо.

Дверь рубки управления раздвинулась, и веселый капитан Юмашев помахал пассажирам рукой.

— Приехали!

Андрей выбрался из кресла-амортизатора и посмотрел в иллюминатор. Так вот какая она, Луна!

Юмашев снова просунул рогатый шлем в низкую дверь.

— Сейчас начинаем выгрузку, Николай Петрович. — обратился он к Кравцову, — помогите штурману вынести аппаратуру. А за грузовиком придется послать новичка... по праву первооткрывателя.

В каюте раздался дружный смех. Андрей действительно впервые был на Луне в отличие от остальных. Правда, Кравцов провел на Луне всего неделю — третья лунная вернулась преждевременно, так как один из геологов сломал ногу, — однако он считал себя на Луне чуть ли не старожилем.

Андрей повернулся к капитану спиной. Тот ловко приладил ему кислородные баллоны, закрыл шлем. Голоса сразу исчезли — скафандр почти не пропускал звуков. Андрей нажал кнопку на пояском пульте.

— Как воздух? — услышал он голос капитана.

— Нормально.

— Связь?

— Нормально.

— Батареи?

— Нормально.

— Тогда счастливо. Программы роботов на Базе — это вы знаете. Пригоните «камбалу» прямо к грузовому люку.

Андрей вошел в шлюз. Ему было немного обидно. «Как-то просто все у них получается, — думал он. — Ведь это же Луна, царица мечтаний. А тут — пригоны грузовик... Этак вернешься домой, скажешь, что был на Луне, а тебе возразят: Луна что — ты бы в Кимры съездил с нами, вот это интересно».

— Андрей Владимирович! — раздался над ухом голос Юмашева. — Как давление?

— Нормально, — по инструкции ответил Андрей.

— Тогда выпускаю.

Наружная дверь уползла в сторону. Вниз скользнула себристистая лесенка и легла на грунт.

Ракета стояла точно в центре кратера, служившего Базе космодромом.

Кратер был невелик — всего метров триста в диаметре. На его гребне торчали лопухие антенны системы автоматической посадки и высокая мачта пятисоткилометровой радиорелейной линии, соединявшей Базу со Станцией, где постоянно жили исследователи. Прямо впереди равномерно мигал маячок на круглом герметическом куполе Базы.

С трудом задрав голову, Андрей посмотрел наверх.

Над его головой висел неправдоподобно огромный зеленоватый серп. «Земля!» — подумал он с восторгом и нежностью.

Он степенно спустился по трапу, преодолев желание прыгнуть (всякие прыжки были строго-настроено запрещены инструкцией после нескольких тяжелых травм), и пошел к куполу, ощущая необычайную легкость. Ботинки слегка тонули в пыли, отпечатывая ясные следы. Возле ног крутились легкие вихри, напоминающие поземку, — это металась тончайшие частицы лунной пыли, сорванные с места давлением солнечных лучей.

Рядом с куполом Базы виднелся плоский навес, под которым хранились машины: строительные и ремонтные роботы, плоские грузовики «камбалы», уютные пассажирские «колюбки». Андрей был неплохо знаком с ними — управление лунной техникой входило в обязанности каждого обитателя Луны.

В непроницаемой тени увидеть что-либо под навесом было невозможно. Андрей включил головной фонарь. Из мрака выступили приземистые машины-многоножки с гусеничными ступенями — маленькие, большие, все с одинаковыми круглыми головами, с усами антенн и растопыренными глазами фотоэлементов, с белыми щелями, похожими на оскаленные пасти. «Весельчаки они тут, — подумал Андрей. — Вот уж раскрасили! Кто не знает — испугается...»

Выключенные страшилища мирно спали под противометеоритным навесом. Чтобы их оживить, надо всунуть каждому в пасть программу — перфорированную карточку. Тогда они загорятся опознавательными огнями (чтобы не пропадать в тени), завертят ушками-антеннами кругового обзора и будут вилять хвостиками, выслушивая твой приказание.

В черной тени мелькнул и пропал голубой отблеск. Андрей направил туда луч фонаря. Из мрака появился странный механизм, похожий на осьминога. Андрей с удивлением заметил, что глаза робота голубовато мерцали, а уши-антенны старательно вертелись. Ему показалось даже, что осьминог потихоньку шевелит своими устрашающими щупальцами. Хотя нет, это просто ползли тени от фонаря.

Нащупав кнопку связи с роботами, Андрей нажал ее. Теперь робот обязан был ответить на все его вопросы. Но Андрей не знал позывных осьминога. «Ты кто?» — спросил он на всякий случай, ужасаясь глупости своего вопроса. Осьминог не удостоил его ответом и только сносил вслед голубые красивые глаза.

«Развели здесь драконов, — думал Андрей, стоя в шлюзе купола и следя за стрелкой манометра. — Не Луна, а Луна-парк. Кунсткамера. Диснейленд. Хорошо еще, что дракон не огнедышащий. Дежурит он там, что ли?»

Программы лежали в ящике пульта небольшими стопочками. Андрей быстро пересмотрел их, выбирая необходимую. Найти ее было нетрудно — на каждой карточке были напечатаны соответствующая фотография и индекс, а также пояснительный текст и программа. Но программы голубоглазого осьминога в ящике не было. «Странно, — подумал Андрей, и тут же вспомнил, что не заметил на морде осьминога бе-

лой пасти. — Значит он не программируется, — догадался Андрей. — Не иначе, это новая выдумка профессора Смольного — дежурный осьминог. Как хоть его зовут?»

Повторное шлюзование заняло меньше минуты. Андрей вышел из купола Базы и остановился, пораженный. Ракеты не было.

2

Это было до того неправдоподобно, что Андрей на секунду не поверил своим глазам. Все было на месте: полумесяц Земли над головой, аккуратный диск Солнца, немигающие яркие звезды, склоны кратера, пересеченные бездонными теньями. Но там, в центре кратера, где еще недавно стояла на решетчатых лапах восьмиугольная коробка лунолета «Рубин», не было ничего.

Позднее, анализируя свое поведение в тот момент, Андрей понял, что в первые секунды он действовал как автомат — не отдавая себе отчета в своих поступках, не ощущая ничего: ни удивления, ни растерянности, ни страха. Просто он побежал туда, к центру кратера. Первый же шаг оторвал его довольно высоко от поверхности. Пролетев раз в пять-шесть дальше, чем ожидал, он, наконец, смог оттолкнуться другой ногой. Все было как во сне, когда куда-то падаешь, падаешь и никак не упадешь. Ощущение нереальности всего происходящего было настолько сильным, что Андрею показалось даже, что он действительно спит и ему надо проснуться. Во время этого неправдоподобного тягучего полета он искал глазами свои собственные следы и не обнаружил их.

Это было вполне естественно — корабль при старте сдувал всю пыль, затем она быстро оседала обратно тонким слоем. Пыль эта появилась только после основания Базы — от воздействия огненных струй многочисленных ракет на почву, и была, в некотором роде, местной достопримечательностью. Но именно отсутствие следов вдруг убедило его, что корабля и в самом деле нет и бежать, собственно, некуда.

Он остановился.

Склоны кратера напоминали трибуны огромного стадиона — так тысяч на триста зрителей. Справа трибуны были освещены солнцем. Слева непроницаемая тень залила и трибуны и беговую дорожку, подбираясь уже к футбольным воротам. А на краю поля стоял растерянный игрок, который выскочил туда во всех боевых доспехах и неожиданно обнаружил, что стадион пуст: ни игроков, ни зрителей, ни судьи, и вообще весь стадион неведомой силой заброшен на какую-то тридесятую планету.

На гребне кратера неторопливо вращались лопахуие антенны приводных радаров. Андрей вспомнил, что они были неподвижны, когда он вышел из ракеты, но сделать какие-либо выводы не смог — оцепенение еще не прошло. Автоматически, как на учениях, он нажал кнопку связи.

— «Рубин», я Лавров. Андрей Лавров вызывает с Базы лунолет «Рубин», — сказал он, уже понимая, что его мало-

мощный передатчик не слышен на корабле, ушедшем за сотни километров.

В это время из-за гребня выползла маленькая светлая точка и стала неторопливо пробираться между звездами. Тотчас же оцепенение исчезло. Голова сделалась свежей и ясной. Андрей почувствовал, что к нему возвращается хорошее настроение. Шел связной спутник — судя по всему, экваториальный. Жизнь снова стала хороша и удивительна.

Он нажал на пульте кнопку дальней связи. Теперь следовало встать лицом к спутнику, и тогда радиоволны, сорвавшиеся с рожок его шлема, будут уловлены на спутнике, записаны, переданы на остальные спутники, и с одного из них — на Станцию.

— Станция, я Лавров. Андрей Лавров вызывает Станцию через спутник. Прием.

Несколько секунд молчания. Спутник светился все ярче странным дрожащим сиянием.

— Станция, я Лавров. Андрей Лавров вызывает Станцию через спутник. Прием.

Станция не отвечала.

Только тут Андрей вспомнил, что гораздо проще было вызвать Станцию через видеофон Базы по радиорелейной линии. Он повернулся к Базе.

На него огромными прыжками мчался осьминог, или как его там — громадная механическая тварь с извивающимися щупальцами. На нелепой круглой голове ярко пылали два красных глаза.

Первый раз в своей жизни Андрей почувствовал дикий, панический страх.

Андрей не побежал и не закричал. Полсекунды, может быть, секунду страх подержал его за горло и отступил. Все встало на свои места. К нему стремглав мчалась умная машина, созданная лучшими инженерами планеты. Андрей не знал только зачем.

Через секунду гибкие щупальца оплели его тело и увлекли под плоское брюхо машины. Тотчас же она помчалась обратно. Ненадолго стало непроницаемо темно. Затем вспыхнул свет, и осьминог осторожно поставил Андрея на пластиковый пол под куполом Базы.

Большой экран видеофона ярко светился, и с него жестикулировал и безмолвно шевелил губами профессор Смольный — начальник Станции.

Андрей мгновенно включил внешнюю связь.

— ...дракон! — услышал он голос профессора. — Немедленно возьмите красные программы А-ноль и Т-ноль и выходите.

3

Немного выше экрана по кругу мягкими толчками спешила стрелка секундомера.

Андрей взглянул на него: прошло ровно двадцать минут с момента посадки «Рубина».

— Иннокентий Борисович, я знаю, что там дракон, —

сказал Андрей. — Он только что втащил меня сюда. Я пойду, но, пожалуйста, мне его не одолеть.

— Я не о нем говорю. — Несмотря на всю серьезность момента, профессор улыбнулся. — Потерпел аварию «Счастливого дракон» Юкавы. Автоматы только что посадили его к вам на Базу. Пилот ранен. Берите «колобок» и аварийного робота, программы А-ноль и Т-ноль (программы «беспрекословное подчинение любым распоряжениям», автоматически вспомнил Андрей). Если понадобится, вскрывайте ракету. А эту программу оставьте.

Андрей посмотрел на свои руки и увидел, что все еще держит программу «камбалы». Он положил ее в ящик и взял две красные карточки.

— Иннокентий Борисович! — сказал он, идя к выходу. — Прикажите вашему осьминогу, чтобы он не мешал мне.

— Он не будет мешать, — ответил профессор. — Вы еще скажете ему спасибо. «Дракон» уже заходил на посадку. Вот он и бросился на выручку — ведь это была его обязанность.

— А где «Рубин»? — спросил Андрей уже из шлюза. Дверь закрылась, но голос профессора звучал под шлемом так же отчетливо — действовала внутренняя система связи.

— Ему пришлось уйти на орбиту. Надо было освободить место: автоматы сажают всегда точно в центр. Времени оставалось в обрез — мы перехватили Юкаву, когда он уже падал с орбиты. У него взорвался ракетный стабилизатор. Возвращать вас было некогда. Я попытался соединиться с вами, но у вас была выключена связь. Тогда я решил, что вы не соскучитесь на новом месте, и дал «Рубину» команду взлететь. Но вы остались очень кстати — Юкава сам выйти не сможет. А «Рубин» прибудет к вам только через два часа, когда облетит Луну.

— Юмашев будет садиться сам?

— Конечно. Если доверить посадку автоматам, они опустят «Рубин» прямо на «Счастливого дракона». А с ручным управлением Юмашев на этом пяточке усадит рядышком десяток кораблей. Вы же знаете — он ас лунных посадок.

Дослушивал профессор Андрей уже на бегу. Проглотив красные карточки с аварийными индексами, роботы вспыхнули огнями. Андрей вскочил в уютную кабину «колобка» и переключил связь на роботов.

— К ракете — самый полный ход, — сказал он.

Длинная тонкая сигара в черно-белую клетку лежала на боку в центре космодрома, нелепо задрав ногу с ракетным стабилизатором.

По приказу Андрея аварийный робот умело вскрыл ракету («Как банку с кильками», — подумал Андрей). Стараясь не зацепиться скафандром за острые края отверстия, Андрей пробрался в кабину.

«Колобок» быстро доставил потерявшего сознание Юкаву к Базе, Андрей внес пилота под купол, уложил на раскладную койку, подтащив ее поближе к экрану, и стал снимать с него шлем. Конструкция шлема была ему незнакома, но он

довольно удачно справился со своей задачей. С экрана следили за каждым его движением три человека, готовые в любой момент подать совет.

Андрей быстро забинтовал японцу голову, разбитую, очевидно, в тот момент, когда ракета упала на бок. К концу перевязки Юкава открыл глаза. Он лежал молча, всматриваясь в лицо Андрея. Андрей покончил с перевязкой и хотел снять с него скафандр. Тот отрицательно покачал головой.

— Спа-си-бо, — мягко сказал он по-русски. — Остальное, кажется, в прекрасном порядке. У меня ударена только голова.

— Конни чива, Юкава-сан! — сказал по-японски с экрана профессор Смольный и тут же перешел на английский: — Мы давно ждали вашего возвращения. Жаль, что получилось так неудачно.

— Здравствуйте, господин профессор, — негромко ответил японец по-русски. — Теперь я убедился, что зря не прислушался к вашим мудрым советам. С замечательными русскими электроракетами я не имел бы огорчительных неприятностей.

— Юкава-сан! — сказал профессор. — Скоро за вами придет «Рубин», и мы перевезем вас на Станцию.

— Я буду счастлив повидаться с вами, хотя бы в случайном качестве пациента, — сказал Юкава. — Нам давно надо много поговорить.

— Тогда мы ждем вас, — сказал профессор. — А теперь отдохните. Андрей Владимирович сделает вам укол. О «Счастливом драконе» мы позаботимся.

— Спа-си-бо, — нараспев поблагодарил Юкава. — И вам и Андрею Вла... димировичу. Он замечательный лунный космонавт.

— Товарищ Лавров — геолог, — сказал профессор. Глаза его улыбались. — Он обещал нам найти на Луне алмазы. Но и космонавт он опытный.

Профессор скосил глаза куда-то вверх, и все смотревшие на Андрея с экрана заулыбались. Андрей не удержался и рассмеялся сам.

— Да, Андрей Владимирович опытный космонавт, — повторил начальник Станции. — Ведь он уже тридцать минут на Луне.

КОЛЕСО

Юмореска

Еще раз взглянув на бумажку с адресом, я поднялся на пятый этаж большого серого дома. Длинный скучный коридор изучал меня равнодушно-тупыми глазницами дверей и настороженными взглядами жильцов. Нужная мне дверь находилась в самом конце коридора и ничем не отличалась от остальных. Пожалуй, только номером на медной, давно не чищенной табличке. Я постучал.

— Кто? — голос был хриплый, настороженный.

— Эксперт патентного бюро. По вашему заявлению.

Долго не было слышно ни звука. Потом за дверью что-то звякнуло. «Опять вечный двигатель», — с тоской подумал я.

— Войдите...

Я вошел. Сначала я ничего не увидел. Комната барахталась в полумраке. Окна были плотно занавешены. Пол устлан стружками, слесарным инструментом и обрывками газет.

Он сидел в углу маленького дивана и смотрел на меня ослепительными стеклами огромных очков.

— Садитесь...

Я сел на табуретку, и она сжалась под моей тяжестью.

— Иван Сергеевич Заболоцкий, — представился он. — Вы не очень устали, поднимаясь так высоко?

Вместо ответа я скрипнул табуреткой.

— Разумеется, я изобретатель, — продолжал он. — Изобрел массу небезынтересных вещей. Заметьте, я говорю не ценных, а небезынтересных... У меня семнадцать патентов. Семнадцать за сорок лет изобретательства... Это не мало, как вы считаете?

Я снова скрипнул табуреткой. Его очки зло блеснули в ответ.

— Вы думаете, что я изобрел вечный двигатель, — сказал он с саркастическим смешком. — Вы ошибаетесь! Закон Майера я изучил еще младенцем... Я изобрел нечто другое. Вы знаете основы цивилизации?

— Знаю, — ответил я. Мне надоело скрипеть табуреткой.

Он долго изучал меня блесками своих очков. Осмотр, по-видимому, не удовлетворил его. Вздохнув, он сказал:

— То, из-за чего вы пришли сюда, стоит в правом дальнем углу. Во-он там! Оно накрыто газетами. Я не буду зажигать свет. Вы меня, конечно, простите — у меня слоистая катаракта глаз...

Я встал и осторожно пробрался в угол комнаты. В полутьме ничего нельзя было разглядеть, и я долго ворошил кипу старых, выцветших газет. Под ними угадывалось что-то круглое. Наконец мне удалось добраться до этого «что-то». У моих ног лежало колесо — самое обыкновенное, деревянное, сделанное от руки. Я вытащил колесо на середину комнаты и стал внимательно изучать его. «Самоходное колесо? Складной велосипед? Саморегистратор пути?» — теснилось у меня в голове.

— Вы не зря изучаете его так внимательно, — услышал я голос Заболоцкого. — Это действительно гениальное изобретение.

Я разогнулся. Колесо с глухим стуком упало к моим ногам.

— Я сорок лет посвятил изобретательству. У меня семнадцать патентов, — напомнил мне Заболоцкий. — Всю жизнь я старался изобрести что-то новое, оригинальное. И вот... — Он помолчал, затем сухо спросил:

— Вы давно работаете в бюро?

— Три года.

— Скажите честно, часто вам встречалось за это время абсолютно новое изобретение? Изобретение на неизвестном ранее принципе?

Я задумался.

— Вы не так много встречали таких изобретений, — довольно откинулся на диване Заболоцкий. — За сорок лет я понял одну простую, как дважды два, и глубокую, как бездонный колодец, мысль: трудно изобрести что-то гениальное и что не было бы уже запатентовано.

— А это колесо? — спросил я.

— Да, это колесо! Это мое изобретение! Я сделал его собственными руками. И пригласил вас посмотреть на него. Вы не находите мое изобретение гениальным?

Я ответил ему тихо и ласково:

— Мне понятна ваша мысль. Это действительно очень любопытно. Но я должен кое-чем огорчить вас: колесо было изобретено несколько тысяч лет тому назад...

— Не знаю, не знаю! — выкрикнул он, перебивая меня. — И я не соглашусь с вами! Не соглашусь, если вы не называете мне имя изобретателя колеса и номер патента!

Я пожал плечами и собрался уходить. Очки торопливо блеснули в темноте.

— Нет имени, — свистящим шепотом сказал Заболоц-

кий. — Нет патента... Нет колеса... Вы поняли? Ничего нет! И лучше всего это знаете вы, представитель патентного бюро. Но вот вы пришли ко мне, и перед вами, у ваших ног лежит колесо... Мое колесо! Я сам сделал его!..

Он догнал меня уже у двери, судорожно глотнул и затопился, словно опасаясь, что его перебьют:

— Запатентуйте его! На мое имя... Пожалуйста... Что вам стоит?! Ведь это особенно важно сейчас. Сейчас, когда колесо стали третировать, стали презирать, стали заменять гусеницами, лыжами, плицами, воздушными подушками. Поверьте, придет время, и люди вообще откажутся от колеса. И тогда... — Очки блеснули вызывающе и гордо. — Тогда историки техники стряхнут пыль со старых патентов и увидят мое колесо. И узнают, что я... я...

Глазницы дверей ехидно смотрели мне в спину. Сбегая по лестнице, я радовался, что вместо колес у меня обыкновенные допотопные конечности.

Спустя некоторое время кто-то сказал мне, что Заболотский все сорок лет работал экспертом патентного бюро...

САМЫЕ СТАРЫЕ
Страницы

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Отрывки из романа

В 1930 году в журнале «Борьба миров» был напечатан научно-фантастический роман-утопия «Следующий мир» Эммануила Семеновича Зеликовича.

Профессор математики Джемс Брукс и его ассистент Вилли Брайт загадочным образом исчезают. Столь же непонятным образом Брайт возвращается и рассказывает удивительную историю: Брукс нашел способ проникнуть в «четвертое измерение», литературный прием, с помощью которого герои оказываются в «соседнем мире», на неизвестной планете.

Об их необычайном путешествии, пережитых приключениях читатель и прочтет в публикуемом отрывке.

Профессор казался бледнее обыкновенного. Резким движением он включил предмет своей гордости — большой резонатор.

...В сотый раз загорелась яркая лампа, и поток мощных лучей с жужжанием и свистом прорвал «люк» в следующий мир. Профессор взглянул на хронометр: было четы-

ре часа утра. Затем он взял меня под руку, и мы одновременно вступили в поле действия четырехметровых волн.

Раздался привычный взрыв, выбросивший нас за пределы пространства в абсолютную тьму.

* * *

Это был головокружительный момент, похожий на провал в бездну. Мы прыгнули, вытянув вперед руки, и упали с высоты не более двух метров. Опустившись на почву, мы остались лежать ничком, не осмеливаясь поднять голову.

— Вы невредимы, Брайт? — тихо спросил профессор, но мне показалось, что его голос прозвучал более звонко, чем обычно.

Я нащупал в темноте его руку и ответил:

— Да. А вы себя как чувствуете, мистер Брукс? Не ушиблись?

— Нисколько. Все прекрасно — перчатки защитили руки и смягчили падение.

Наши глаза, привыкшие к сильному освещению коттеджа, ничего не различали в этой крошечной тьме. Сзади нас, журча и искрясь, изливались потоки волн резонатора. Через «люк» мы видели яркий объектив и смутные очертания кусочка нашей родины.

— Выключите резонатор! — скомандовал профессор.

Я нащупал в сумке рычажок, два раза повернул его и нажал кнопку. Тотчас же раздался удар, подобный стуку захлопываемой крышки пустой деревянной коробки. И маленькое отверстие, связывавшее нас с нашим миром, исчезло...

— Давайте сядем, Брайт, и обсудим положение, — сказал профессор. — Мы не ослепли, иначе бы не видели отсюда света резонатора. Возможны три варианта: первый — здесь всегда темно, второй — теперь ночь, третий — световые волны этого мира не соответствуют устройству наших глаз. Ба! — воскликнул он. — Мы настолько растерялись, что упустили из виду самые простые вещи — ведь у нас же с собой электрические фонари!

Он порылся в своей сумке, и через мгновение яркий луч прорезал черное пространство и быстро исчез.

— Все в порядке. Но не будем злоупотреблять светом — мы не знаем, кто нас окружает. Необходимо быть крайне осторожными. Двигаться тоже не следует, чтобы не свалиться с горы или не упасть в яму. Посидим спокойно и обождем. Если положение не изменится, подумаем, что делать дальше.

Было очень жарко, но не чувствовалось, однако, ни малейшей духоты. Необычайно свежий, пропитанный озоном воздух действовал опьяняюще. Голова кружилась, пульс участился. Ощущение бодрости и энергии повышалось до степени энтузиазма. Хотелось двигаться, прыгать, петь, кричать.

Прошло около часа. Внезапно вдали что-то засветилось. Это было отражение на верхушках гор вспыхнувшего на противоположной стороне горизонта зарева. Свет быстро усиливался, и показался выпуклый край луны.

— Прекрасно! — обрадовался профессор. — Есть луна, значит, будет и солнце! А это еще что такое?..

Я увидел в другом месте более яркое зарево. И вскоре появилась еще одна — огромная — луна.

Не успели мы налюбоваться этими светилами, как горизонт вспыхнул в новом месте, и показалась третья, на этот раз меньшая луна... Мы вскочили, переводя глаза с одной на другую. Стало уже настолько светло, что можно было читать книгу. Нашим глазам открылся своеобразный ландшафт.

— Какая красота! — воскликнул профессор. — Трудно представить себе, чтобы нечто... но что же это наконец?!

Я обернулся и увидел одновременно выплывавшие... еще две луны.

— Пять лун! Где это видано! Если бы на Земле знали...

— Стоп! Вот шестая...

Но профессор ошибся — это не была луна: появлявшееся светило походило на широкий язык, который вытягивался под углом вверх. Причем он был не сплошным, а состоял из нескольких слоев.

— Кольца?.. Неужели же...

Вскоре показалась выпуклость огромного шара. Он быстро выплывал, его исполинские размеры все увеличивались...

— Сатурн! Совершенно похожий на наш! Но какой гигант!

— Потому что близок. И наш достаточно велик. Земля могла бы катиться по его кольцам, как мяч по шоссе...

Еще несколько минут — и «Сатурн» целиком предстал перед нашими изумленными взорами. Его размеры потрясали; площадь ядра казалась в сотни раз больше нашей Луны, а вместе с кольцами светило занимало громадную часть неба. В довершение ко всему продолжали показываться в разных местах горизонта все новые луны...

— Но сколько их! Когда же будет конец?..

— Пока восемь. Будем считать дальше...

За восьмой выплыла девятая, за нею десятая... Вскоре появилась и одиннадцатая...

Поднимаясь, «Сатурн» и луны приобретали серебристо-блестящий отлив. Стало светло, почти как на Земле в облачный день. Но это был совершенно иной свет... Некоторые луны начали уже опускаться, зато появились еще две новые...

— Это еще не все — завтра, Брайт, вы увидите солнце, по сравнению с которым наше дневное светило покажется жалким пигмеем!

— Почему?

— Солнце-геркулес! — вдохновенно продолжал профессор. — Какой массой оно должно обладать, чтобы удерживать на таком близком от себя расстоянии эту гигантскую планету с ее спутниками!

— Но из чего вы заключаете, что они близки?

— Как «из чего»? — поразился профессор моей недогадливости. — А сила освещения «Сатурна» и лун? А температура скружающей нас атмосферы?

«Сатурн» между тем приближался к зениту, сверкая, как полированное серебро. Окружавший его световой ореол образовал новое гигантское кольцо с исходящими радиально лучами, наподобие северного сияния. Оно заняло не менее трети неба. Ослепленные, мы могли продолжать свои наблюдения, только надев черные очки.

Луны приближались к горизонту и одна за другой исчезали.

Перейдя свой зенит, «Сагурн» начал быстро опускаться. Ореол поблек, сила света уменьшалась, серебристый отлив становился матово-желтым.

— Я жду с нетерпением утра, — сказал профессор. — Ждать осталось недолго. Предлагаю вам, Брайт, поспать.

После непродолжительного спора я подчинился авторитету профессора и устроился на ночлег.

Спать почти не пришлось.

— Брайт, солнце!

В расплавленном металле горизонта красовался огромный багровый шар. Вершины гор горели в огне. Не теряя времени, мы достали приборы и занялись наблюдениями.

Внезапно подозрительная труба выпала из рук профессора. Я обернулся. Джемс Брукс застыл с мутно-неподвижными глазами.

— Что с вами, мистер Брукс?

— Смотрите! — отрывисто бросил он, протянув вперед руку.

На горизонте лежало второе солнце, раз в десять больше первого!

Безмолвно наблюдали мы оба светила, пока выплывавшее из-за горизонта третье солнце не вернуло нам дар слова.

— Мистер Брукс! — закричал я. — Что это значит? Куда мы попали?..

Впечатление было потрясающее... Я схватил профессора за руку и тряс ее.

— Вот видите, Брайт! Я правильно предугадал мощный центр тяготения!

Волнение лишило нас работоспособности. К тому же становилось невыносимо жарко — надо было поискать тень. Но предварительно следовало заметить место, где находится по ту сторону пространства резонатор. Мы построили из камней холмик и воткнули в него деревянный стержень с тряпкой.

Расположенные неправильным треугольником, солнца стояли уже сравнительно высоко. Первое, средней величины, было несколько светлее нашего Солнца; второе, самое большое, имело оранжевый цвет; третье, меньшее из всех, испускало ослепительно белые лучи с фиолетовым оттенком.

Мы не снимали более темных очков: море света было невыносимо для глаз. На поверхности почвы уже нельзя было различить никаких неровностей — все слилось в ослепительно сверкающую белую равнину.

Мы поспешили укрыться в тени ближайших гор.

В тени стало несколько легче, но ненадолго: солнца поднимались все выше. Раскаленные шлемы пришлось давно снять и обвязать головы платками, а также сбросить все доспехи и верхнюю одежду. Кожа на руках была обожжена и мучительно горела. Самочувствие ухудшалось. А голод и жажда заставляли нас легкомысленно покончить с провиантом и остатками воды.

— Придется вернуться на Землю, — сказал профессор. — Но теперь мы уже знаем, чем необходимо запастись, отправляясь сюда. Мы привлечем ряд лиц, которые уже не сочтут нас более фантазерами и не побоятся примкнуть к нам. Мы сорганизуем большую международную экспедицию для исследования этой планеты. Это будет небывалым событием в истории человечества!

Едва волоча ноги, мы двинулись к исходному пункту.

— Включите резонатор! — скомандовал профессор.

Я стал вращать ручку магнето, ожидая открытия «люка» и шума искрящихся лучей. Но тишина не нарушалась.

— Дайте мне... проверить аппаратуру, — неестественно медленно произнес профессор.

Он проверял и пробовал, крутил и вращал, настраивал и перестраивал. И снова пробовал. Но ничто не помогало.

Томительно текли долгие минуты. Дрожащими руками профессор продолжал свою работу. Но все его попытки по-прежнему были бесплодны. Тогда он оставил магнето в покое и сел. Лицо его было бело, с висков сползали крупные капли пота.

— Все кончено, — хрипло проговорил он. — Мы не вернемся отсюда.

Солнца поднимались все выше.

Я тряхнул отяжелевшей головой и сказал:

— Почему, дорогой мистер Брукс, вы потеряли всякую надежду? Быть может, в коттедже случайно прерван ток?

— Нет, — жестко отрезал он. — Причина несчастья гораздо страшнее и глубже, чем вы думаете. Мужайтесь и слушайте: пространства смещаются, а планеты летят в них с огромными скоростями. Уже миллионы миль отделяют нас от Земли.

Мы смолкли, покорно отдавшись судьбе. Потянулись часы мучительной жажды, голода и разьедающей весь организм слабости.

Внезапно меня осенила мысль, которую я не замедлил высказать:

— Мистер Брукс! А мистер Брукс?!

— Да?..

— Земля пробегает вокруг Солнца тридцать километров в секунду. Планета, на которой мы находимся, также движется. Кроме того, смещаются и сами пространства. Так ведь?

— Да, так.

— Почему же в таком случае, когда мы попали сюда, резонатор стоял неподвижно, пока я не выключил его?..

— Признаюсь, вы озадачили меня. Не могу создать в настоящий момент никакой гипотезы. Наш жалкий трехмерный мозг не в состоянии постичь структуру четырехмерного мира.

Стало как-то легче: отчасти от понизившейся к вечеру температуры, отчасти от высказанной мною мысли, возбуждившей в глубине души маленькую надежду.

Закат солнца оказался не менее прекрасным, чем восход. Сумерек почти не было, и вскоре мы очутились в такой же тьме, как вчера. День длился около пяти часов.

Затем началось повторение грандиозного лунного зрелища прошлой ночи. Но теперь нас, затерявшихся и погибающих в чужом и чуждом мире, уже не подавляло величие этой неземной красоты.

— Я думаю над вашим вопросом, Брайт. Гипотез и теорий много. Но даже в лучшем случае найти в бесконечном пространстве этого мира точку, где находится в данный момент Земля с резонатором, безнадежнее, чем отыскать в Тихом океане потерянный атом. Как видите, утешительного мало.

«Сатурн» заходил. Прошел еще один долгий час.

— Мистер Брукс, с тех пор как мы покинули Землю, вы не сомкнули глаз. Я прошу вас, несмотря ни на что, поспать.

— Вы заботитесь обо мне, как сын об отце, дорогой Брайт. Хорошо, я попытаюсь — в прошлый раз вы мне уступили.

Несмотря на трагизм положения, профессор вскоре уснул.

Мне стало как-то все безразлично. Впав в апатию, я лишь усиленно старался отгонять мысли о жажде и голоде.

Горизонт засветился и стал алеть. Восходило первое солнце. Так как бояться здесь было некого, я последовал примеру профессора: оперся о свой мешок и погрузился в забытьё.

* * *

Когда я проснулся, Джемс Брукс был уже на ногах. Он заботливо укрыл меня во время сна от палящих лучей солнца, уже высоко стоявших в небе.

— Что теперь... Брайт? — тихо спросил он, не глядя на меня.

— Теперь надо все же укрыться в тени.

Ощущение голода несколько притупилось, но жажда стала невыносимой. Напрягая остатки сил, мы с трудом достигли ближайшего убежища и в изнеможении опустились на «землю».

Солнца во всем своем великолепии заметно передвигались по идеально чистому небу. Мы ни разу не заметили здесь ничего похожего на облако.

Бездумно всматриваясь в глубокую, пустую синеву горизонта, я внезапно обнаружил какую-то точку. Лениво вынул из мешка подзорную трубу и занялся наблюдением.

— Что вы открыли там, Брайт? — вяло протянул профессор.

Я не ответил — мое внимание было приковано к приближавшимся с большой скоростью девяти продолговатым предметам.

Джемс Брукс поднял голову.

— Что там такое? — настойчиво повторил он вопрос.

Я молча протянул ему трубу. Судя по тому, как быстро он выхватил ее из рук, выражение моего лица, по-видимому, сильно изменилось.

— Брайт! Это люди, живые существа! Мы спасены!..

* * *

Через несколько мгновений неподалеку от нас опустились изящные эллипсоиды метров десяти в высоту и двадцати пяти в длину. Их поверхность состояла из шестиугольных блестяще-черных, как полированный мрамор, граней: серебристые оправы граней сверкали на солнцах. Ни крыльев, ни пропеллеров у этих воздухоплавательных снарядов не было.

— Брайт! Здесь должны быть необычайно культурные существа. Их техника выше нашей — они на тысячелетия опередили нас!

В серединах снарядов виднелись очертания кругов. Круги-диски стали вращаться и через минуту отскочили в сторону. Из проемов вышли человекообразные существа.

— Брайт! Они прилетели с «Сатурна»! Это сатурниты!..

Бросались в глаза серебристо-блестящая чешуйчатая поверхность тела, головы и лица этих существ и их рост, превышав-

ший, на глаз, два с половиной метра. Благодаря чешуе они производили впечатление стаи огромных фантастических человекокорыб. Пропорционально сложенные, они были очень стройны.

Легкой поступью неведомые существа быстро направились к нам. Казалось, они не случайно на нас набрели и даже не искали нас, а знали, что мы здесь находимся, и специально из-за нас прилетели. В движениях великанов чувствовался общий гармонический ритм. Они были страшны своим ростом, и я растерянно пробормотал:

— Спасение ли это?.. Не преждевременна ли ваша радость? Так называемые «цивилизованные люди» бывают хуже зверей. Сатурниты остановились. Один из них отделился от группы и подошел к нам...

Я убедился, что он был совершенно человекообразным существом. «Что же, — подумал я. — Отсюда следует, что структура нашего тела наиболее целесообразна. Здесь действует, очевидно, общий для организмов всех миров закон, на основании которого филогенетический процесс завершается формой человеческого тела».

Сатурнит протянул к нам руку, мы инстинктивно отшатнулись. Тогда он отошел к своим товарищам, но тотчас же вернулся с какими-то плодами. Это был уже явный акт дружелюбия.

— Берите же, Брайт!

Профессор улыбался. Он с восхищением смотрел на наших гигантских спасителей. Я робко взял плод и начал его есть. Он был чудесен! Появился и сосуд с водой — самой настоящей и притом холодной водой... Затем нам принесли пищу. Необыкновенно вкусная! Мы попытались угадать, из чего она приготовлена, но не смогли.

Утолив голод и жажду и придя в себя после первых впечатлений, мы снова ощутили невыносимую жару. Сатурниты же, по-видимому, несколько от нее не страдали: как ни в чем не бывало они стояли под палящими лучами солнц с непокрытыми чешуйчато-безволосыми головами... Но вот один из них вошел в снаряд и вернулся оттуда с... чешую в руках!

— Так это... одежда!..

Мы переглянулись и расхохотались. Сатурнит издал звук — мелодично-протяжное «и-ии».

Как только чешуя была вручена нам, мы сбросили с себя тяжелое, грубое земное облачение и через минуту щеголяли в новых «костюмах». Они пришлись как раз впору — это был, очевидно, «детский размер».

— Выступить бы в этом «смокинге» в университете на лекции... — пробормотал профессор, ощупывая свои блестящие рукава. — Мои дорогие коллеги уже давно подозревают, что я не в своем уме...

Своеобразный наряд, эластичный и легкий, оказался необычайно прохладным; мы сразу почувствовали себя свободно и бодро. Искусно сотканный из отдельных блесток, он плотно, но вместе с тем мягко и нежно облегал все тело и лицо. Его блестящая поверхность отражала максимум солнечных лучей, которые, казалось, совершенно не падали на наши головы.

Сатурнит, подавший нам чешую, явно выражал намерение

беседовать с нами: плавно двигая руками, он указывал на нас, на небо и почву.

— Ба! — воскликнул профессор. — Естественный вопрос: он спрашивает, откуда мы взялись и как сюда попали. Но как им объяснить это? Вот действительно задача! Попытаемся.

Профессор достал карандаш и записную книжку. Несколько сатурнитов окружили его. Джемс Брукс стал чертить геометрические фигуры и системы координат, желая навести этим на мысль о четвертом измерении. Когда он кончил, спрашивавший протянул руку к исписанным листкам. Профессор вырвал их и отдал ему.

— Не продемонстрировать ли им теперь нашу аппаратуру, Брайт, как вы думаете?

Я покорно достал магнето. Поднял и показал его. Покрутил ручку и...

...и в тишину ворвались жужжанье и свист; взрывом проломилось пространство; в зияющем черном провале за-

сверкали каскады искр.

— Брайт!..

— У-ва-уу!.. — хором вырвалось из уст зрителей.

— Брайт! Мы сможем вернуться на Землю! Но нет, нет, нет, теперь... Сначала отправимся с ними! А, Брайт?..

Но ко мне еще не вернулся дар речи.

Тогда Джемс Брукс обвел взором величественную толпу сверкающих на солнце великанов и медленно произнес:

— Никогда еще, дорогой мой юноша, я не испытывал такого прилива гордости, как в момент этой невольной демонстрации трудов моей жизни перед этой достойнейшей аудиторией!

— И я горжусь! — прорвало меня наконец. — Вами, вами, дорогой мистер Брукс!

Мы яростно трянули чешуйчатые руки друг друга... Но сатурниты разлучили нас — схватили, высоко подняли и понесли к снарядам. С пением «и-в-у-и» последовали за ними все остальные.

Солнца катились к горизонту.

* * *

Сатурниты быстро разместились по снарядам и завинтили диски.

Внутреннее пространство эллипсоида представляло собой огромный зал. Шестиугольные грани, выглядевшие снаружи черными, оказались полупрозрачными — пропускали мягкий, ровный свет.

Сложная, гармонично расположенная обстановка производила впечатление легкости и совершенства. Мозаичные подобию столов, диванов и кресел, как и множества различных других предметов и приспособлений, поражали богатством цветов и форм чуждой нам красоты. Все искрилось и блестело, но мягко, не резало глаз, при повороте же головы меняло тон. Воздух был пропитан приятным ароматом. И никаких машин...

Темнело. Грани медленно засветились голубым... Причудливо переливаясь голубыми тонами, обстановка приобрела сказочный, фантастичный вид.

Все сели. Ощутилась возрастающая тяжесть в ногах; какая-то сила прижала тело к сиденью и спинке кресла. Очевидно, снаряд стал ускоренно двигаться — под большим углом к горизонту. Произошло это плавно и бесшумно. Ощущение тяжести в ногах и теле вскоре стало исчезать.

— Но где же все-таки машины?..

— Не видно... Да, Брайт, нам так же трудно понять механику этого полета, как дикарю — действие радиоприемника. Посмотрим, однако, как далеко мы улетели от нашей луны.

Я стал искать ее глазами в шестиугольных окошках, но ничего не увидел: испуская голубой свет, они потеряли прозрачность...

Сидевший возле нас сатурнит указал вниз. Семь окошек, прекратив свечение, стали кристально прозрачными... Поле зрения занимал огромный блестящий серп.

— Судя по видимым размерам планеты, мы удалились от нее уже на тысячи миль. Нет, Брайт, тут что-то не сходится: при ускорении, необходимом, чтобы покрыть за такое малое время подобное расстояние, далеко не достаточно чувствовать

Рисунки Г. КОВАНОВА

только некоторую тяжесть в теле. Здесь действуют какие-то специальные приспособления сатурнитов. Изумительная техника!

Сатурнит подвел нас к одному из столов и наклонил его доску. Мы увидели на темном фоне изображение «Сатурна» с четырнадцатью лунами. Огненно-желтые, они двигались и вращались. Я заглянул под стол.

— Напрасно ищете, Брайт, ничего там не найдете. Не сомневаюсь, что это изображение транслируется с их планеты.

Обратив наше внимание на видневшийся в окошках серп, сатурнит указал один из спутников «Сатурна» на изображении. Ясно: нас сняли с этой луны!

— А спросите-ка его, Брайт, куда мы летим, — спровоцировал меня Джемс Брукс.

Я обвел руками пространство эллипсоида, вытянул палец в направлении полета, а затем к столу. Сатурнит указал не центральную планету, а один из ее спутников.

— Он не понял, мистер Брукс.

— Прекрасно понял, Брайт. И дал правильный ответ — мы летим именно на эту луну.

— Ах, так вот чем объясняется, что сатурниты не страдали на покинутой нами планете от сравнительно слабых тяготения и атмосферного давления! Они не с «Сатурна»!..

Сатурнит прислушивался к нашему разговору...

— Мистер Брукс, а вам не кажется, что он... понимает, о чем мы говорим?..

— Давно кажется, Брайт. Мы не знаем, что это за существа и какие у них способности...

Один из сатурнитов поднял руку, другой обхватил нас за талии. Снаряд плавно опрокинулся «вниз головой»... Мы забарахтались, как пойманные лягушки, — потеряли свой вес.

Через несколько мгновений мы снова стояли на полу, но теперь под ним была планета, к которой мы приближались. Сатурниты проделали этот сложный межпланетный фокус с поразительной ловкостью, спокойной уверенностью и быстротой.

Когда наши талии были освобождены, мы беспомощно повисли, потеряв всякое чувство ориентировки. Потолок, стены и пол смешались... Мы застывали в пространстве в любом положении, а при движениях руками и ногами летели в различных направлениях.

— Мы свободно падаем на планету под действием ее «земного ускорения», — рассуждал профессор, расположенный перпендикулярно мне, касаясь головой моей головы.

— Почему вы так странно стоите, мистер Брукс?..

— Я-то стою прямо — это вы прицепились ко мне под углом!

Я попытался привести Джемса Брукса в параллельное себе положение, но стукнулся носом о его ногу, и мы разлетелись в разные стороны. Ударившись попутно о какого-то сатурнита, я благополучно достиг головой стены. Профессор ухитрился примкнуть левой ногой к потолку; правая болталась в воздухе.

— Брайт, зачем вы стали на голову?

— Я думаю о том, почему резонатор начал вдруг действовать. А в этой позе удобно размышлять.

— Можете стоять на голове целый день — не поможет. Предполагаю, что главная причина, — рассуждал профессор, плавно покачиваясь, подобно шару с водородом, вокруг своей ненадежной точки опоры, — в относительности времени. В разных мирах оно может различно...

Слишком энергично взмахнув рукой, Джемс Брукс лишился всякой опоры. Но тем не менее мужественно продолжал:

— ...различно протекать. Однако возможны совпадающие моменты. В такие именно моменты резонатор и должен отвечать на призывы магнето.

Сатурниты привыкли, очевидно, к подобным полетам — они свободно витали в пространстве. Что же касается предметов, то большинство их было прикреплено к поверхностям, которые недавно назывались «полом», «потолком» и «стенами». Практически же таких здесь не было — содержимое снаряда равномерно распределялось по всей его эллиптической поверхности. А различные неприкрепленные мелочи плавали в воздухе и при прикосновении к ним разлетались в стороны. У сатурнитов были специальные удочки с крючками и сетками, так что им не стоило труда поймать любой предмет.

— Давайте, Брайт, помечтаем, — предложил профессор, переворачиваясь на «потолке» на другой бок. — Если гипотеза, которую я высказал, справедлива, мы сможем попасть в другие солнечные системы. Перенеся оборудование на планету сатурнитов, мы перешагнем вторую границу миров и попадем в третье пространство. Так мы облетим с вами ряд миров вселенной!

Охвативший меня восторг должен был вылиться в движение. Потрясенный услышанным, забыв о весе своего тела, я бросился обнимать Джемса Брукса.

— Осторожно! Тихе! Разобьете себе голову!..

Но было уже поздно: кувыркаясь и размахивая безудержно болтавшимися руками и ногами, я полетел отнюдь не в желаемом направлении. При описании мертвой петли один из сатурнитов подцепил меня удочкой за ногу и сунул под некое подобие дивана. Я оказался в тихой пристани.

Профессор осторожно, во избежание непредвиденностей, расхохотался.

— Держитесь там спокойно и не шевелитесь, Брайт. Своей неудачной выходкой вы сбили меня с мысли. Так вот: мы войдем в контакт с сатурнитами и будем вместе работать. У них должны быть ученые, по сравнению с которыми мы окажемся школьниками. Мы воспользуемся их техникой — перенесем межпланетные снаряды на Землю и облетим всю нашу солнечную систему! Спокойно, спокойно, Брайт! Не вылезайте оттуда!

— М-да... — сдержанно промычал я, обогащенный опытом.

* * *

Тела стали тяжелеть и плавно опускаться: ускорение падающего снаряда, очевидно, искусственно уменьшалось.

Рядом со мной стоял профессор. Один из сатурнитов указал на окошки под ногами. Мы увидели ярко-белую планету в фазе

полнолуния. Затем проявились семь граней сбоку, в которых показался маленький желтый серп покинутой нами луны.

Планета, на которую мы стремительно падали, быстро увеличивалась, выходя за пределы поля зрения.

— Вскоре мы прибудем, — объявил профессор, держа в руках свой хронометр. — Сатурниты пересекают пространство с непостижимой для наших понятий быстротой!

На нашей луне уже отчетливо виднелись черные океаны и матовые материка.

— Чувствуете, Брайт, что становится все теплее?

— Да, мы вошли, очевидно, в сферу тепла планеты.

— Не потому: это происходит вследствие сопротивления атмосферы. Вспомните о метеорах. Метеориты раскаляются и испаряются, а этим снарядам ничего! Только внутри немного теплее...

Все сели. Я ощутил быстрое увеличение веса и вторично оказался прижатым к сиденью и спинке кресла.

Затем почувствовался легкий толчок снизу. Через минуту отскочил диск снаряда. В проем хлынул поток яркого дневного света.

— Полет продолжался 6 часов и 23 минуты! — восхищенно воскликнул профессор. — Это изумительно и невероятно! Мы не оценили еще, Брайт, их бесподобную, блестящую технику: межпланетный полет далеко не прост! Я преклоняюсь перед ними — они гении по сравнению с нами!

Сатурниты собрались у выхода, уступая нам первым дорогу. Отяжелевшие ноги плохо слушались; сатурниты взяли нас под руки, и мы с волнением вступили на почву Новой Земли.

ВОКРУГ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Жюль Верна называли изобретателем без мастерской. Один из образованнейших людей своего времени, он внимательно следил за всеми новинками науки и техники. Модели механизмов, действовавшие в мастерских изобретателей, машины, существовавшие только в проекте, открытия, которые не вышли из стен лабораторий, он дорисовывал в воображении, представлял в законченном, идеальном виде. Он изображал желаемое как уже осуществленное, и в этом, может быть, заключается главная задача научно-фантастической литературы. Жюль Верн был ее основоположником и первым общепризнанным классиком.

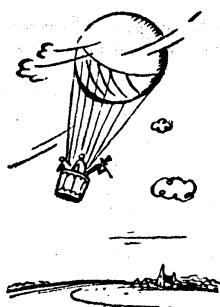
За сорок с лишним лет непрерывной творческой работы он написал шестьдесят пять фантастических и приключенческих романов, составляющих грандиозную серию «Необыкновенные путешествия».

Осенью 1871 года, находясь в расцвете своей славы, Жюль Верн покинул Париж и поселился в Амьене, где оставался до конца своих дней (он умер в 1905 году). В этом спокойном провинциальном городе, в двух с половиной часах езды от Парижа, он мог без всяких помех заниматься своим делом, не теряя связи со столицей.

Здесь знаменитый писатель создал большую часть своих книг. Его жизнь из года в год шла своим заведенным порядком, в непрерывных трудах, перемежавшихся редкими поездками в Париж к издателю Этцелю, который выпускал его «Необыкновенные путешествия», или экскурсиями на самоходной яхте «Сен-Мишель», которая терпеливо дожидалась своего хозяина на рейде в Соммской бухте.

Его дом находился на краю города, на углу улицы Шарля Дюбуа и бульвара Лонгевиль. Над крышей возвышалась круглая каменная башня, и в этой башне на третьем этаже писатель устроил себе кабинет. Трудно было придумать более скромную обстановку: узкая железная кровать, напоминавшая койку матроса на корабле, письменный стол, кожаное кресло, старенькое бюро с выдвигаемыми ящиками, где всегда были под рукой тысячи самодельных тетрадок с выписками и справками на все случаи жизни — незаменимое подспорье в работе, — и в качестве украшения бюсты Мольера и Шекспира на каминной полке.

Трудовой день Жюля Верна начинался в пять утра. Из окон своего кабинета он видел и зимой и летом, как над Амьеном вставало солнце. Паровозные гудки, доносившиеся с вокзала, провожали его героев в дальние странствия.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ

НА

ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Вы, наверное, видели превосходный чешский фильм Карела Земана «Тайна острова Бек-Кап»? В нем оживают старинные иллюстрации к романам Жюль Верна, показан мир его техники. Игра актеров удачно комбинируется с рисованными кадрами, напоминающими гравюры Риу, Бенетта, Невилля, Фера и других художников, долгие годы работавших в содружестве с писателем. Голос диктора восторжен, а сама техника по нынешним временам наивна. Получается остроумнейший контраст: фантастические машины, восхищавшие когда-то читателей Жюль Верна, сейчас вызывают только улыбку.

...По воздуху плывет корабль. Вместо парусов на мачтах укреплены медленно вращающиеся двухлопастные винты.

Аэростат с температурным управлением. Под гондолой подвешена жаровня для нагрева газа.

Управляемый аэростат сигарообразной формы. Пилот вертит велосипедные детали, приводя в движение воздушный винт.

Подводные лодки разных конструкций — с плавниками, заменяющими весла, с гребными винтами, работающими от pedalного привода, и — чудо техники! — электрическая. Но как лениво ходят неуклюжие шатуны и каким допотопным кажется машинное отделение!

Воздушные и подводные аппараты, придуманные Жюлем Верном или существовавшие в проектах изобретателей, соседствуют с всамделишными машинами вроде «первобытного» локомотива с громадной трубой — воронкой и смешными вагончиками, похожими на дилижансы.

Тут имеются и нарочитые временные смещения: кое-что перенято из самого начала XIX века. В изображении фантастических машин легко уловить и оттенок шаржа. Но все вместе взятое дает представление об уровне технической мысли столетней давности.

Жюль Верн с юношеских лет мечтал о воздушном полете, но осуществилась его мечта только осенью 1873 года. Этот любопытный факт из жизни Жюль Верна, возможно, остался бы неизвестным, если бы один из французских почитателей его таланта, просматривая старые комплекты «Амьенской газеты», случайно не натолкнулся на объявление, оповещавшее о выходе из печати брошюры Жюль Верна

«Двадцать четыре минуты на воздушном шаре». Заметка об этой находке была помещена в очередном выпуске бюллетеня «Жюльверновского общества».

Брошюры Жюля Верна не оказалось ни в одном из наших книгохранилищ. После бесплодных поисков мне удалось в конце концов ознакомиться с ее текстом с помощью известного знатока творчества Жюля Верна итальянского профессора Эдмондо Маркуччи, который на протяжении многих лет собирал коллекцию произведений Жюля Верна на разных языках. В обширной «Жюльверниане» итальянского ученого нашлось и это редчайшее издание. Текст забытого очерка Маркуччи прислал перепечатанным на машинке, в виде брошюры такого же миниатюрного формата, как она была издана редакцией «Амьенской газеты». Крохотная книжечка в 12 страниц снабжена титульным листом: «Двадцать четыре минуты на воздушном шаре. Письмо Жюля Верна редактору «Амьенской газеты» от 29 сентября 1873 года».

Читая этот очерк, невольно думаешь о том, как сильно отличается смелая фантазия Жюля Верна романиста от реальных впечатлений, навеянных его единственным полетом на воздушном шаре!

Вот как описывает Жюль Верн свои впечатления:

«Дорогой г-н Жене! Посылаю Вам мои заметки о подъеме на воздушном шаре «Метеор», которые Вы хотели от меня получить».

Вам известно, при каких условиях должен был произойти подъем: воздушный шар — относительно небольшой, емкостью в 900 кубических метров, весом вместе с гондолой и оснасткой в 270 килограммов, наполнен газом, превосходным для освещения, но весьма посредственным для полета. Поднятые должны были четыре человека: воздухоплаватель Эжен Годар, адвокат Деберли, лейтенант 14-го полка Мерсон и я.

В последнюю минуту выясняется, что поднять столько людей невозможно. Г-н Мерсон, уже не раз совершавший полеты вместе с Эженом Годаром в Нанте, решил уступить место г-ну Деберли, который, как и я, впервые пускался в воздушное путешествие. Уже должна была прозвучать традиционная команда: «Отдать концы!», и мы готовы уже были оторваться от земли... как в гондолу неожиданно забрался сын Эжена Годара, бесстрашный девятилетний сорванец, ради которого пришлось пожертвовать двумя мешками балласта из четырех, имеющихся в запасе. В гондole осталось летать два мешка! Никогда еще Эжену Годару не приходилось летать в таких условиях. Поэтому подъем не мог быть продолжительным.

Мы отчалили в 5 часов 24 минуты, медленно поднимаясь вверх. Ветер относил нас к юго-востоку, небо было чистым. Только далеко на горизонте виднелось несколько грозовых туч. В 5 часов 28 минут мы уже парили на высоте 800 метров по показанию анероида.

Вид города был поистине великолепен. Лонгевильская площадь напоминала муравейник с копошащимися на ней красными и черными муравьями — так выглядели люди в воен-

ном и штатском платье. Шпиль кафедрального собора, опускаясь все ниже и ниже, отмечал наподобие стрелки непрерывность нашего подъема.

Однако мы не ощущали никакого движения: ни горизонтального, ни вертикального. Горизонт все время казался на одной и той же высоте. Мы наслаждались абсолютной тишиной, полнейшим покоем, который нарушался только жалобным скрипом ивовых прутьев, державших нас в воздухе.

В 5 часов 32 минуты солнце восходит из-за туч, обложивших горизонт на западе, и обогревает оболочку шара. Газ расширяется, и мы достигаем высоты 1200 метров, не выбросив ни одного мешка с балластом. Это максимальная высота, достигнутая нами в течение всего полета.

Вот что открылось нашему взору.

Внизу, под ногами, Сент-Ашель с его чернеющими садами, которые уходят куда-то вдаль, словно рассматриваешь их сквозь большие стекла бинокля. Кафедральный собор кажется сплюснутым, а шпиль его попадает на одну плоскость с домами, находящимися у городской черты. Сомма извивается тонкой светлой лентой, железнодорожные колеи похожи на волосные линии, нанесенные рейсфедером; улицы напоминают спутанные шнурки, сады можно уподобить витрине зеленщика, поля кажутся набором разноцветных образчиков материй, которые в былые времена вывешивали у своих дверей портные, и весь Амьен представляется нагромождением маленьких серых кубиков. Так и кажется, будто на ровное место высыпали коробку с нюрнбергскими игрушками. Дальше мы видим окрестные деревни — Сен-Фюсьен, Вилье-Бретонно, Ля-Невиль, Бов, Камон, Лонго — все это напоминает лишь груды камней, разбросанных там и сям для какого-то гигантского сооружения.

Несмотря на то, что нижний отросток аэростата Эжен Годар держит всегда открытым, ничто не выдает присутствия газа.

Отяжелевший «Метеор» вскоре начинает снижаться. Чтобы затормозить спуск, выбрасываем балласт. Кроме того, опорожняем мешок, набитый рекламными объявлениями. Тысячи листков, реющих по ветру, указывают на большую быстроту воздушных струй в нижних слоях атмосферы. Перед нами — Лонго, но деревню отделяет от нас множество болотистых впадин.

— Неужели мы приземлимся на болоте? — спросил я Эжена Годара.

— Нет, — ответил он, — если у нас даже не останется балласта, я выброшу рюкзак. Мы должны во что бы то ни стало миновать это болото.

Мы спускаемся все ниже. В 5 часов 43 минуты, когда мы находимся уже в пятистах метрах от земли, нас настигает пронзительный ветер. Мы пролетаем над заводской трубой и заглядываем в ее жерло. Отражение воздушного шара, словно мираж, перебегает от одного болотца к другому; люди, походившие на муравьев, заметно подросли, они спуют по всем дорогам. Между железнодорожными линиями, близ разъезда, я замечаю удобный лужок.

— Попадем? — спрашиваю я.

— Нет. Мы перелетим через железную дорогу и поселок, что находится за ней, — отвечает Эжен Годар.

Усиливается ветер. Мы замечаем это по колышущимся деревьям. Невиль уже позади. Теперь перед нами равнина. Эжен Годар сбрасывает гайдроп, и мы приземляемся без малейшего толчка. Шар опускается, словно мощная большая птица, а не как дичь с подбитым крылом.

Через двадцать минут из шара выпущен газ, его свертывают, кладут на повозку, а мы отправляемся в карете в Амьен.

Вот, дорогой г-н Жене, мои короткие, но вполне точные впечатления.

Позвольте мне еще добавить, что ни простая прогулка по воздуху, ни даже длительное воздушное путешествие насколько не опасны, если совершаются под управлением такого смелого и опытного воздухоплователя, как Эжен Годар, имеющего на своем счету более 1000 полетов в Старом и Новом Свете».

Очерк Жюль Верна заканчивается похвальным словом Эжену Годару, который, по словам писателя, «благодаря своему опыту, выдержке, глазомеру является настоящим властителем воздуха».

Чем интересен этот забытый очерк? Помимо того, что он дает очень точное представление о примитивных условиях полета на воздушном шаре, мы ощущаем, какая огромная пропасть лежала между научной фантазией писателя и реальными возможностями воздухоплавания XIX века. В то время, когда Жюль Верн совершил этот скромный полет над Амьеном, его мужественные герои успели уже покорить не только воздушную стихию и глубины Мирового океана, но и проникнуть в бездны космоса!

ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД

Сделавшись гражданином Амьена, Жюль Верн принял деятельное участие в общественной и культурной жизни города. Свыше пятнадцати лет он безупречно выполнял обязанности муниципального советника и, насколько это было в его силах, старался улучшить положение амьенской

бедноты. Он пытался с помощью муниципалитета добиться снижения квартирной платы и налогового обложения недвижимых граждан, но изменить законы буржуазного государства писателю, конечно, не удалось. Тем не менее его бескорыстная общественная деятельность приносила определенную пользу. И не случайно именно в эти годы он обращал свою творческую фантазию на «создание» благоустроенных городов будущего, с тщательно продуманной планировкой и прекрасной архитектурой (романы «Пятьсот миллионов бегумы», «Плавучий остров» и др.).

Жюль Верн был действительным членом Амьенской академии, старейшего научного учреждения Пикардии, основанного в XVIII веке. В 1874, 1875 и 1881 годах он избирался ее директором и неизменно, два раза в неделю, присутствовал на заседаниях. В «Записках Амьенской академии» он напечатал фантастический очерк «Идеальный город» и два рассказа — «Десять часов на охоте» и «В XXIX веке. Один день из жизни американского журналиста в 2889 году».

Рассказы потом перепечатывались и переводились на разные языки, а очерк «Идеальный город», опубликованный только однажды в провинциальном издании, оказался в числе забытых произведений Жюль Верна.

Мне очень хотелось прочесть этот очерк, но ни в одной библиотеке не удалось найти «Записок Амьенской академии». Пришлось еще раз обратиться за помощью к профессору Эдмондо Маркуччи. Он попросил своего знакомого, живущего в Амьене, снять фотокопию, и уже через месяц «Идеальный город» Жюль Верна лежал у меня на столе. Бандероль прибыла из Италии почти одновременно с печальным известием о смерти Эдмондо Маркуччи — в августе 1963 года¹.

«Идеальный город» — причудливая шутка в форме фантастического сновидения. Сравнивая Амьен своего времени с воображаемым городом 2000 года, писатель высмеивает разные недостатки и выражает пожелания на будущее. Многие подробности и шуточные намеки интересны были только амьенцам, и потому, наверное, автор не счел нужным перепечатывать свою юмористическую фантазию.

«Дамы и господа! Разрешите мне пренебречь обязанностями директора Амьенской академии и заменить традиционную речь рассказом о приключении, случившемся со мною лично», — сказал писатель, открывая заседание Амьенской академии 12 декабря 1875 года. И дальше следует изложение фантастического сна.

Вернувшись к себе домой, на бульваре Лонгевиль, из лица, где он присутствовал при распределении наград учащимся, Жюль Верн прилег отдохнуть и крепко заснул.

«У меня стародавняя привычка вставать ни свет ни заря. Но по какой-то непонятной причине я проснулся очень

¹ Об Эдмондо Маркуччи и его деятельности в защиту мира я рассказал в заметке, напечатанной в «Неве», 1962, № 10 (стр. 217—218).

поздно... Солнце стояло в зените, была чудесная погода. Я открыл окна. Бульвар был заполнен гуляющими... Я быстро оделся, позавтракал и вышел на улицу, не подозревая, что меня ожидают самые невероятные сюрпризы».

Дойдя до улицы Лемерсье, он с удивлением увидел, что она сплошь застроена прекрасными зданиями и простирается так далеко, что не охватить взглядом. За одну ночь выросли новые кварталы, обрамленные садами и бульварами. Железнодорожный мост оказался на прежнем месте, но велик ему не козьи тропки, а широкое шоссе, вымощенное плитками из порфира.

«Какие изменения! Неужели этот уголок Амьена не заслуживает больше название «маленькой Лютеции»¹. Неужели теперь можно будет пройти здесь в дождливый день, не увязнув по щиколотку в грязи? Неужели не нужно будет шлепать по размокшей глине, ненавистной местным жителям?»

Всматриваясь в лица прохожих, он не нашел ни одного знакомого. Роскошные кафе, построенные в ультрасовременном стиле, были заполнены нарядной публикой. Из городского сада доносилась какая-то странная музыка.

«И в этой области все изменилось. Никакого музыкального ритма, никакого темпа! Ни мелодии, ни гармонии! Звук алгебра! Триумф диссонансов! Звуки, подобные тем, какие производят оркестранты до того, как прозвучат три удара дирижерской палочки! Но слушатели аплодировали с таким энтузиазмом, словно приветствовали ловких гимнастов.

— Не иначе как это музыка будущего! — невольно воскликнул я. — Неужели я нахожусь за пределами настоящего?

Об этом нельзя было не подумать, так как, подойдя к афише, на которой были перечислены программные вещи, я прочел поистине потрясающее заглавие:

«№ 1. Размышление в миноре о квадрате гипотенузы».

Тут требуется пояснение. Жюль Верн был хорошим пианистом и страстным любителем музыки. Уже в его время некоторые композиторы, объявлявшие себя новаторами, изгоняли из музыки ее первооснову — ритм и мелодию. Писатель попытался представить себе, во что же это может вылиться, если не прекратятся такие попытки, и в этом отношении оказался пророческим.

Как известно, в современной западной музыке нередко создаются именно такие «беспредметные», «алгебраические» произведения, о которых с иронией пишет Жюль Верн, словно ему удалось заглянуть на девяносто лет вперед!

Писатель убедился, что изменилась и техника исполнения музыкальных произведений.

Перед входом в концертный зал он увидел огромные рекламные щиты:

¹ Лютеция — в первоначальном значении «болотистое место». Когда-то так назывался поселок, на месте которого вырос Париж.

ПИАНОВСКИЙ,

пианист императора Сандвичевых
островов

«Я не имел ни малейшего понятия ни о самом императоре, ни о его придворном пианисте.

— А когда сюда прибыл этот Пиановский? — спросил я у какого-то меломана с большими оттопыренными ушами.

— А он сюда и не приезжал, — ответил амьенский старожил, глядя на меня с удивлением.

— Когда же он придет?

— Да он и не придет...

У моего собеседника был такой вид, будто он хотел спросить: «А сами-то вы как сюда попали?»

— Но если он не придет, то как же может состояться его концерт? — спросил я.

— Концерт уже начался.

— Здесь?

— Да, здесь, в Амьене, и одновременно в Лондоне, Вене, Риме, Петербурге и Пекине!

«Ну и ну, — подумал я. — Должно быть, все эти люди не в своем уме. А может быть, это вырвавшиеся на свободу обитатели Клермонского сумасшедшего дома?»

— Сударь, как это понять? — продолжал я.

— Прочтите внимательно афишу, и вы увидите, что этот концерт электрический.

Я взглянул на афишу. Действительно, в этот час знаменитый Пиановский играл в Париже в зале Герца, но электрическими проводами его инструмент соединялся с роялями Лондона, Вены, Петербурга, Рима и Пекина. И таким образом, когда он ударял по клавишам, соответствующие ноты звучали и на этих отдаленных инструментах, на которых клавиши приводились в действие электрическим током!»

Сейчас эти строки могут вызвать улыбку. Но не забудьте, они были написаны в 1875 году, за два десятилетия до открытия радио А. С. Поповым. Великий фантаст не додумался до возможности беспроводной связи. Она фигурирует только в одном из его поздних романов, написанных уже в те годы, когда «беспроволочный телеграф» стал применяться на практике.

Дальше идет подробное описание преобразившихся улиц и площадей Амьена, застроенных красивыми домами, выросшими точно по волшебству на месте унылых пустырей и грязных тупиков с отвратительными лачугами.

Пока писатель раздумывал, стараясь понять, что же прои-

зошло, его остановил какой-то незнакомец и заботливо осведомился о здоровье. То был врач, лечивший своих пациентов по новому методу.

И тут автор вводит комический диалог с ядовитыми намеками по адресу современных ему медиков.

«— Наши пациенты, — сказал врач, — платят нам только тогда, когда они здоровы, а если заболевают, мы не получаем ни одного су. И потому мы несколько не заинтересованы в том, чтобы пациенты болели... Покажите-ка ваш язык!»

Я послушно показал ему язык, но, признаюсь, вид у меня при этом был довольно жалкий.

— Так, так! — пробормотал незнакомец, осмотрев язык через лупу. — Обложен! А ваш пульс?

Я безропотно протянул ему руку.

Врач вынул из кармана какой-то инструмент и, приложив к моему запястью, получил диаграмму пульсации, которую тут же и прочел, как телеграфист читает депешу.

— Черт побери! Черт побери! — пробормотал он. И затем так поспешно сунул мне в рот термометр, что я не успел даже опомниться.

— Сорок градусов! — воскликнул он и побелел как бумага.

Его гонорары вылетали в трубу.

— Но что со мной, доктор? — спросил я, ошарашенный таким неожиданным способом измерения температуры.

— Гм! Гм!..

Да, я понял, что он хотел сказать, хотя ответ был не очень вразумительный...»

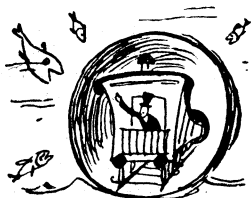
Разговор продолжается в том же духе. Диалог выдержан в стиле мольеровской комедии. Пациенту кажется, что он сошел с ума, а врач уверяет, что это только выпадение памяти, что болезнь его скоро пройдет, и он не теряет надежды ежемесячно получать свой гонорар...

В сопровождении доктора, охотно взявшего на себя роль гйда, Жюль Верн совершает прогулку по Амьену. Писатель замечает на каждом шагу признаки небывалого прогресса. В лицее одновременно обучается четыре тысячи человек. Вместо зубрежки латыни и древнегреческого ученики получают глубокие научные и технические знания. На правом берегу Соммы раскинулись новые промышленные районы столицы Пикардии, прорезанные широкими магистральями. Вместо дилижансов и омнибусов, запряженных лошадьми, по городу мчались трамвайные вагоны. О трамвае в те годы можно было только мечтать — это был транспорт будущего!

В парке Оуга, излюбленном месте прогулок пикардийской молодежи, была открыта индустриальная и сельскохозяйственная выставка. Здесь автор увидел всевозможные электрические механизмы, полностью вытеснившие ручной труд из всех отраслей промышленности и земледелия. Центробежные насосы выпивали целые реки, подъемники с пневматическими рессорами передвигали тяжести в три миллиона килограммов, «жнейки вырывали поле, как брадобрей заросшую щек». В одну из машин закладывали шерсть и тут же получали готовые костюмы...

Все эти чудеса привели писателя в такой восторг, что он невольно протянул руку и... опрокинул ночной столик. Грохот разбудил его, и он вернулся к действительности.

«Дамы и господа, — сказал Жюль Верн, закрывая свою шутовскую речь, — этим сном я хотел показать вам, каким представляется мне в мечтах Амьен в 2000 году».

НА ДНЕ ОКЕАНА

А вот еще один фантастический сон... Собирая материалы для книги о Жюле Верне, я решил выявить все, что было напечатано под его именем на русском языке. Среди бездны книг нашлось, между прочим, и несколько таких, которые были приписаны предприимчивыми книгоиздателями великому фантасту, но в действительности принадлежали другим, менее популярным или вовсе неизвестным авторам.

В старых газетах и журналах неожиданно обнаружились очень интересные вещи. Прежде всего многочисленные записи бесед Жюля Верна с корреспондентами французских, английских, немецких и русских газет. Высказывания писателя на научные и общественные темы, всевозможные замечания о его собственном творчестве и замысле основного труда его жизни, многолетней серии «Необыкновенных путешествий» — все это помогло уточнить некоторые биографические факты и восстановить творческую историю ряда произведений.

Так удалось найти и забытый рассказ Жюля Верна, который публиковался на русском языке в 1890—1893 годах под разными заглавиями и в разных переводах. В журнале «Всемирная иллюстрация» (1890, т. 2, № 9) он был озаглавлен «Курьерский поезд будущего», в журнале «Вокруг света» (1890, № 31) — «Через океан», в журнале «Природа и люди» (1893, № 1) — «На дне океана», в газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Самарские ведомости» — «Будущие поезда».

Сначала я подумал, что это четыре разных рассказа, но потом убедился, что внимание переводчиков привлек один и тот же небольшой рассказ знаменитого писателя, промелькнувший, по-видимому, в какой-нибудь парижской газете. Привожу его без всяких сокращений.

Благополучно спустившись по лестнице, мы вошли в огромный зал, освещенный ослепительными электрическими рефлекторами. Глубокая тишина, царившая здесь, нарушалась лишь шумом наших шагов.

— Где я? Зачем попал сюда? Кто этот таинственный проводник?.. — задавал я себе вопросы.

Ответов не было.

Продолжительная ночная прогулка, железные ворота, которые с шумом захлопнулись за нами, лестница, нисходившая, как мне казалось, в недра земли, — вот и все, что я мог припомнить. Впрочем, у меня и времени не было на размышления.

— Вам, наверное, интересно узнать, кто я такой? — начал мой проводник. — Ваш покорный слуга полковник Пирс... Где вы находитесь? В Америке, в Бостоне, на станции Компании пневматического трубопровода Бостон — Ливерпуль.

— На станции?

— Да, на станции.

И чтобы объяснить мне, в чем дело, полковник указал мне на два длинных железных цилиндра, около полутора метров в диаметре, лежавших на земле в нескольких шагах от нас.

Я взглянул на эти цилиндры, направо проникавшие в стену, а налево оканчивающиеся гигантскими металлическими щитами, от которых поднимался вверх и исчезал в потолке целый лес труб, — и сразу понял все.

Незадолго до того я читал в одной американской газете статью, где описывался необыкновенный проект соединения Европы с Новым Светом при помощи гигантских подводных труб. Автором этого проекта и был полковник Пирс, который в эту минуту стоял предо мною.

Я начал припоминать содержание статьи. В ней сообщалось много подробностей относительно этого предприятия.

Для его осуществления одного железа требовалось около 1 600 000 кубических метров, то есть 13 миллионов тонн. Для перевозки всей этой массы нужно было 200 пароходов по 2000 тонн вместимостью, причем каждому из них предстояло сделать по 33 рейса. Суда этой армады должны были подвозить свой груз к двум главным пароходам, к которым прикреплялись концы труб. Последние должны были состоять из отдельных кусков, каждый длиной в три метра, ввинченных друг в друга, скрепленных тройным железным панцирем и покрытых сверху гуттаперчевым чехлом. По этим трубам проектировалось с необыкновенной быстротой пускать вереницу вагонов, движимых сильным давлением воздуха, подобно тому, как в Париже пересылаются депеши с помощью пневматической почты...

Статья заканчивалась сравнением нового способа передвижения с железными дорогами. Автор высчитывал прибыли грандиозного сооружения и восхвалял преимущества новой системы перед старой: отсутствие действующей на наши нервы тряски благодаря шлифовке внутренней стальной трубы, одинаковая температура в тоннеле, регулируемая воздушной тягой, и баснословная дешевизна переезда. По его словам, благодаря скорости передвижения и шлифовке внутренней поверхности трубы трение будет самое незначительное, что обеспечит прочность и долгое существование проектируемой пневматической дороги.

Содержание статьи вспомнилось мне во всех подробностях.

Значит, мечты воплотились в жизнь, и эти два цилиндра, начинающиеся у моих ног, идут через Атлантический океан до самых берегов Англии! Несмотря на очевидную действительность, я все еще не мог поверить в это чудо. Что трубы проложены — это казалось возможным, но чтобы люди могли путешествовать в них — нет, с этим я никогда не соглашусь!..

— Да и возможно ли создать воздушную тягу, достаточную для такого огромного расстояния? — громко высказал я свое сомнение.

— Конечно, и даже очень легко, — сказал полковник. — Необходимое количество воздуха нагнетают громадные мехи, имеющие форму высоких печей. Воздух выбрасывается из них со страшной силой, и, гонимые этим вихрем, наши вагоны несутся со скоростью тысяча восемьсот километров в час, то есть со скоростью пушечного ядра. Поезд с пассажирами проходит расстояние в четыре тысячи километров, отделяющие Бостон от Ливерпуля, за каких-нибудь два часа и сорок минут.

— Тысяча восемьсот километров в час?! — воскликнул я.

— Да, и ничуть не меньше. И что за удивительные последствия такой быстроты! Часы в Ливерпуле показывают на четыре часа сорок минут больше, нежели у нас в Бостоне, и путешественник, выехавший из Бостона в девять часов утра, прибывает в Англию в тот же день, в три часа пятьдесят четыре минуты пополудни. Вот уж действительно можно сказать — быстро провести время!.. В обратном направлении поезда наши опережают солнце на девяносто и более километров в час, так что, покинув Ливерпуль в полдень, пассажир достигает Америки.. в девять часов тридцать четыре минуты утра, то есть раньше, чем он выехал из Ливерпуля! Не правда ли, это в высшей степени забавно?! Мне кажется, что передвигаться быстрее просто невозможно...

Я не знал, что и думать обо всем этом. Уж не с сумасшедшим ли я имею дело? Мог ли я поверить в эти чудеса, когда в моей голове непрерывно возникали все новые и новые возражения?

— Ну, ладно, пусть будет так, — сказал я наконец. — Допускаю, что путешественники изберут эту бешеную дорогу и что вам удастся достигнуть такой неслыханной быстроты. Но каким же образом вы остановите ваш поезд? Ведь при торможении все разлетится в прах!..

— Ничего подобного, — ответил полковник, пожимая плечами. — Между обеими трубами, из которых одна служит для езды в одну сторону, а другая — в противоположную и в которых вследствие этого воздушная тяга идет в обратном направлении, существует сообщение при выходе на каждый берег. Когда поезд приближается к берегу, то электрическая искра предостерегает нас об этом и летит в Англию, чтобы там уменьшила тягу, благодаря которой поезд мчится вперед. Теперь он уже движется дальше по

инерции, пока встречный ток воздуха из лежащей рядом трубы окончательно его не остановит. Впрочем, к чему все эти объяснения? Не лучше ли вам убедиться на собственном опыте?

И не дожидаясь моего ответа, полковник Пирс нажал на медный рычажок, блестящий на одной из труб. В ту же минуту стенка отодвинулась, и через образовавшееся отверстие я увидел ряд двухместных скамеек.

— Это вагон, — сказал полковник. — Входите поскорее.

Я вошел. Стенка тотчас же закрылась.

При свете лампы Эдисона, повешенной вверху, я с любопытством озирался вокруг. Ничего необыкновенного! Длинный цилиндр, хорошо отделанный внутри, с 50 креслами, расставленными попарно в 25 разных рядов, клапаны на обоих концах вагона, служащие для регулирования воздуха — сзади для пропуска свежего, спереди для выпуска испорченного, — вот и все.

После нескольких минут осмотра я уже начал терять терпение.

— Почему же мы не едем?

— Как не едем? Мы уже в дороге! — воскликнул полковник.

— В дороге? Не двигаясь?.. Да разве это возможно?..

Я с напряжением прислушивался, не слышно ли какого-нибудь шума, который указывал бы на движение вагонов. Если мы в самом деле тронулись со станции и если полковник не шутил, говоря о скорости в 1800 километров, то мы должны теперь находиться далеко от суши, под волнами океана. Над нашими головами беспокойно мечутся волны, и, может быть, в эту самую минуту киты, принимая нашу длинную железную тюрьму за гигантскую змею, ударяют о нее своими могучими хвостами!..

Я ничего не слышал, кроме тихого приглушенного рокота, и, погруженный в безграничное удивление, не веря в действительность того, что происходило, сидел и молчал. А время между тем летело.

Прошло около часу. Вдруг ощущение холода на лбу пробудило меня из оцепенения, в которое я мало-помалу погружился. Я поднял руку к лицу: оно было мокро...

Мокро! Почему? Уж не лопнул ли наш тоннель под давлением воды, давлением ужасающим, увеличивающимся на одну атмосферу через каждые 10 метров глубины? Уж не поглощает ли нас океан?.. Я был парализован ужасом. В отчаянии я хотел позвать на помощь, кричать... и... увидел себя в собственном тихом саду под сильным дождем, крупные капли которого и прервали мой сон.

Просто-напросто я уснул, читая статью, посвященную фантастическому проекту полковника Пирса, и во сне увидел его проект осуществившимся...

Как называется этот рассказ в оригинале? Где и когда он был опубликован? К сожалению, ответить на эти вопросы затруднительно, так как заняться сплошным просмотром французских газет, а может быть, и журналов конца 1889

и начала 1890 года (предположительное время публикации) — дело очень сложное и хлопотливое.

— Так посмотрите тогда французскую библиографию! — возраizat на это читатели.

В том-то и дело, что французские библиографы и биографы Жюль Верна умудрились каким-то образом «потерять» этот рассказ. Ни в одном французском списке произведений Жюль Верна он не значится.

— А нет ли тут ошибки? Может быть, этот рассказ все же и не принадлежит Жюлю Верну? Может быть, он ему только приписан?

Нет, ошибки тут быть не может. Этот рассказ наверняка принадлежит Жюлю Верну. Достаточно привести следующие соображения.

Несколько разных переводов, появившихся почти одновременно, позволяют утверждать, что оригинал был опубликован на французском языке под именем Жюль Верна и, следовательно, тут нет никакой подделки.

Кроме того, идея пневматического поезда, курсирующего между Европой и Америкой в подводном тоннеле, незадолго до появления этого рассказа была высказана Жюлем Верном в известном фантастическом очерке «В XXIX веке. Один день из жизни американского журналиста в 2889 году» (1889).

Жена миллиардера Беннета, отправившаяся в Париж «за шляпками», возвращается обратно в Америку по пневматической подводной трубе. «Эти подводные тоннели, — поясняет рассказчик, — по которым можно прибыть из Европы за двести девяносто пять минут, и в самом деле гораздо удобнее аэропоездов, летящих со скоростью какой-нибудь тысячи километров в час».

Таким образом, одна из сюжетных линий фантастического очерка «В XXIX веке» уже через несколько месяцев была обособлена и превращена в самостоятельный рассказ.

Есть и еще, правда, косвенные доказательства авторства Жюль Верна.

В свое время был популярен один из его молодых учеников и подражателей — Андре Лори, написавший около двух десятков фантастических и приключенческих романов, и лучший из них — «Найденый с погибшей «Цинтии» — в сотрудничестве с Жюлем Верном. Андре Лори — это псевдоним Паскаля Груссе (1854—1909), известного публициста и политического деятеля, активного участника Парижской коммуны, отбывавшего ссылку в Новой Каледонии. Известно, что Жюль Верн помогал ему разрабатывать фантастические сюжеты.

Из научно-фантастических романов Андре Лори самый удачный — «От Нью-Йорка до Бреста за семь часов» (1888), где описывается создание трансатлантического подводного трубопровода для транспортировки пенсильванской нефти. Находчивый изобретатель Раймунд Фрезоль, когда возникла настоятельная необходимость как можно быстрее переправиться в Европу, приспособляет металлический цилиндр и за несколько часов проносится в нем по трубе

с потоком нефти, которую перекачивают двигатели, получающие энергию от Ниагарского водопада.

Сама идея трансатлантического трубопровода и убедительное техническое обоснование «проекта» были подсказаны, по всей вероятности, Жюлем Верном, поскольку он сам, как мы знаем, обращался в этот период к подобным же темам.

С тех пор идея пневматического поезда в подводном тоннеле не раз фигурировала в фантастических произведениях. Из советских авторов сходный замысел воплотил в своем романе «Арктический мост» А. Казанцев.

Рассказ Жюля Верна, который вы только что прочли, представляет тем больший интерес, что эта техническая задача высказана им едва ли не впервые в научно-фантастической литературе.

Поскольку под руками не было оригинального текста (я уверен, он еще когда-нибудь найдется!), пришлось обратиться к старым русским переводам, взяв за основу помещенный в журнале «Природа и люди» под заглавием «На дне океана». Мы дали его здесь с небольшими стилистическими исправлениями и уточнениями к тексту, взятыми из других переводов этого же рассказа.

Забутые страницы Жюля Верна расширяют наши представления о творческой деятельности и научно-технических интересах великого французского писателя.

В журнале «Вокруг света» открыт новый «Клуб 3-М» — «Монеты и марки мира». В 1966 году регулярно, из номера в номер на страницах «Вокруг света» будут выступать известные филателисты и нумизматы нашей страны и всего мира. Они расскажут о любопытных судьбах монет и марок, об удивительных историях, которые приключались с ними.

Начинающие собиратели монет и марок узнают, что такое коллекции, для чего и как они создаются. Любители загадочного найдут в «Клубе 3-М» свою страничку «Прочти — подумай — ответь». За год в журнале будут помещены четыре загадки по филателии и четыре по нумизматике; правильные ответы читателей будут вознаграждены призами (подробные условия конкурса — в первом номере «Вокруг света» за 1966 год).

Сегодня мы познакомим читателей с историей самой северной марки, историей, которая, думается, известна немногим.

САМАЯ СЕВЕРНАЯ МАРКА

«Почта Земли Франца Иосифа... Два цента... 1905 г.» Кажется, все, как полагается... И все-таки не ищите изображения этой марки ни в каких каталогах, даже в самых подробных. Однако она не миф и не подделка, которые нередки в мире филателии.

...В 1901 году состоятельный американец Уильям Циглер, решив к своим деньгам прибавить славу, финансировал экспедицию, которая должна была достичь Северного полюса. Но первая попытка кончилась неудачей. В 1903 году экспедиция снова отправилась в Арктику. Возглавил ее участник предыдущей зимовки

Антони Фиала. Под его начальством тридцать девять человек прибыли к берегам Земли Франца Иосифа на борту паровой яхты «Америка».

Короткое лето высоких широт ушло на восстановление основного лагеря, основанного первой экспедицией, пополнение старых и строительство новых складов, необходимых для будущего похода. В десяти километрах к северу от основной базы был создан лагерь Абрुцци, название которого должно было напоминать о предпринчивом итальянском герцоге Абрुццеком, исследовавшем берега Шпицбергена и Земли Франца Иосифа.

фа в конце прошлого века.

Пришла зима, а с ней и первые беды. Громоздящиеся друг на друга горосы затерли яхту «Америка», стоявшую у берегов ледяного архипелага, сокрушили ее борта и под покровом полярной ночи бесследно поглотили ее. К счастью, зимовщики были на берегу, но всякая связь с Большой землей стала невозможна. От похода к полюсу пришлось отказаться. Радио в те времена не было, и оставалось только терпеливо ждать ее, пока меценат, встревоженный долгим отсутствием экспедиции, пришлет за полярниками другое судно.

Особенно тоскливо было тем, кто застрял на передовой, самой северной базе — в лагере Абруцци. Правда, как только погода позволяла, зимовщики запрягали собак и обменивались визитами с «большим миром» — основным лагерем. Между ними даже завязалась оживленная переписка.

Начальник зимовки в лагере Абруцци Рассел Портер решил поставить дело «не хуже, чем у людей». Коротая долгие часы, он собственноручно, как умел, вырезал из ластика незамысловатый штампель, изображавший бегущего белого

медведя, название «почтового ведомства», цену и с особой гордостью координаты своего лагеря: 81 градус северной широты, 47 градусов 11 минут восточной долготы. И гордость его легко понять — это была тогда одна из самых северных точек, достигнутых людьми, и, уж наверное, самый северный пункт с почтовым сообщением!

К перевозке из одного лагеря в другой принимались теперь только письма с этой самодельной маркой. Ластик смачивался типографской краской, случайно оказавшейся среди запасов экспедиции, и отпечаток аккуратно наносился на конверты Портером, совмещавшим в одном лице должность начальника и почтмейстера лагеря. Между прочим, зимовщики нашли время и (что еще удивительней!) достаточно новостей, чтобы выпускать свою небольшую газету.

Летом 1905 года, наконец, среди льдов залива Теплиц на «рейде» полярной станции бросил якорь спасательный корабль «Терра Нова». Он вывез на Большую землю участников зимовки, а с ними и несколько уцелевших конвертов, маркированных удивительным знаком почтовой оплаты,

На 1-й стр. обложки:
Рисунок Н. ГРИШИНА к рас-
сказу Станислава Лема «Прав-
да».

На 2-й стр. обложки:
Рисунок Ю. МАКАРОВА к по-
вести А. Очкина «Четырнадца-
тилетний истребитель».

На 4-й стр. обложки:
«Строительство новой обсер-
ватории». Фото Е. ЯСЕНОВА.

Редакционная коллегия: А. Г. АДАМОВ, А. П. ДНЕП-
РОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, Н. И. КОРОТЕЕВ, А. А. НОДИЯ,
В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художественный редактор Г. КОВАНОВ

Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10.

А12172. Подп. к печ. 6/III 1966 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (8,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2737.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

В КАЖДОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» —

**ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ
СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.**

Виктор СМИРНОВ

**«НОЧНОЙ
МОТОЦИКЛИСТ»**

Джон СТЕЙНБЕК

«БЕГСТВО»

ВОКРУГ СВЕТА

ФАИТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.